

С(Тув)
У-Т

УЛУТ-ХЕМ

3

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал писателей Республики Тыва

1994

Сегодня в номере:

● Александр ДАРЖАЙ

ПОЭТ И МИНИСТР ВСЕГДА В ПРОТИВОРЕЧИИ
ДРУГ С ДРУГОМ. ПОЛИТИКА ИМЕЕТ И СОЗИДАТЕЛЬ-
НУЮ И РАЗРУШИТЕЛЬНУЮ СИЛУ. ИДЕТ ЛОМКА
ИЗНУТРИ.

● Виктор ТОКА

КАК ПРАВИЛО НА ВСЕХ ПРЕМЬЕРАХ В ПЕРВОМ
РЯДУ СИДЕЛО ВСЕ БЮРО ОБКОМА.

● Кызыл-Эник КУДАЖИ

СКВАТИЛ БУТЫЛКУ ВОДКИ! ВЗБОЛТНУВ, СО-
ДЕРЖИМОЕ СТАЛ ЛИТЬ В РОТ. ГЛОТНУВ, СКОР-
ЧИЛСЯ И ВЫПЛЮНУЛ.

● Иван ШУСТОВ

НАКОНЕЦ ЧУДОВИЩЕ ОБЕЗГЛАВИЛО МИХАНЛА
И, МОТНУВ ШЕЮ, ОТБРОСИЛО ЕГО ГОЛОВУ В
СТОРОНУ.

● Катя АЛЬШЕВСКАЯ

— БОЖЕ МОЯ, БОЖЕ МОЯ! КАК БУДЕМ ЖИТЬ?
МАСЛА НЕТ, БУЛКИ НЕТ, ГОРБАЧЕВА НЕТ И ЕЛЬ-
ЦИННА СКОРО СГУБЯТ.
— А ЕЛЬЦИННА ЗА ЧТО?
— ЗА РЕФОРМЫ, БАБУШКА, ЗА РЕФОРМЫ...

● Эдуард МИЖИТ

А ВЕДЬ ВОЗМОЖНО И СМЕРТЬ — ЭТО ТАКАЯ ЖЕ
БЛАЖЕННАЯ ПАУЗА НЕ ЗРЯ ЖЕ ТАК ЗАГАДОЧНА
И МИМОЛЕТНА УЛЫБКА НОВОРОЖДЕННОГО.

● Д. ЧЕЙЗ

ДАЖЕ В СМЕРТИ БЛОНДИ СМОТРЕЛА НА НАС
ПОДОЗРИТЕЛЬНО. В ЕЕ ГЛАЗАХ ЗАСТЫЛ УЖАС.
МАЛЕНЬКАЯ ДЫРОЧКА ПОД ЛЕВЫМ СОСКОМ ПОД-
СКАЗЫВАЛА НАМ, ЧТО ОНА МЕРТВА.

СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ
ТЫВА

УЛУТ ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит
один
раз
в год
(на русском языке)

3 | 12 | 190 |

1994

май — июнь

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ

Главный редактор
Ч. Ч. Куулар

Редактор номера
Е. В. Антуфьев

М. Ч. Чооду
художественный
редактор

Редакционная
коллегия

А. А. Даржай
М. М. Дуюнгар
В. В. Кольчикова
З. Б. Самдан
В. Я. Тимофеев
А. Х.-О. Ховалыг

Учредители журнала: Правительство Республики Тыва, Комитет по печати и информации, Союз писателей Республики Тыва.

Издатель: Тувинское книжное издательство.

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т—00029.

У 4702580600—11
133(01)—94

47.2.58.6
ББК 84—4—5 Р2

Редакция журнала «Улуг-Хем» открывает новую рубрику — БЕНЕФИС. В этой рубрике мы постараемся наиболее многогранно представлять тувинскую интеллигенцию, рассказывать о произведениях, творческой и человеческой

судьбе писателей, композиторов, музыкантов, художников.

Сегодня наш БЕНЕФИС посвящен Лауреату Государственной премии Республики Тыва, депутату Верховного Хурала Республики Тыва, ведущему писателю Александру Даржаку.

БЫТЬ ОДЕРЖИМЫМ МЕЧТОЙ...

— *Александр Александрович, когда Вы написали свое первое стихотворение?*

— В 12 лет. Я учился в пятом классе. Было весеннее утро, купалось солнце в глянцевых мартовских лужах, воздух был свежим, с легким морозцем. На душе было радостно и светло... Вот об этом и было это стихотворение. Стихотворение забылось, а вот свежее солнечное чувство от него осталось.

— *Ваше самое острое детское впечатление?*

— Первое — в три года, когда я чуть не утонул в речке Шеми. Хорошо, что поблизости оказались два старших брата. Второе — в семь лет. В 50-градусный мороз я убежал от тети из Чаа-Холя, потому что испугался, что она меня будет ругать за разбитую пиалу. До дома надо было пройти 28 км. Я прошел около половины и начал замерзать. Меня спас русский шофер, который довез до фермы. Об этом впоследствии я написал балладу «Где ты, брат?». Она была опубликована в моем первом сборнике «Родная сторона». Тогда у нас ходили слухи, что русские шоферы могут убить.

— *Когда Вы ехали на машине, у Вас был такой страх?*

— Нет. Нет. Я просто уснул. К стыду моему, я даже не помню его имени. На вид ему было лет сорок, скорее это был фронтовик.

— *Кто были Ваши родители?*

— Мои родители — первые тувинские специалисты сельского хозяйства — ветеринары. Дед был арамом.

— *Кто оказал на Вас влияние, которое подтолкнуло Вас к творчеству?*

— Моя мать. Она много читала. Для своего времени она была культурным и эрудированным человеком. Прекрасно знала русский язык. Очень любила Гоголя. Нас в семье было шестеро братьев и сестер. Я — средний. Я был в какой-то степени в привилегированном положении по отношению к остальным. Меньше всех занимался домашними делами. У меня в то время был какой-то запой, голод к чтению. Каждую свободную минуту читал. И когда кто-то из братьев или сестер жаловался, что я меньше занят делами, чем они, мать говорила: «Не мешайте ему, пусть читает».

— *В Вашей поэзии очень много стихов о матери.*

— Если писать о родных местах, о родине — без матери это немыслимо. Без любви к матери нет любви к родине. Тема стихов о матери — неисчерпаемая тема. В 10-ом классе я написал поэму о матери. Рукопись впоследствии была утеряна. Часть я восстановил и включил в цикл «Венок сонетов».

— *В каждой семье существуют свои маленькие традиции. Какие традиции в Вашей семье?*

— Дверь моего дома всегда открыта для друзей и гостей. В семье культ тувинского языка. Его знают хорошо даже внуки. Потому что язык — это корни национальной культуры.

— *Сколько у Вас внуков и как их звать?*

— Двое. Старший — Алдын-Херел (Сутра золотого блеска). Есть и второе значение у этого имени — золотой луч. Другой — Субудай. Это имя носил один из военачальников Чингис-Хана. Сначала я хотел назвать его Отгукай. В честь предка моего отца — участника восстания 60-ти богатырей, но, к сожалению, у тувинцев называть детей именами родственников не принято.

— *Вы были членом Коммунистической партии?*

— Да. Если взять некоторые мои стихи, в них есть отблески того времени, но социально-политических вопросов в стихах я никогда не затрагивал и партийно-номенклатурным писателем никогда не был. Но был ли я в душе идейным коммунистом, — это вопрос вопросов. Время такое было. Даже

в бригадиры без членства в партии невозможно было выдвигаться.

— *Продолжительное время Вы сами были номенклатурой — министр печати и информации. У Вас в кабинете были «двойные двери». Как поэт и министр уживались друг с другом?*

— Двойных дверей в моем кабинете не было, хотя мне и предлагали поставить. Но я отказался. Мои двери всегда были открыты для посетителей. Я даже на работе не изменял семейным традициям.

— *Трудно быть министром?*

— Политика — это одно. Писатель — это другое. Но, чтобы понять это, через это надо пройти. Номенклатурная работа — это разрушение творческой личности. Внутри поэт и министр всегда в противоречии друг с другом. Политика имеет и созидательную и разрушительную сторону. Идет ломка изнутри. Это очень страшно. Возьмем судьбу министра культуры России Соломина. Победило творческое начало: талантливый актер — он ушел с поста. Так что и я не исключение, хотя многое хотелось сделать и в этом плане.

— *Много появилось недоброжелателей за время работы министром?*

— Даже больше, чем я ожидал.

— *Как продвигается работа над политическими портретами? Сейчас у Вас, наверное, появился еще более интересный материал?*

— Работа продолжается. Думаю, что опубликую их после ухода с государственной службы.

— *Не жалеете, что ушли с поста председателя правления Союза писателей?*

— Нет. Я ушел добровольно. Съезд был создан по моей инициативе. Нужно дать дорогу более молодым. Но кое-какая работа мною была все же сделана: альманах стал журналом. В мою бытность в Союз писателей вступило 6 человек.

— *Ваш самый первый и суровый критик?*

— Моя жена.

— *Любимый вид отдыха?*

— Работа на даче, которую построил своими руками.

— *Ваши любимые писатели?*

— Классики. Классики никогда не стареют. Мои любимые писатели Лесков, Гоголь, Л. Толстой, Бунин, С. Сарыг-оол, С. Щорбя.

— *А из современников кого вы почитаете?*

— Ярких талантов в современной тувинской литературе много. Чего стоят Ю. Кюнзегеш, К.-Э. Кудажи, М. Кенин-Лопсан. Из более молодых я очень высоко ценю А. Уержаа, Э. Мижита. Это поэты. К ним можно отнести и И. Иргита, Н. Куулара, А. Ховалыга. Из прозаиков — Э. Донгак, М. Кожелдей, М. Дуюнгар, М. Ховалыг. Сюда можно включить и других писателей. Они все разные, но составляют единое целое, т. е. представляют тувинскую литературу сегодня. Так что утверждение, что сейчас тувинская литература в застое, в корне неправильно. Она в развитии и движении.

— *У каждого человека есть мечта, сбылась ли Ваша?*

— По большому счету я уверен — мечта не сбывается. Но эту мысль не надо принимать так категорично. Мы всегда гонимся за мечтой. Для поэта мечта — это вдохновение. Поэт одержим мечтой. Для него каждое хорошо написанное стихотворение — это сбывшаяся мечта. Мечтать — значит жить.

Беседовал Евгений Антуфьев.

«БЕСЧИСЛЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ ВСЕЛЕННОЙ...»

*(Духовные искания современников
в творчестве Александра Даржая)*

Данная работа представляет попытку изучения произведений современных тувинских писателей, изображающих человека как личность, свободную от социальной заданности, не социологизированную и не политизированную.

В тувинской литературе эта проблема наиболее последовательно отразилась в творчестве Александра Даржая. Наша задача — рассмотреть на примере его творчества авторские представления о человеке, о его месте в жизни, об отношениях между людьми. Увидеть и назвать такие характеры, которые раскрывают диалектическую сложность человеческих отношений.

На протяжении двадцати с лишним лет Александр Даржай проявляет значительную творческую активность, результатом которой явился выход в свет 15 его сборников на тувинском и русском языках, в числе которых две книги рассказов и повестей «Сон при звездах» — 1979 г. и «Если хочешь жить...» 1984 г. В рассказах и лирической поэзии Александра Даржая создан особый образ нашего современника, человека ищущего, неудовлетворенного.

Рассказ «Отчугаш» назван именем героя. В центре повествования отдельный человек. Здесь отразился особый интерес к «истории души», к неуловимым изменениям в психологических состояниях и настроениях героя. Отчугаш — передовой чабан. Он уверен в себе, уверен в окружающих его людях. Изменения в его настроении, чувствах и даже мировосприятии начинаются во время встречи бывших одноклассников. Прошло много лет, встреча обещает много радостных неожиданностей, и Отчугаш, веселый, в хорошем расположении духа, спешит на встречу. Далее страница за страницей мы наблюдаем постепенные изменения в психологическом состоянии героя. Первое недоумение: самый близкий человек — друг Маскалдай — не ждет его сегодня. Второе недоумение — в торжественном докладе называются известные именитые выпускники школы (писатели, журналисты, начальники разных рангов) и даже не упоминаются другие, оставшиеся в селе. Следующее недоумение — Маскалдай занят почетными гостями и не приглашает его на ужин. Все более усиливающиеся недоумения перерастают в разочарование. Отчугаш в доме друга понимает, наконец, что встреча эта не для таких, как он, эта встреча для избранных, которым старается угодить местное начальство в лице его друга Маскалдая. Возвращается Отчугаш домой уже в другом настроении: появляется ощущение обманутого человека, утраты чего-то близкого.

В социальном плане (в отношении между людьми между обществом и человеком) ничего не изменилось. Действие происходит в течение одного вечера. Но какие изменения мы обнаруживаем в душе человека! От радостного, уверенного состояния души к чувству одиночества и непонятной тоски через недоумения и разочарования. Такой взгляд, взгляд во внутренний мир человека без акцентирования социального фона позволяет писателю исследовать нравственные начала личности.

Вероятно, по личностной направленности рассказу «Отчугаш» предшествуют рассказы из сборника «Сон при звездах» — 1979 г. Это рассказы: «Чужое дитя», «День рождения Мергена», «На высоте», «Солнце восходит на востоке», «Письмо из сельской местности» и «Десять рублей» — 1984 г., которые обращают внимание на нравственные проблемы, но еще не так сильно несут проблемный заряд, как в рассказе «Отчугаш». Столкновение в них только назревает.

В небольшом рассказе «Тарзан» — 1984 г. — Александр

Даржай сумел сопоставить традиционно народное представление о прекрасном и мировосприятие своего современника. Тарзан — цельная, сложившаяся личность, сохранившая в себе народные представления и навыки. Тарзана глубоко задевает варварское отношение к природе. В этом — одно из проявлений народного характера. Сторонним наблюдателям — детям и взрослым — иногда недоступны для понимания побудительные причины резких, непримиримых реакций героя на отношение окружающих к природе (дети были рады, когда рыба в перекрытой воде шла сама в руки). Только спустя десятилетия, когда герой рассказа повзрослеет, выявится для него внутренняя логика поведения Тарзана. В ее основе — последовательная защита тех высот внутренней культуры, которых достиг народ.

В «Тарзане» нет определенных заявлений, декларации. Поставлены лишь вопросы: отчего популярен и любим Тарзан? Чем притягателен его образ? Почему после знакомства с ним появляется ощущение очищения? Вот он помог мальчугану в работе по дому, чтобы тот смог с друзьями пойти на рыбалку. А на рыбалке удивил ребят тем, с каким отчаянием начал убирать заслон. Этот уже не молодой по возрасту человек остался в сердцах своих односельчан юным. Он непосредственен, чист и олицетворяет собой детство села.

Есть еще один персонаж в рассказах-портретах А. Даржая, который дает нам уроки нравственности, духовности. Этот дед Конгар («Дед Конгар»). Он близок Тарзану своей странностью, загадочностью. Конь для него как человек, он разговаривает с ним, зимой идет вброд спешившись. А когда въезжает в село, всегда идет рядом с конем.

Чем схожи два рассказа? Нет сюжета, нет изображения социального плана. Оба героя не похожи на других, очень необычны. В рассмотренных рассказах автор напоминает нам о прочности нравственных устоев народа, запечатленных в непосредственном опыте личности. Мысль о том, что человек ответственен перед всем человечеством, перед всем живым, пронизывает оба рассказа.

Литературовед С. Алиева пишет: «В начале 70-х в литературе появилась новая фигура — «деловой человек». Его антипод — «чудик». Нравственный максимализм, внутренняя цельность и духовная бескомпромиссность присущи этому герою». Это не герой, которому будет подражать читатель. Это и не персонаж, с помощью которого высмеиваются недостатки личности. Он странен, не похож на других и даже

смешон. Он смешон, но несет в себе Совесть, Правду. Таковы шукшинский «чудик» и герой А. Даржая «Тарзан». Следует отметить, что у В. Шукшина его необычный герой — явление социальное, общественное, в котором отражена судьба народа. Поэтому в голосе автора — интонация осуждения, протеста, возмущения. У А. Даржая такой герой рожден в поисках идеала, в поисках гармонической личности, отличной от «всесторонне развитой личности» эпохи коммунизма. Это — поиск, и направлен он к нашим истокам, корням. В «чудиках» обоих авторов много истинно народного, чистого. И живут эти герои по другим, не похожим на наши, законам. Они порой бывают непонятны, но если пристально взглядеться, прислушаться, учат нас, напоминают нам о многом.

С проникновенностью и чуткостью художника Александр Даржая ощущает несовершенство мира. Он видит противоречия современной жизни и, как никто другой, чувствует, что необходимы изменения, ибо душа поэта всегда стремится к идеалу.

Лирический герой А. Даржая сталкивается с варварским отношением людей к природе. Все ли верно, так ли надо жить? Если вступили на тропу новшеств, прогресса, то почему так сиротлива эта земля, которую мы покинули, почему чувствуется боль в сердце, и возникают вперемежку с уверенными заявлениями робкие сомнения:

Когда-нибудь новшества Чаа-Холя,
Может быть, успокоят мою печаль.
(1980 г.). (Здесь и далее
подстрочный перевод У. Донгак).

Но с каждым днем таких покинутых мест становится больше, и боль в сердце не проходит, а усиливается, и появляются уже не строки сомнения, а строки разочарования. («Я никогда не видел моря» — «Далайны кербээн мен»). Становится ясно, что после такого небрежного, равнодушного отношения к родной природе неминуемо забвение. И вслед за лирическим героем стихотворения «Я никогда не видел моря» мы понимаем, что сила наша в привязанности к родным местам, в преемственности поколений.

Необходимо заметить, что в ранних сборниках А. Даржая преобладают стихи с восторженным, радостным восприятием жизни «Благопожелание новому дню» — «Чаа хунге йэрээл», «Страна песен» — «Ыры чурту» и другие).

В современной тувинской литературе немало произведе-

ний о любви к земле, к родному краю, его природе, о том, какие мудрые трудолюбивые люди живут там. В начале 80-х на фоне радостного мажорного тона восторженных песен о новой жизни появляются неуверенные тревожные нотки (Николай Куулар «Чистый воздух» — «Арыг агаар» — 1984 г., Игорь Иргит «Бригада лентяев» — «Чалгаапайлар бригадасы» — 1984 г.). Перекликается с ними стихотворение А. Даржая «Длинная дорога» — «Узун орук».

Эти стихи развились в произведения, поднимающие острые проблемы современности, которые звучат как протест, осуждение. Одна беда поразила и село, и город — это безответственность. Внутренняя мятежность, негодование чувствуются в сатирическом стихотворении «Ничего!» — «Ажырбас!». Жизнь земляков скудна, не везде благополучие и достаток, но по-прежнему народ приветлив, открыт, и его гостеприимству, радушию не мешают даже двойные двери юрты. Но естественные, тоже двойные двери. За ними решаются людские судьбы, но порой неприветливы, чужды народу бывают начальники, сидящие за ними («Двойные двери» — «Ийи дакпыр эжик»). Сталкиваясь с обманом, неискренностью, лирический герой А. Даржая мечтает о «буяне» (милосердии, доброте, добре), и рождается поэма-наставление «Людская совесть» — «Кижиги нууру». В ней автор передает молодежи свои наблюдения о жизни. Это философские размышления о юности и старости, о любви к земле, о ценности знаний, о человеческих достоинствах и пороках.

В тувинском фольклоре существует охотничьи благопожелания, при неудачной охоте для выражения чувства сожаления и проклятия, для выражения недовольства. «Плач старухи...» и «Плач старика...» соединяют в себе эти функции. В структуре этих произведений из охотничьего благопожелания — обращение к светилам, к земле, к народу, сообщение о нужде. «Плач старухи...» написан в стихотворной форме, стих организует аллитерация. В другом «Плаче...» чередуется рифмизированная проза со стихом. Используются в этих двух произведениях перифразы, и лексика максимально приближена к языку народных поэтических произведений. В вышеназванных стихах А. Даржая наблюдается трансформация традиционных жанров для более полного выражения замысла автора.

Использование традиционных образов, символов в поэтике современных произведений характерно для многих тувинских поэтов.

Культ коня, его идеализация в фольклоре послужили тому, что в творчестве Александра Даржая традиционный образ коня несет особую смысловую нагрузку. Традиционно-символический образ коня-друга, помощника человека придает его произведениям романтический пафос, что тесно связано с поисками идеала. Стихотворение «Зеленый конь» — это не только воспоминание о детстве, о несбывшемся чуде. Этот образ зеленого коня напоминает о мечте народа, о вечной молодости и счастье.

Очень распространены в поэзии Даржая образы парных турпанов как символ верности, преданности в любви. Журавли — символ привязанности к родным местам. Их образ неизбежно связан с тоской по дому, по семье, с воспоминаниями о детстве или прошедшей юности («Журавли», «Журавли, плача и плача»).

Образ матери нашел отражение в сложной стихотворной форме — «Венке сонетов». Именно особое отношение к матери привело поэта к избранию такой изысканной формы. Во многих произведениях матери — лейтмотив, который придает произведению значительную эмоциональную задушевность: «Как молоко моей матери», «Словно счастливая мать, не знающая печали» и так далее.

Образ матери (чиргилчин) — новый образ в поэтике Даржая — знаменует тягостное настроение, наваждение, затаенную боль.

Звезда на небосклоне тесно связана с образом падающих звезд. Если сияющая звезда олицетворяет спокойствие, прочность мира, счастье на земле, то падающие звезды — нарушение этой умиротворенности, беду, несчастье («Олень», «Как мне тебя успокоит?»).

Прервалась жизнь юноши:

Бесчисленные звезды вселенной
Опали в черных глазах юноши

Рассмотрим композицию лирического стиха Александра Даржая. Начало стихотворения «Пока я жив...» — важный структурный элемент. Оно вводит в тему, развитием которой служит следующая часть стихотворения. А вот другое начало, которое содержит в себе определенный эмоциональный заряд («Я никогда не видел моря...»). Здесь начало повторяется, чтобы усилить различные оттенки чувства утраты: простое сообщение, горечь утраты, безысходность. Начало и конец принимают здесь форму своеобразного кольца... Реф-

рен — излюбленная форма поэта. Выдвинутый в начале тезис в результате движения темы может немного измениться в конце («Наследство моих родителей»).

Изменяется, совершенствуется мастерство Александра Даржая. Во всем его творчестве прослеживается образ ищущей, равнодушной натуры, которая соединила в себе черты современников писателя, его многочисленных читателей.

*Младший научный сотрудник ТНИИЯЛИ
Урана Донгак.*

Александр Даржай

Страдания в пору желтой листвы

Годы приходят и уплывают,
Оставляя свой груз на душе.
Как будто она огромный сундук,
Что можно в нее набивать много забот.
Когда звонкоголосым мальцом был,
Я жил беззаботно.
Потери легко проходили,
Чуть касаясь плеча крылом.
А сегодня, а сегодня,
Хожу по сыпучему обрыву,
Что-то громом катится вниз,
Что-то незаметно уплывает из-под ног.
Теряю, теряю... Все меньше нахожу...
Вслед за листом срывается лист...
Вот построили новый поселок
В выжженной солнцем степи,
А село родное предано огню,
То место уже поглотила вода.
Зеленая, большая лужица,
Называемая рукотворным морем,
Обдает меня своим
Неприятным болотным запахом.
Мать моя давным-давно

За красной солью уехала,
А вслед за ней отец,
Как будто соскучившись,
Заторопился.
Друга конь, встав на дыбы,
Сбросил
И насовсем ускакал.
Мой поэтический очаг
Зажгли и ушли в нижний мир,
Отдав в наследство средний мир,
Мои аксакалы поэты-башкы...
Открываю нараспашку
Дверцу своей души и вижу:
Пожелтевшие тумбочки могил
Сиротливо выстроились в ряд
И сиротливо смотрят на меня,
Предавшего их забвению.
Говорливый пережат,
Придержав свой бег, замолк.
Подул ветерок, гуляет вовсю.
Вслед за листом срывается лист...
Я один стою на пустыре.
Смотрю, дрожа, на обнаженный лес,
Как будто иду
По сыпучему обрыву.
И что-то громко катится вниз,
Что-то незаметно уплывает из-под ног
Теряю, теряю... Все меньше нахожу.
Вслед за листом срывается лист.

Я моря не видел ни разу

Я моря в жизни ни разу не видел,
Не загорал на его золотистом песке.
Я только слышал, что где-то
Далеко-далеко за горами плещет оно.
Вот эту зеленую, застывшую воду
Почему-то морем зовут.
По утрам и вечерам
Расползается смрадный болотный запах.
И туманом стелется

У подножия островерхих гор.
Я ни разу в жизни
Море синее не видел,
Не плавал на огромном белоснежном корабле.
Здесь я,
На берегу Улуг-Хема родного,
Свои худые ребра грел на солнце.
Здесь я,
Впервые утонул на дне черных глаз
И вплыл прямо в сердце любимой.
Я слышал, что у моряков не бывает могил,
Что море становится им последним пристанищем.
А я же так верил
В вечность родимой земли.
Но сегодня я навеки родину потерял.
Гребу я веслами по зеленой воде,
Не чувствую, как прежде, быстрого течения.
Бросаю цветы полевые
Наугад в то место, где похоронено родное село.
Я в жизни моря ни разу не видел,
Не загорал на его золотом песке.
Слышал, где-то за горами плещет оно,
Расчесывая гривы волн строптивых.
Я море никогда не видел,
Но зато родные места навеки потерял.

Бумажные цветы

Бумажные цветы
Трепещут на ветру.
Неслышно
Желтый лист
На красный гроб
Ложится.
Я у дороги встал.
И, шляпу сняв,
Стою,
Чтоб с незнакомым мне
В последний раз
Проститься.

Марш траурный
Плывет
Куда-то в небеса.
Гроб на руках людей
Все дальше
В степь уходит.
Шумит
Осенний лес.
И желтая листва,
Кружась,
Печально
Падает под ноги.

**Отрывок из поэмы
«Людская совесть»**

1.

Мать напевает тихо малышу,
Сияя счастьем, юной красотой.
А рядом дед, качая головой,
Под песню колыбельную уснул.

2.

Мы всю зиму скучали по летнему солнцу,
И весной, едва на дворе припекло,
Дочка ходит за солнцем, как тонкий подсолнух,
Хрупким тельцем вбирая большое тепло.

3.

Ручеек в половодье зальет берега,
Ему глубию морскою не стать никогда.
Мальчик трогает мир, погремушку крутя,
Но мужчиною станет однажды дитя.

4.

Счастье детства в тайнстве игры,
Но коварен времени расчет.
В мальчишке, скрываясь до поры,
Эгоист расчетливый живет.

5.

В трудном деле мне нужен хороший совет.
Может, мудрый старик мне подскажет решение?
Но мудрец покачал головой в огорчении...
Дал малыш желтоклювый разумный ответ.

6.

Пожелаю, чтоб был ты не хитрым, но мудрым,
Чтоб позор не упал на тебя, как зола,
Чтобы в старости были чисты твои думы
И белы, как седая твоя голова.

7.

Быть может тому, кто живет добром,
Ляжешь ты на дороге гнилым бревном?
А тому, кто торгует своей душой,
Ты станешь высокой и крепкой стеной?

8.

Я за правду цепляюсь, как за камень высокой горы,
Чтобы имя мое не трепало по ямам лжи.
И на совесть свою жирных пятен вранья не пролью —
У правдивой горы поселил я совесть свою.

9.

В твой дом заходит верный человек —
Твой дом благополучен будет век.
В твой дом заходит подлый и двуличный —
На месте дома будет пепелище.

10.

Собака лает и лютует
И ей, ей—богу, не понять,
Что о добре душа тоскует,
От зла уставшая страдать.

11.

На ярость — есть терпенье справедливости.
На горе — есть терпение любви.
Через невзгоды, сердце справедливое,
Меня на негасимый свет любви веди.

12.

Кто менял свою честь на блестящий металл,
Тот богаче не стал.
Кто менял свою жизнь на безбедную жизнь,
Неспокойно в могиле лежит...

13.

Все случается в жизни бурлящей.
Метил в утку — да рябь по воде.
Ее взглядом проводишь скольльзящим
С облегчением тайным в душе.

14.

Сакуна не продай никому никогда.
Разве друга возможно продать?
И над юртой твоей загорится звезда,
Чтоб во тьме было легче скакать.

15.

Белка любит свое дупло,
Журавль — сырые луга.
Мне тоже в своем гнезде тепло,
А гнездо мое — ты, Тыва.

16.

Лето бесплодного зноя,
Сожженные травы хрустят.
Будет голод.
Кто слово худое скажет
Тебе, родная земля?

17.

«Большое видится на расстоянии», —
Однажды высказал поэт.
Пусть хороши чужие страны,
Но лучше Родины стран нет.

18.

К гнезду разоренному птица
Уже никогда не вернется.
Но скрипнет опять половица
И болью в душе отзовется.

19.

Весною посею отборное семя.
И будет обильный, большой урожай.
Друзья мои выбраны правдой и временем,
Отборными зернами души лежат.

20.

Добро останется добром,
Его как ни крути,
Вовек не спутаю со злом
На выбранном пути.

21.

Удачей своей поделись бескорыстно.
И будет наградой тебе
Звезда, что сияет светло и лучисто,
И путь освещает судьбе.

22.

Несгоревшее полено
Сажей вымажет тебя.
Хладнокровная измена
Хуже буйного огня.

23.

Помоги, помоги —
Пусть светлеют лицом,
Чтобы сами смогли
Осветить тьму добром.

24.

Настоящий мужчина,
Смышленный в труде,
Мой народ —
Это имя даю я тебе.

25.

Душе отпущен срок на белом свете,
И впереди непройденное поле.
И я за жизнь ее теперь в ответе,
Добро творить нельзя душе без воли.

26.

Безногому — посох, слепому — глаза.
 Глухому — мелодию сада,
 Чтоб тихо и сладко скатилась слеза,
 Что жизнь — это все-таки радость.

27.

Добро вовеки не убить,
 Не перейти ему дороги...
 Есть вечное желанье жить
 И не укладываться в сроки.

28.

Не кричи: «Я кончил институт»
 Старики — они профессора.
 Они все проверят и поймут,
 Как ты сдал экзамены вчера.

29.

— Счастливец — так спокойно, долго жить!
 — Но этот долгий век не стоит дня.
 — А в одночасье голову сложить?
 — Быть может, в час века вошли в меня.

30.

Все отдал за улыбку ребенка.
 Его опыт совсем не велик,
 Но как чутко, как чудно, как тонко
 В сущность жизни уже он проник.

31.

Оглянись, прошу тебя, назад,
 Если власть, как конь, несет вперед.
 Оглянись, ты мчишься прямо в ад,
 Если совесть не берешь уже в расчет.

32.

Ухмыляясь, кивают тебе:
 Не старайся, чужак, понапрасну.
 Ты затянешь аркан на судьбе,
 А вершина тебе не подвластна.

33.

Рухнет конь под тобой справедливо,
Не доскачешь до юрты родной.
А звезда, что так ярко светила,
Вдруг однажды затянется мглой.

34.

Ты о Родине думай своей,
В дальних странах заморских бывая.
Ничего нет на свете больней,
Чем молва о народе худая.

35.

Не теряй свое мужское имя,
Оправдай доверие людей.
Усмири в душе своей гордыню
И Добра для нищих не жалей.

36.

Счастья ты достигнешь — и удача
Постучит, как гость желанный, в дом.
Только это ничего не значит,
Если все несчастливы кругом.

37.

Озарится матери лицо,
Если слава, словно солнце, на крыльцо.
И чернее черной ночи станет,
Если подлость в двери барабанит.

38.

Дорогу не найдешь
Средь солнечного дня.
Безбедно ты живешь,
Хоть бедствует родня.

39.

Если обещаешь мертвому коня,
Над тобой смеется вся твоя родня.
Если слов на ветер бросить не с руки,
Уважают даже кровные враги.

40.

Ты утонешь, как мышь в молоке,
Твоя сила тебе не поможет.
Не решай ничего налегке,
Только мудрость работу итожит.

41.

Не говори:
— Всего достиг!
Если даже удача оседлана.
Потеряешь ее в один миг,
И к другому ехидно уйдет она.

42.

Можно потерять кольцо, часы.
И подругу можно потерять.
Если совесть потеряешь ты,
То об этом нечего кричать.

43.

Снял башмаки ты, не видя воды.
Зад оголил ты, не видя горы.
Дело не терпит всегда суеты.
А с суетой — только шаг до беды.

44.

Не споткнись, где раньше спотыкался.
Не сплошай, где раньше промах был.
Знай, что каждый в жизни ошибался
Перед тем, как опыт накопил.

45.

Разорви судьбы лукавой цепи,
Как бы крепки ни были они.
Ничего печальней нет на свете,
Чем бесцельно прожитые дни.

46.

С другом раздели его удачу
И невзгоды тоже раздели,
Если горе у него маячит,
Словно туча черная вдали.

47.

Никогда никому не завидуй.
Никогда ничего не проси.
Спрячь от взгляда чужого обиду
И убогому глупость прости.

48.

Слов обидных другу не промолви,
Как бы ни был на него ты зол.
Дружба проверяется любовью
И дорогой, с ним которой шел.

49.

Воцарится мир и покой,
Если придет мудрец,
Который из чаши одной
Накормит волков и овец.

Эдуард Мижит

СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ

МАЛЬЧИК И РУЧЕЕК

Мальчик, присевший у краешка лужи, чем же ты протянул мой взор, какими чарами ты окутал мое сердце, и что за сила таится в твоих задумчивых темных глазах? И вырвала меня эта сила из суетливой толпы и поставила перед тобой, как школьница перед учителем, перед учителем добрым и мудрым. И поднял ты прутик с земли, и начертил им, как волшебной палочкой, крохотную линию от края лужи, и потекла дождевая вода в эту открытую дверь, и до того причудливости были извивы ее пути, что не ведал, я, куда же сейчас направится бег новорожденного ручейка. А ручеек бежал себе и думал, наверное: «Вот свобода, куда захочу, туда и поверну». И всмотрелся я пристально, и увидел на земле еле заметные ямочки и впадинки, и узрел я, что бежит ручеек, перетекая из одной ложбинки в другую, по невидимому руслу. И понял я, что это русло властно направляет столь, казалось бы, вольное течение его. И русло это было только его, создано только для этого недолговечного ручейка, и только по этой тайной дорожке суждено было прожурчать именно этой тоненькой струйке воды, которая исчезнет затем под землей, оставив лишь влажный след своего пребывания на земле. И мимолетен будет этот след, ибо высохнет он прямо на глазах, и останется он только в памяти моей и в памяти мальчика.

И встрепенулся я, и прозрел вдруг, что и мы вот так же втекаем в свою судьбу, не осознавая этого, следуем ее руслу. Так вот почему всю жизнь мы кричим: «Свободы! Свободы!».

И глянул ты на меня, загадочный мальчик, и улыбнулся ты, и показал на сотворенное тобой серебристое журчащее

существо, и в глазах твоих мерцала великая и непостижимая тайна. И вострепетал я перед тобой, ибо проник твой взгляд сквозь меня, ибо под взором твоим я ощутил как проносится через меня пространство и время, ибо смотрели на меня в это мгновенье глаза Бога.

КОЛОДЕЦ

Баллада

В детстве он манил меня к себе с такой властью и непреклонностью, что временами мне становилось жутко от ощущения этого магического притяжения. Нет, днем это был просто колодец и не больше, я подходил к нему без всякого интереса и набирал воду, хотя где-то там в груди слабо-слабо начинала трепыхаться крошечная точка необъяснимого волнения, которую я в тот момент даже не замечал, а вспоминал об этом уже вечером, когда все мои мысли постепенно, но неуклонно, изгонялись одним желанием — поскорее заглянуть туда, в глубь колодца. К вечеру он превращался в какое-то загадочное существо, и оно пугало меня так, что я начинал чувствовать неостановимую внутреннюю дрожь, и в то же время меня так тянуло к нему, что я бессилен был сопротивляться его безмолвному зову. Не знаю, может быть, мне самому так сильно хотелось проделывать это каждый вечер, из-за чего желание это приняло такие странные, почти мистические формы. Может быть. Но мне не хочется так думать. Я держался изо всех сил, хотя знал наперед всю бесполезность попытки. Видимо это доставляло мне удовольствие или же усиливало последующие впечатления. Но вот тетива моего сопротивления натягивалась до предела, и я стрелой пересекал двор дедушкиного дома, перемахивал через заборчик и оказывался у колодца. И тут начиналось самое главное. Со сладким чувством страха я наклонялся над ним, заглядывал внутрь и надолго застывал в такой позе. Я погружался в неизъяснимое чувство не то парения, не то скованности. Чудилось, что вот-вот со дня появятся огромные лапы, схватят меня за плечи и затянут туда, к этим ужасным теням, которые призраками метались в глубине и по стенкам колодца. В такие минуты хотелось немножко отодвинуться назад, но когда казалось, что за моей спиной кто-то стоит и только того и ждет, чтобы схватить меня и утащить. Я сжимался в комок,

суставы мои немели так, что потом с трудом приходилось разгибать спину, руки, ноги. Я видел себя в каком-то фантастическом мире, отныне я начинал существовать сразу в двух лицах: и тот я, который глядел на меня оттуда, казалось, был в тысячу раз мудрее меня. Он так снисходительно смотрел на меня, что мне становилось не по себе и тоже хотелось туда, к этим дрожащим звездам, к этому колыхающемуся темному небу, к луне, которая поминутно меняла свою форму, складываясь в знаки неизвестной мне письменности, и мне так хотелось увидеть то, что видит он, о чем он так таинственно молчит. А иногда в своих грезах я начинал парить с ним рядом, и эти мгновенья были верхом блаженства. Надо мной и подо мной были звезды, они окружали меня, и я летал среди них, не чувствуя своего тела, я весь превращался в невообразимый восторг и, казалось, что вот-вот я наконец-то пойму его, узнаю все его тайны и стану таким же, как он. Но, хотя я научился немного понимать его и даже сделал несколько маленьких открытий, он для меня так и остался сфинксом с еле уловимой улыбкой на губах. С тех пор я часто вспоминал его, пытался постичь, силился смотреть на мир его глазами, а когда это получалось, мир предстал перед взором в перевернутом виде, и тогда я в чем-то начинал пребывать, по крайней мере, мне так чудилось. И когда я высказывал те, довольно странные, мысли, которые приходили мне в голову в такие моменты, многие удивлялись: «Откуда же все это?» — «Из колодца», — любил отвечать я, глубоко мысленно и слегка снисходительно улыбаясь при этом, пока не подрос и не узнал, что все это — детские фантазии и всего лишь творение моего мозга. Тогда я уверовал, что я чуть ли не гений, а воспоминания о колодце постепенно износились, краски на них полиняли, и я вытаскивал их только тогда, когда хотелось щегольнуть ими, как делают старые модницы, вот как, мол, я одевалась тогда-то и тогда-то. «Какой чудный полет воображения!» — охали слушатели, а кто-то из них, возможно, был искренен. «Какая наивная сказка», — думал я, спустя долгие годы, приближаясь к тому самому колодцу. Он оказался до обидного обыкновенным и, вдобавок, дряхленьким, но мне почему-то захотелось еще раз взглянуть на него, вспомнить Детство, напиться холодной воды.

Из колодца пахло плесенью, по углам висела паутина, и он не казался таким уж бездонным. Из воды глянул на меня respectable вида тридцатилетний мужчина. Неожидан-

но меня поразило выражение его лица — это было напыщенное лицо самовлюбленного глуповатого типа с высокомерной усмешкой в глазах. Неужели это я? Но в следующий миг я, начисто позабыв, что это всего лишь мое отражение, кричал во весь голос: «Что ты так смотришь на меня, дурак наби-тый? Что ты знаешь о жизни и смерти, ты, просидевший всю жизнь в этом своем колодце? Ты считаешь себя ужасно мудрым, а умеешь только строить загадочные рожи тем, кто иногда, любопытства ради, заглядывал в твой колодец. Ты ведь, как этой плесенью, покрылся самодовольством. Долго же вы морочили мне голову — ты и твой колодец...» Пока я, как в бреду, выкрикивал это, облик его под воздействием зыби, пробежавшей по поверхности воды, резко изменился или он просто скинул маску, но, во всяком случае, оттуда, со дна уже смотрел все тот же мальчик из моего детства. Заметив это, я так и застыл, проглотив остальные слова, которые мурашками пробежались по спине. Вдруг какая-то огромная тень, оторвавшись от стенки, метнулась на меня. Я в ужасе отпрянул и свалился на землю рядом со срубом, но тут же вскочил на дрожащие ноги. Когда первый испуг немного прошел, я попытался еще раз заглянуть в колодец, но от него исходил до странности упругий холодок, который, как некое живое существо, отчужденно толкал меня в грудь, не подпуская к колодцу. Это было сверх всякой меры, и я сдался — не поворачиваясь, сделал несколько шагов назад, туда, где еще недавно стоял дедушкин дом, пока не услышал со стороны колодца чей-то горестный вздох, и кровь в моих жилах обратилась в лед.

ПЕЧАТЬ

— ...Пойми меня правильно, малыш, пойми, что жизнь совсем не такая штука, какой ты ее себе представляешь. Я сейчас не буду рассказывать тебе о том, какая она на самом деле — ты все равно не поймешь, а если даже и поймешь, то ни за что не поверишь. Ведь так? Да еще считаешь, что я просто пытаюсь таким образом оправдать себя. Ну вот. А мне не в чем оправдываться, ну что я такого совершил, скажи мне, пожалуйста? Я живу, как все...

— ...

— Но, помилуй, да как же можно винить человека за то, что он ничего в жизни не совершил? Ведь не каждому это дано...

— ...

— А при чем тут какие-то клятвы, мечты и все такое прочее? Все это — детская игра, не больше. К тому же сейчас и слов-то таких никто не говорит. И если узнает кто-то из моих знакомых, что я когда-то изъяснялся такими выражениями, то прямо в лицо мне рассмеется или же воспримет мои слова за очередную и, причем, неудачную шутку.

— ...

— Да, но мало ли о чем я мечтал в детстве... Каждый о чем-то мечтает в детстве, каждый дает себе какие-то обещания. И почти никому не удается сохранить в себе все это. Ведь это так не ново. Просто жизнь так устроена. И вот этот наш с тобой разговор тоже, в общем-то, вполне обычная вещь. Да. И каждый через это проходит.

— ...

— Ну, вот опять... Ну не смотри ты на меня с таким укором...

— ...

— Что?! Да в своем ли ты уме? Какое убийство? Опомнись! Какое предательство? Ты сам прекрасно знаешь, что никогда никого я не убивал и не предавал. Что за вздор ты несешь?

— ...

— Да как же я могу тебя предать, тем более убить? Ведь ты — это я, только в детстве. Ведь ты — только мое воспоминание, всего лишь тень в моей памяти. Вот захочу и отвернусь или вспомню кого-нибудь другого и все — тебя не будет, ты исчезнешь...

С этими словами я отворачиваюсь от этого мальчика с такими задумчивыми и грустными глазами. Ведь вместе с укором в глубине его глаз, как монетки на дне колодца, таятся, совершенно невыносимые для меня, жалость и сострадание. Через минуту я снова поворачиваюсь и его, конечно же, нет. Видение исчезло... Но какое-то чувство, похожее на страх, сжимает мне сердце. «Да что же это такое? Разве я отвечаю за свои воспоминания?» — начинаю я невнятно бормотать что-то в этом роде, но... в этот миг... о, Господи, что со мной..? В какую-то омерзительную гримасу начинает стягиваться мое лицо., и я ничего не могу поделать. О, ужас, ужас! Наверно, я схожу с ума! Мои ногти бешено вонзаются мне в лицо и пытаются разодрать кожу... Но бесполезно — и кожу, и мышцы лица словно сковало чем-то., словно это не

лицо вовсе, а посмертная маска... Эй, кто-нибудь! Мама, мамочка, страшно мне, спрячь меня, укрой меня, мама!

...И никто не отзывается на мой крик...

ПАУК

...Корявое, безобразное чудовище! Оно так стремительно выскочило откуда-то из-под листа, и от неожиданности я так вздрогнул, что содрогнулось все мое существо и встрепенулась каждая клеточка моего тела. Волосы на голове словно обезумели от ужаса, а от их корней вниз, по всему телу, заскользили сотни холодных и скользких гусениц... Никогда в жизни я больше не испытывал такого сильного страха, как тогда, когда я, еще трех- или четырехлетним ребенком, увидел паука, расправляющегося со своей жертвой.

Помню, сначала я заметил муху, попавшую в паутину. Мне стало интересно, я подошел поближе к кусту, где между веток колыхалась эта красивая и такая коварная сеть, — тут-то все и случилось... Муха отчаянно забилась, задергалась, пытается вырваться из плена, и в этот момент из-под листка выскочил паук. С ужасающей жадностью накинулся он на свою жертву, весь дрожа от наслаждения, оплел ее своими мерзкими конечностями, и вскоре бедная муха перестала трепыхаться. Через некоторое время паук, как-то сразу покрулевший, раздувшийся, лениво отвалил от нее, вернее, от того, что осталось от нее — пары исковерканных крылышек да сухой, сморщенной кожицы. Все это продолжалось не больше минуты, но для меня эта минута длилась целую вечность. Ужас и омерзение сковали мне руки и ноги, и я так и простоял перед кустом неподвижно, как изваяние, всю эту бесконечно долгую минуту...

Потом, на протяжении всего моего детства, неотступно преследовал меня тот самый паук. Он заползал во все мои сны, превращая их в кошмары, он впивался мне в горло, когда я болел и бредил в жару, он появлялся в самых неожиданных местах во время моих увлекательнейших игр. В то время я больше всего боялся его, больше соседской собаки, мимо которой так часто нужно было проходить, больше тех жутких щорохов и загадочных теней, понемногу подкрадывавшихся ко мне, когда я оставался один в темной комнате. С этим страхом мог соперничать только один, самый сильный мальчишеский страх — страх прослыть трусом и слабаком, всегда

толкавший меня на дерзкие, а порой и необъяснимые выходы. Вспомнишь — и усмехнешься, а иногда станет как-то даже не по себе. Странная вещь — воспоминания. Вот только в последнее время я начал замечать, что некоторые из моих воспоминаний стали какими-то бесцветными и уже не возбуждают таких ярких и сильных переживаний, как прежде. Так бывает, когда листаешь страницы и пробегаешь глазами по строчкам уже много раз читанной и перечитанной тобой книги. А с каждым днем все больше и больше становится таких воспоминаний — высохших, безжизненных воспоминаний, которые, как почерневшие трупики, повисли на нитях паутины — паутины моего прошлого. И вот наконец-то я с содроганием прозреваю, что с годами я сам незаметно превратился в того самого паука — самое омерзительнейшее для меня существо, — что давно уже питаюсь кровью и живительными соками своего детства. И давно уже ослабел, побледнел весь и еле дышит тот малыш, в безмолвном ужасе и бесконечном отращении застывший передо мной.

ПАУЗА

Тишина в вечернем парке была непривычно легкая, прозрачная и всеобъемлющая, но в то же время где-то там, у речки, за которой начинался большой, гроыхающий город, она, наверно, была такой упругой и жесткой, охраняя свой, богом дарованный, удел, что сюда не проникал ни малейший шум суеты. И даже шуршание начинающих осыпаться листьев и несмелое чириканье воробышка не мешали слушать эту божественную тишину, а, наоборот, усиливали ее воздействие, подобно тому, как маленький ненавязчивый, но яркий мазок подчеркивает белизну всего холста. Мне даже казалось, что я перестал дышать, и будто воздух сам, без единого усилия моих легких, струится во все мое существо, заполняя пространство всех моих ощущений и мыслей трепетным чувством покоя и умиротворенности.

И вдруг, на миг, перестал чирикать воробышек, и не стало слышно шороха листьев — установилась фантастическая пауза, перевернувшая затем весь мир в моих глазах. Все вокруг заколыхалось, закружилось, затянув меня в свой водоворот, а затем застыло, слилось в одну большую теплую неподвижную волну — я перестал понимать, где нахожусь и что со мной творится: я не знал, где моя голова, руки, ноги и даже мысли и зрение. Родилась странная уверенность в

нереальности всего происходящего и самого себя. Мне до сих пор кажется, что меня в тот миг вообще не существовало, — я растворился в той волне и составлял одно целое со всеми этими деревьями, воздухом, небом, с этим беспредельным и бесстрастным космосом. Будто само Время остановилось и позволило мне краешком души прикоснуться к чему-то непостижимому и пугающе-притягательному, которое я впоследствии назвал Вечностью.

Неожиданно оглушительно треснула сухая веточка над головой, вспорхнула какая-то птица, хлопаньем крыльев прерывая мой полет в неведомое. Все вернулось на свои места, стало таким же, как и прежде, словно ничего не произошло. Но в то же время вокруг было разлито столько таинственности, которая отныне стала отчасти и моим состоянием.

А на следующее мгновение мне подумалось: «А ведь, возможно, что и смерть — это такая же блаженная пауза — не зря так загадочна и мимолетна улыбка новорожденного».

КОЛЕСО

Оо, как оно блестело на солнце, как переливался свет на ее спицах, как полнилась моя детская душа восторгом и счастьем. А ведь это было простое велосипедное колесо без покрышки и камеры, и я, вставив обыкновенную палочку в его ложбинку, толкал его перед собой. И мчались мы с ним по улицам моего родного села и по окрестным полям, и нельзя было понять, кто же из нас кого ведет — оно меня или я его. В такие минуты мы сливались в одно целое, в некое фантастическое существо, под стать кентавру, и упивались сумасшедшим бегом, больше напоминающим полет — стремительный и плавный.

И вот однажды, когда мы мчались по берегу реки, тень огромной черной тучи внезапно накрыла нас. И тут же потускнело мое колесо, погасли лучи на спицах, и смутная тревога родилась в моей груди. И несколько мгновений я двигался вперед, не разбирая пути, и уже хотел остановиться, но было поздно — мы слишком близко подошли к берегу... Палочка моя наткнулась на страшную пустоту, и, скакнув с обрыва, взмыло в последний полет мое колесо. А там, в воздухе, вырвавшись из-под тени, оно так ярко заблестело в лучах солнца, еще не веря в то, что с ним случилось, что в душе моей необъяснимым образом соединились горе и восхи-

щение. Через миг со странным всплеском, похожим на вскрик, колесо мое кануло в воду, и укор услышал я в этом тихом тоскливом звуке.

И через много-много лет, когда неумолимое время, властно толкая в спину, так далеко увело меня от детства, что уже завиднелся вдалеке и мой обрыв, все явственнее и пронзительнее звучит в моем сердце этот грустный-грустный всплеск.

СЛЕДЫ

Еще подростком я как-то шел по огромной ночной степи. Выла пурга, и снежные завихрения мельтешили кругом, словно пытаясь сбить меня с пути. Я поминутно оборачивался в надежде на попутную машину, но позади ни разу не блеснул хотя бы один огонек. И вот, оглянувшись, может быть, в сотый раз, я вдруг обратил внимание на свои следы. Я насчитал всего лишь два десятка вытянувшихся в цепочку и уже полузаметенных снегом ямок, за которыми не было никаких доказательств моего пребывания здесь. Я застыл в удивлении и зачарованным взглядом следил, как пядь за пядью подступает к ногам эта невозмутимая белая гладь, погребая под собой и эти последние мои следы. И тогда, первый раз в жизни, с нарастающей горечью в груди, я остро почувствовал свое одиночество, и, пронзая болью и обидой, пришло ко мне осознание конечности и призрачности своего существования. Я был единственным темным пятнышком посреди этой холодной и сумрачной белизны, равнодушно взирающей на мое присутствие, точно также безразлично взиравшей до того и на мое отсутствие. А от вида уныло сгорбленных сугробов в душу вселялась мрачная и неуничтожимая тоска. Я вдруг представил себя потерявшим дорогу, блуждающим по бесконечной степи и, наконец, падающим и превращающимся в один из этих безмолвных сугробов. Тогда я понял, что ни единого следа, ни даже намек обо мне не останется тем, кто захочет разыскать мое тело. Мне стало так жалко себя, что горькие слезы так и хлынули из глаз. Но эти слезы не кажутся такими уж детскими и пустычными даже сейчас, когда я, уже будучи зрелым человеком, с каждым днем все больше и больше задумываюсь над этим. И даже теперь, когда я трезво и ясно (уже пережив пору пылких мечтаний юности), осознаю суровую реальность бытия и понимаю, что уже через два поколения моих детей никто никогда ни еди-

ным словом, ни даже намеком не вспомнит обо мне, и с этим ничего не поделаешь, все равно нет-нет да и сожмется сердце от щемящей грусти. Но только одного не пойму, отчего же все растет и растет во мне эта странная зависть к пролетающим птицам, пролетающим, оставляя за собой одну только пустоту, вечную и бесконечную пустоту, и никаких следов.

БЕЛАЯ МИСТЕРИЯ

О, веянье ветра, вселяющегося во все уголки Вселенной! О, веянье ветра, лелеющего на тонких белых губах серебристый и звонкий напев! Слово острое морозного воздуха, покалывающего кожу, мерцает этот, ветром навеянный, ломкий мотив. И с этим напевом вселяется в души вселенская вечная грусть и страстная жажда, и предощущение некоего властного зова. Так и жаждущий путник предвидит прохладные струи ручья по легчайшему веянью омывшегося в нем ветерка.

О, как хрупки и прозрачны эти чистые посвисты вьюги и ажурны узоры седых заклинаний пурги. И тончайшей иглою мгновенной тоски нас пронзает высочайшая нота ночных песнопений метели. Вот и вихри в своих кружевах-заговорах, круговертью свистящей возносятся ввысь. А за ними на точках их завихрений, точно бусы на ожерельях их песен, круг за кругом возносятся ввысь наши души по прозрачным спиралам литургии зимы.

Но на подступах к тем вожделенным высотам настагают нас стрелы серебряных нот, и, застыв, словно птицы, сраженные влет, мы, хотя б на мгновение, пусть даже в беспомощности, успеваем все же прорваться туда. Где чистейшие звуки, как мерцание лезвий, и как высверк лучей — высверк тайного зова, бесконечны, как время, мимолетны, как время.

О, спокойствие этих заснеженных звуков, о, потоки прозрачной бездонности смыслов! И хотя не дано нам достичь тех глубин, где на самых немислимых высях те же звуки, наверно, становятся светом — светом, бьющим нам прямо в глаза, пробуждаются там от лучей этих звуков, открывают глаза наши души, там становится внятными нашим взорам тот зов, видим чуткому слуху зов ветров и снегов.

О, этот зов, словно знак, он везде: в переливе всех красок одной лишь снежинки, от мерцанья которых искрится под лучами луны эта зимняя степь. В каждой искорке, в каждом оттенке цвета, чуть прикрывшись завесой молчання, обитают все буквы, все песни, все мифы. Лишь душе просветленной слышны эти песни, и мы тянемся к свету, тянемся к свету.

О, сколько смысла таится в чистых линиях этих, в тонких линиях гор, холмов и степей! Кто поймет, кто раскроет и поведаст миру? Кто проникнет в тоску хотя бы вон той уходящей вдаль бесконечной черты, отделяющей Небо и Землю? А понятен лишь зов, беспокойный, манящий, и быть может, покой обещает он нам. И невольно идем на загадочный зов, ибо нет и не нужно другого пути.

Ибо нет там покоя, когда рядом мы видим это недостижимое совершенство сверкающих линий. Ибо и мы желаем достичь безукоризненной его чистоты. Ибо мы понимаем, что давно уж идем на голос его чистоты.

О, совершенство, только оно придает безмятежность всему. О, безмятежность всего совершенного, только она создает такую звонкую тишину. Верную подругу покоя и смерти, чей зов сильнее всего.

В белизне таится вся гамма цветов.

В тишине таятся все звуки.

В покое же взрывы, быть может, таятся.

А в смерти...

А о смерти потом, о смерти потом...

II

Что такое зима? Время года? Неправда. Прочитаем в лесу письма на снегу. Их так много. Нет, нет, не следы это, вовсе зверей. Прочитаем, и мы согласимся тогда, что зима...

Что такое зима? Приглядимся к арабескам вздохмаченных вихрей. О, сколько в их танце безумном безмерной свободы! Да и мы, как и вихри, свободны видеть и строить в душе какой нам угодно мир или символ.

Что такое зима? Скользнем же хотя бы разок по зеркальной глади льда. О, это скольжение, ускользание чего-то, за чем мы давно уже гонимся.

Смотрите, вот оно, мгновение — скорее ловите! Нет, ускользнуло и раскололось, брызгами звезд сверкнуло. И мириадами искр мерцает драгоценная россыпь мгновений. Кто же в теплой ладони удержит снежинку?!

Так скользнем, и у нас появятся крылья, огромные белые крылья. Так взмахнем скорее ими, не теряя даже мгновенья. Взлетим и взмоем за облака, ускользнем из серых и цепких лап суеты. Оглядим весь этот огромный белый сверкающий мир.

Да, белизна — это в белых одеждах посланник Бога. Каждый год прилетает он к нам, словно птица из сказки к своим птенцам, к которым подполз огромный Вселенский Змей. И все письма на белом покрове — и рисунки, и зыбкие тени взметнувшейся снежной пыли, и те мягкие четкие линии — все это знаки, символы и письма Бога.

Да, зима — это святилище года. Оглядимся — мы в храме, отряхнем же с себя суету и споем те священные гимны, что поют нам метели и вьюги.

III

Так споем и поймем, что вся наша жизнь есть восхождение и священнодействие. И взбираемся мы на вершину жизни, и там, как на пиках самых высоких гор, вступаем в покой, тишину и белизну.

И обретаем там, в покое, себя, свою суть и свою чистоту. И свет, и свободу мы обретаем там.

А когда допоем до самой высокой, самой чистой ноты — нас пронзит, как стрела, постижение смысла — и замрут на мгновенье сердца. Ибо сердцем и только сердцем мы способны постичь эту тайну — тайну жизни и смерти.

Смерти, которая есть путь и ступень к святилищу Бога. И должно пройти ее молча и молча вступить в Его Храм.

ПОД ОСЕННЕЙ ЛУНОЙ

— Значится, агрономом у нас будете? Ну что ж, коллективизация, она везде полным ходом идет. Колхозы — дело правильное, а без агронома как? — полуобернулся с кучерского сиденья мужичок средних лет, одетый в бурый шабур и домашнего шитья рыжеватый картуз с козырьком, обтянутым шевитом. — По батюшке-то как величать?

— Александровна, Эмилия Александровна Морозова.

— Ишь ты, фамилия-то не совсем ваша, как бы.

— Как это, не моя?

— Да нет, я хочу к вашей похвале сказать — внешность у вас броская, парней вы наших больше горячить как бы будете.

— Ну и ну, — покачала головой Эмилия.

— Ээ, вы не сердайте. Это я так, по мужицкой серости своей брякнул, — обернулся с обезоруживающей улыбкой кучер.

— Да нет, я ничего, — примиряюще сказала Эмилия. — А как ваше имя-отчество?

— А мое — Гордей Иванович. А в отроках дразнили меня — Гордей, щей налей, — со смешком крутнул головой кучер, а про себя подумал: «Эх хороша стерва, прошибет она мозги нашим пентюхам». Он ударил по лошади и замурлыкал мотивчик, услышанный в городе.

Эмилия прищурила глаза на чуть всхолмленный пейзаж — тронутые золотом увяданья невысокие березы, рыжеющие меж холмами пажити, сизо-зеленый соснячок, выбегающий на пригорки, и прячущийся между холмами щетинистый мрачноватый ельник. Воздух отдавал той сыростью, по которой можно определить близость болота. Щеки молодой женщины разрумянились. Она глянула на кучера, тот, почувствовав вопрос, охотно обернулся.

— Как у вас, Гордей Иванович., водятся, к примеру, утки, тетерева, вальдшнепы?

— Чего-чего? Утки? Дикие?

— Ну, конечно, — мягко усмехнулась Эмилия.

— А-а, на что вам? — улыбнулся кучер.

— Ну, так — интересуюсь, — Эмилия положила руку на зачехленное ружье.

— А-а, то-то я гляжу — штука у вас. Охоту, никак, уважаете? Хорошее дело, но только...

— Не бабье, вы хотите сказать? — смело улыбнулась кра-савица.

— Нет, этого я не касаюсь. Раз вам нравится... Утки у нас водятся по болотинам, есть и тетерев, но — подалее от села, а так — и зайца полно, и красный зверь водится — лисица, куница, и волки в округе норятся, забирают иную осень. А вот насчет этих... альшников, или как их, слышать не приходилось. А что это за существо?

— Вальдшнепы? Да это, ну, лесные кулики. Вот идешь осенью по опушке, он вдруг — раз, вспорхнет из-под ног, пестрый такой, с голубя величиной, а нос спицей.

— Тогда есть. Раз у меня лошадь такой альдшнеп напугал. А вот и село Павловка, оно же — колхоз «Заря», — указал кнутовищем Гордей Иванович. — Так что почти приехали.

По приезду Эмилия Александровна представилась председателю колхоза Ивану Порфирьевичу Еремину — молодому еще мужчине с невыразительным лицом, на котором выделялись крутые рыжеватые усы. Поздравив с прибытием, председатель одернул комсоставовскую гимнастерку, воровато скользнул взглядом по крупной, но стройной фигуре новой агрономши, вызвал нарочного и велел устроить на квартирование у Орефевой Нины Николаевны.

— Обживайтесь! — напутствовал с улыбкой.

Прибыв накануне церковных праздников, которые по молчаливому уговору справляло все село, и не обретя еще знакомств, Эмилия Александровна скучала в просторном пятистеннике — старинном, добротной постройки доме. Устраиваясь в комнате, отведенной хозяйкой, наткнулась на груды старинных книг, аккуратно сложенных и укрытых рядом. Тяжелые тома глянцеваго отсвечивали кожаными переплетами, манили разлистнуть плотные страницы.

— Да у вас тут целая библиотека, — радостно удивилась молодая женщина. Нельзя ли попользоваться?

— Да за ради Христа. Хотели ведь пожечь эти книги, когда разорили кулака Шелягина. Он был книжником, собирал, — добродушно разрешила Нина Николаевна.

Уютно устроившись в своей комнате, Эмилия уложила книги в стопку у кровати.

Сели ужинать. Эмилия Александровна выложила кое-что из городской снеди, хозяйка же вынула бутылку красного вина, налила в зеленоватые граненые рюмки.

— Ой, вы мне бы не наливали,— смутилась Эмилия.

— Да ну уж? Красную-ту? Да за ваше новоселье, да и за праздничек,— уж рюмочку-то бы.

— Ну, ладно,— слегка жеманясь, молодая женщина подняла точеной, сильной рукой фиолетово отсвечивающую рюмку.

Вино оказалось неплохим.

— Сладкое, а разымчивое,— с довольным видом констатировала Орефьева.— Да ты ешь, не стесняйся.

Эмилия, чтобы не обидеть хозяйку, отведала понемногу домашних разносолов и стала задумчиво глядеть на освещенные светом из окна кусты палисадника.

— А позволь узнать... Так, по нашей бабушкой части... Не замужем?

— А?— встрепелась Эмилия.— Нет, замужем не была.

— И как же? В девицах, или есть кто?

— Да как вам сказать,— скрывая досаду, ответила Эмилия.

— Ну-ну, не хочешь, и ладно. Я только к тому это — в деревне у нас не совсем хорошо. Ребята охальничают с девками — нонче, говорят, не старые времена, пора, говорит, поновому жити, и пусть каждая девка выберет сама ухажера. А коноводит у них Колька Опарин — он и есть самый заглавный охальник.

В сельсовете безлюдно. Эмилия просматривала отчетность. С конюшни доносились голоса о чем-то спорящих, потом взмыл тенористый крик: «Ню, шалава. Балуй у меня», — и злобно-обиженное лошадиное фыркание.

На крыльце — быстрые шаги. Эмилия медленно подняла глаза, отрываясь от цифровой премудрости. В дверях — статный молодец в бобриковой куртке и хромовых сапогах. Изпод плосковатой кепки вились светлые кудри, лицо можно было бы назвать приятным, если бы не излишняя крепость в скулах, которые вместе с глубокой переносицей придавали физиономии выражение простоватости. Но упорный взгляд небольших свинцово-серых глаз и выпяченная нижняя губа, казалось, говорили, что этот малый с характером. Себялюбие, смешанное с упрямством, так ясно выражались на сытом лице, что Эмилия почувствовала неприязнь. Ей показалось, что она сумела скрыть это, но если бы она знала, какие у нее выразительные глаза!

— Здравствуйте,— нараспев проговорила Эмилия и добавила полутвердительно: — Николай?

— Здрасьте,— поспешно грубоватым тенором ответствовал молодой человек.— А откуда вы меня знаете?— он вспыхнул, польщенно улыбаясь, хотя до глубины, души был оскорблен презрительным взглядом городской красавицы.

— Да так,— рассказыывали,— уклончиво ответила Эмилия.— В общем сказали, что среди колхозной молодежи авторитетом пользуется Николай Опарин.

— А, так,— перевел дыхание Николай.

— У вас ко мне какое-то дело?

— Да хотели там,— он мотнул головой в сторону конюшни,— узнать, выезд вам не потребуется?

— Сегодня — нет. А вот приедет председатель из города, я поеду на поля. Не люблю засиживаться в четырех стенах.

— Я тоже,— ухмыльнулся Николай.

— Что?— взметнула брови Эмилия.

— Да это я так. Значит, лошадей не надо, так и скажу. Он неловко повернулся, буркнул, краснея:

— До свиданьица.

— До свидания,— сдержанно ответила Эмилия.

Опарин состукал с крыльца.

— Ну, чего она?— нетерпеливо обратился к нему невысокий узколицый парень в мерлушковой шапке и таких же, как у Николая, хромчках. — Первого сорту товар или так, сойдет в потемках?— он нагло уперся мутноватыми круглыми глазами в плоскую переносицу Николая.

— Товар высшего разбору,— самодовольно напыжился Опарин, скрывая обиду.— Но не по тебе, Мишка,— он высокомерно глянул на друга.

Второй, Вениамин, смуглый черноволосый парень в хорошо пошитых галифе, неопределенно хмукнул, закуривая догогу папиросу.

Электрического света в этот вечер не было. Нина Николаевна бережно поставила на стол тяжелую и пахучую от свеженалитого керосина лампу. Ее мягкий желтый свет отбросил в углы густые тени. Эмилия нагнула ночную сорочку, взяла книгу и легла в кровать. Разлистула — описание старинных обрядов какой-то народности. Протянула руку к стоящей поодаль стопе книг — просмотрела вторую, третью. Все не поднастроение, скучные. Вот в красноватом кожаном переплете, тяжелая, неподатливая. От листков запах странный, не то травный, не то еще какой-то. Эмилия листнула плотные страницы. Заинтересовалась — листы наполовину исписанные, наполовину изрисованные. Вот, вроде, туга над

цветущим лугом, а из тучи — снег сыплет. Присмотрелась, а в туче чье-то страшное лицо угадывается, и снег вроде как изо рта валит. А внизу рисунка надпись, вроде считалки, нелепица сплошная, и только два слова чаще других повторяются — харафад и кииливак. Книга на три части разделена — погодник, травник и зверник. Завлеклась Эмилия чудными картинками и нескладухами под ними. Вот птица, похожая на петуха, но на голове, как у козленка, рожки торчат, а вот чудная птица сидит на воротах — голова женская, лицо приятное, а туловище птичье, покрыто треугольными перьями, а за воротами дом горит, языки пламени до туч поднялись.

А вот на фоне щетинистого ельника страшный урод, чудовище, жуткий гибрид птицы и зверя. На фоне ущербного месяца клюв скалится частоклолом зубов; покрытые не то перьями, не то шерстью, птичьи лапы попирают землю, а справа и слева вытекают два ручья и как раз под зверем сливаются в один большой. По бокам горушки нарисованы, а внизу, вроде как под землей, малый человеческий скелетик желтеет. Ниже красноватой вязью не то заклинание, не то заговор написан, слоги неровные — некоторые написаны прописными, другие — строчными буквами. Эмилия начала вполголоса перебирать слова, чуть повышая голос на слогах, написанных заглавными буквами. Где-то жалобно завывла собака, потом другая. Пожала плечами глянула в окно — тускло лил на-под лесом неяркий свет месяц, медленно обволакивало его похожее на бурую кляксу облако. Эмилия загасила лампу, натягивая одеяло на похолодевшие плечи.

Быстро пролетела неделя, другая, Эмилия почти вошла в курс в общем-то несложных колхозных дел, но вот люди... Можно было подумать, что недавняя революция совершилась не для них. Уклончивые в разговорах, или упорно молчащие, они производили впечатление темных и донельзя отсталых людей. Окрик и наган собрал их в колхоз, но что могло заставить их работать по-новому? Эмилия ломала голову, побаиваясь будущих неурядиц, не знала с чего начать. А пока, проходя по селу, ежилась от откровенно жадных взглядов мужиков и враждебно-завистливых взглядов баб и молодых.

Под крышей колхозного сеновала — полумрак. Но масть карты различить можно. Трое парней дуются в подкидного. Ломая тяжелыми, начищенными сапогами пряди душистого, источающего тончайший аромат сена, они возятся, сопя, устраиваются поудобнее, азартно вскрикивают, перемежая полубессвязные фразы отборной матерщиной и жадно ощупывают

в карманах пачки папирос, негодуя, что не можно курить на сене.

— Ну как, Коля, дела на главном направлении?— ухмыльнулся Мишка.

— Ты о чем?— наклонился над картами Опарин. С чуба его тек крепчайший одеколонный аромат.

— Ты лучше погляди, Миша, чем ты козырного короля покрыл? Дуру-то не гони!

— Извиняемся,— кошачьим движением Михаил убрал простого туза и выбросил козырного.— А спрашиваю я об королеве нашей, Эмилии Александровне.

— А-а! На том направлении — все в полном порядке.

— Будто бы?

— А ты что, су-мле-ваисси? Все они вперед грудями ходят, все одним миром мазаны!

— Дак, а какие твои успехи?

— Много будешь знать, плохо будешь спать! Ты вот лучше помалкивай больше, как Веня, в тряпочку.

Вениамин неопределенно хмыкнул, покосился на Опарина темными, будто смолой налитыми глазами.

— Суббота седни, — негромко, приятным голосом сказал он.

— Ну и что? — вздернул белесоватые брови Опарин.

— Дак, а ты бы за компанию с ней в баню. Раз у тебя с ней уже в масть идет.

Михаил покатился по сену, захлебываясь злорадным смехом.

— Да ты шальной, Венька! Молчишь, молчишь, да и отчебучишь!— криво усмехнулся Николай.

— А чего такого? Будто не бывало не раз?

— Она же тебе не наши дурехи! Это же — женщина с понятием.

— Она — да! А вот мы против ее — телята.

— Это я, что ли, телок?

Мишка затаил, с любопытством всматриваясь в злые и ехидные лица товарищей.

— А хошь, я вот седни-жа к ей в баню зайду?— вызывающе сказал Опарин.

— Ты? Ха-ха! Не смейся курей.

— Поглядим ишо, кто смеяться будет.

— Ха! Давай об заклад!

— Давай! Чего ставишь?

Николай бросил оземь кепку.

— Ящик вина! А ты?

— Я тоже!

— Во погуляем,— завопил Мишка на полу. Только обои заранее вино возьмите, тогда уж назад в магазин не понесете.

Эмилия, забыв задернуть занавеску-задергушку в свою комнату, расстегнула платье. Белая полоска бюстгальтера разрежала поперек здоровый загар спины. Эмилия прогнулась — щелкнула пуговицей, освобождая грудь, потом скользнула ладонями по бедрам. «Ишь ты, ядреная, задастая девка оказывается, кто бы подумал, глядя на одетую. Одно не хорошо — ноги будто прямо с одмышек начинаются. Ну да, видно, такую бог уродил», — щурилась на молодую белизну живота Нина Николаевна. Эмилия взяла огромное махровое полотенце, накинула сарафан, поверх — демисезонное пальто.

— Гляди там, когда будешь пару поддавать, в сторону отойди, а то неровен час → паром обожжет... А может вместе пойдём?

— Да не нужно, Нина Николаевна. Я ведь бывала в деревнях. А париться я не любительница.

— Ну, гляди. Легкого тебе мытья тогда.

— Спасибо, — откликнулась Эмилия уже с крыльца.

Затаившиеся в кустах бузины Михаил и Вениамин не спускали глаз с тропинки в огороде...

— Во, идет! — охнул Мишка и кулаком нахлобучил шапку на глаза. Че сейчас б-удет!

Вениамин, не спуская горячечно блестящих глаз с приближающейся высокой женской фигуры, молча кивнул головой, судорожно сглотнул слюну.

Взвизгнула банная дверь, затем наступила... тишина.

Эмилия вошла в предбанник, осмотрелась, аккуратно положила пальто на чистую лавку. Не торопясь, сняла остальное и, держа в руке вехотку с мылом, открыла тяжелую, плотную дверь в мыльню. В бане было светло и неожиданно просторно. Тело охватила приятная, горячая истома. Эмилия, закинув руки за затылок, прогнулась гимнастическим движением, потом с силой провела ладонями от грудей к бедрам, томно улыбнулась, глядя, как упругая кожа наливается здоровой кровью. Окатилась теплой водой и влезла на полку. Крепко растираясь намыленной мочалкой, окатывалась горячей водой. Мыльные струи просачивались сквозь щели досок и внахлест поливали бобриковую тужурку затаившегося под полком Николая Опарина. Первоначальный его план встретить Эмилию Александровну в предбаннике показался даже

ему несуразным и диким. Увидев ее, идущую по огороду, он оробел и в последний момент нырнул под полок, где и просидел до окончания мытья Эмилии.

Вечер после бани выдался довольно скушный. Ветер гулял по улице, громыхая чем-то на чердаке, безжалостно гнул потерявшие упругость стебли лопухов в палисаднике. И поэтому, когда хозяйка налила рюмку к ужину, Эмилия не протестовала, да и не хотелось расстраивать радушную старуху. Однако Эмилия видела себя уже в утреннем поле, с ружьем наизготовку. «Какая бы ни была погода, завтра — на охоту!» — твердо решила она.

Они выпили, мило поговорили о том, о сем. Эмилия задумалась. Мысли ее витали в осенних полях и перелесках. Она вдруг вспомнила про книгу-травник.

— Нина Николаевна, я тут чудную книжку нашла.

Она вынесла из спальни том в кожаном переплете, разлистнула, показала картинку. Хозяйка вздрогнула.

— Ой, девонька, это нехорошая книга! Я-то думала, ее уже в целости нет.

— Нехорошая? Чем же?

— Да так, — зябко повела плечами Нина Николаевна, плотнее закутываясь в платок. — Жил когда-то в наших окрестностях ведун один, чернокнижник, порчу наводил то на скотину, то на посевы по этой книге. Потом мужики тайный сход сделали и решили его убить. Он как-то по-своему прознал про это и убежать хотел, а книгу Шелягину спрятать велел, да настигли его в поле и вилами закололи. Это после раскулачки уже было.

Эмилия меж тем листала книгу.

— А вот здесь у ручьев чья-то могилка нарисована — скелетик под землей а рядом какое-то чудище.

Хозяйка всмотрелась.

— С нами крестная сила! Ведь его аккурат у развилки двух ручьев и порешили.

— А как же вы говорите, книгу Шелягину отдал, выходит, колдун еще при жизни место своего погребения обозначил?

— Выходит, что так. Говорю, чернокнижник он был, и книга эта нехорошая, темная.

Эмилия вполголоса начала читать.

— Ой, не читай ты ее.

Под окном громко заскулила собака.

— Ну вот, я же говорила, — начала креститься хозяйка.

— Да глупости это, — засмеялась Эмилия. — Но книгу эту если уж вы боитесь, не буду читать. Положу подальше.

— В печку бы ее...

— Хорошо, потом сожгу.

Эмилия прошла в комнату, потихоньку выдвинула чемодан, спрятала книгу на дно.

— Вот давай я тебя научу заговору против нечистого, — предложила хозяйка. — Повторяй за мной «Отче наш...» Эмилия повторила заговор, относясь к этому как к игре. — А потом, — продолжала Нина Николаевна, — брось щепоть земли с солью, оно и исчезнет.

Утро выдалось холодное. Эмилия зябко повела плечами. Вокруг расстилались посеребренные заморозком поля и перелески. Солнечные лучи, упав на осенний лес, зажгли серебряную канитель на багряных листьях. Даже пожухлая трава под ногами переливалась тонким загадочным узором.

— Господи, вот красотища-то. Сколько раз была в поле, и ни одно утро на другое не похоже, — растроганно прошептала охотница. Глаза ее увлажнились. Почти из-под самых ног загрохотал крыльями тетерев, другой, третий. Ружье уже у плеча, и последняя птица, срезанная дуплетом, с тугим звуком ударилась о мерзлую землю.

— С полем! — вполголоса поздравила себя Эмилия и счастливо улыбнулась.

Подойдя к ручью напиться, вспугнула двух рябчиков. Осторожно подвела золотистую мушку под голубовато-серого петушка. Еще один трофей, непередаваемо пахнущий дичью и осенним лесом, занял место в ягдташе. Эмилия зашла в редкостный, крупный березняк. Нога ступила на редкий, тонкого узора ковер, высокие стволы ослепительно светились, вознося золотое пламя листвы над подростом. Эмилия сдвинула шапку на затылок и, разбросив руки, закружилась среди берез, глядя сквозь тончайший ажур ветвей в бездонную голубизну неба.

Полдень напомнил об обеде. Доставая спички, обнаружила в кармане не завернутую в тряпочку землю с солью. Посмеялась причудам старухи-хозяйки и хотела выбросить, но забыла. Сладко ныли ноги, а Эмилии казалось, что она прошла не так уж много. «Засиделась в конторе — надо выходить почаще в поле», — она закинула ружье, и снова лес поманил ее охотничьей сказкой. Но солнце уже заметно снизилось. Ее не пугала вечерняя дорога, но она вспомнила Нину Николаевну, и ей показалось нехорошо волновать добрую старушку. По-

правив ягдташ, отяжеленный еще одним молодым тетеревом, она повернула в сторону села. Вскоре поняла, что точно не успеет до захода прийти в Павловку. Прибавила шагу. Потянуло морозным ветерком, и вот уже солнце погасло за холмами.

Эмилия оглянулась — огромная луна какого-то ржаво-дымного цвета вставала над лесом. Охотница не боялась заблудиться — она хорошо умела ориентироваться. А вот и дорога, ручеек журчит неподалеку. Эмилия вспомнила считалку из книги и ради смеха прочитала ее вслух. Странно и зловеще прозвучали слова заклинания, даже озноб пробежал по спине. Эмилия поменяла местами ягдташ и ружье и пошла быстрее. Станный звук, похожий не то на визгливое рычание, не то на клекот, заставил ее вздрогнуть. Сжав шайку ружья, она взгляделась. Что-то мелькнуло среди макушек ельника и пропало.

— А-а, сова или филин, — решила Эмилия. Она прошла еще довольно большое расстояние и услышала впереди себя голоса, потом кто-то затянул песню. Пошла еще быстрее и вскоре нагнала трех парней. Они удивленно оглянулись, и она узнала Николая Опарина с друзьями.

— О, Эмилия... Александровна!.. Здравствуйте, здравствуйте! — загадели парни.

— Вы никак с охоты? Не боитесь поздно? А как охота? С отворачиванием она почувствовала перегар сивухи.

— Охота — хорошо. А кого бояться?

— Правильно. Мы вот тоже, были на заимке вот у его дяди, — Опарин ткнул в сторону молчавшего черноволосого парня, — да засиделись. Но ничего! Ночь, она большая. Дойдем к утру.

— Неужели мы так далеко от Павловки?

— Да нет, — отозвался третий, щуплый и невзрачный. — Шутит он. А вообще-то, как идти, а то часа два еще...

— Ну не ври Мишка, не пугай даму. Час нормального ходу, и всего-то.

— Ну ладно, Коля, приятно было... поздороваться, я чуть быстрее пойду.

— Неужто приятно? Не верю, — нагло сказал Опарин, и Эмилии вдруг стало нехорошо.

Эгоистичный и самолюбивый, заклеванный насмешками, Николай после так называемого мытья в бане искал случая

отомстить красавице за то, что она, как он это остро почувствовал, отвергла его с первой встречи.

— Вы не бросайте нас. Тут может всякое,— продолжал Опарин.

В ельнике около дороги раздался хруст и не то посвист, не то сопение.

— Во, слышите? А вы говорите. А ну-ка из ружья жахните по тудова!

— А вдруг это скотина или, не дай бог, человек?

— А чего он тогда прячется? Эй, ты, чего ты там? Выходи!— пьяно закричал Николай.— Не внемлет!— он развел руками.— Ну и бес с ним.

Довольно густой ельник все теснее обступал дорогу, и Эмилия вдруг показалось в самом деле жутко идти одной. Но и с этими пьяными охальниками...

— А разрешите, мы вашу сумку понесем. Миша, возьми у дамы сумку, а ты, Веня, помоги ружье нести.

— Да ну что вы,— принужденно засмеялась Эмилия.

— Да ведь вы за день намяли ножки, а эти лодыри все равно что застоявшиеся кони.

Михаил с Вениамином поотстали, а Николай пошел рядом с Эмилией. Увиденная тайком в бане нагая женская красота стояла перед его глазами, а выпитое в большом количестве на заимке хмельное все больше разбирало его. Он угрюмо оглянулся на идущих сзади товарищей и вдруг схватил Эмилию за талию.

— Ну, а вот этого совсем не нужно!— она отбросила его руку.

— Ты сильная, да?— ухмыльнулся.— А я? Или я не мужик? — он попытался поднять ее на руки. Эмилия толкнула его обеими руками в плечи, и он сел. Сзади раздался хохот.

— Так его!

— Ты вот как, а?— медленно поднялся Николай, и Эмилия, почувствовав закипающую в нем злобу, невольно попятилась.

— Да ты не бойсь!— процедил Николай и вдруг махнул рукой. Эмилия отклонилась, удар попал в плечо, и у девушки заныла рука.

— Ты чего, спятил? — окрикнули его сзади. Ну, дурак...

— Ты молчи, сосун... Я с дамой желаю по-своему поговорить. Я тоже могу...

Эмилия, не в силах сдержать омерзения, наотмашь ударила его по лицу.

— Ого! Наших бьют! — изумились парни.

Девушка быстро пошла по дороге. Сзади наступающие шаги.

— И за что ты меня? Нет, погоди. Куда ты денешься.

Эмилия, не в силах выдержать его приближение, побежала. Сзади топот тяжелого бега, упорный, пьяный сап. Она оглянулась — за ней бежали все трое.

Вот сволочи! Что же делать?

Она вдруг бросилась с дороги и побежала через лес. Сзади окрики, потом все стихло. Путь ей преградили заросли, она побежала вдоль течения. Приостановилась, оглянулась. Тихо... Но вдруг, как из-под земли, перед ней возник Опарин.

— А я вот он. Ты через воду не побежала, а я вот он...

— Ну и что?

— Как чего? Или не договоримся здесь, в лесу-то?

Николай качнулся к девушке. Эмилия отшатнулась, сзади послышался топот подбегавших парней. Неожиданно рука ее нащупала рукоять ножа. Не помня себя, она выхватила лезвие.

— У-у, — заурчал Опарин. Да ты...

Вдруг совсем рядом послышались чьи-то тяжелые шаги и редкий, но сильный свист дыхания. Эмилия повернула голову, никого... но вдруг увидела, как исказилось лицо Опарина. Она подняла взгляд и замерла — на нее с трехметровой высоты смотрели два неистово горящих зеленоватых глаза, ниже она различила огромное туловище, покоящееся на двух столбообразных лапах. Существо шагнуло, и Эмилия увидела, что лапы у него птичьи.

Николай поднял руки, словно защищаясь, чудовище метнулось и наступило на него, потом захватило лапой, как сыч, и поднесло ко рту. С жутким звуком оторвало голову, выпустило обезображенное туловище и бросилось на подбегавших парней. Вениамин, попав под лапы, коротко вскрикнул и, перевернувшись несколько раз, остался лежать с остановившимся взглядом — изо рта его текла темная в свете луны кровь. Девушка видела, как неуклюжими прыжками, со скрежещущим пронзительным клекотом, хитро сгорбившись, гонится гигантский урод за человеческой фигурой. Парень, поняв, что он не уйдет по прямой, резко повернул. Чудовище проскочило по инерции несколько метров, подмяв и поломав подрост, но тут же развернулось и сделало прыжок, махая перед ними не то лапами, не то крыльями, Михаил — это был он — попал под удар и, отлетев метра на три, ударился головой о ствол ста-

рой ели. Медленно он повернул залитое кровью лицо. Прерывисто клекоча, хищник захватил зубчатым клювом шею и наступил лапой на спину. Раздался жуткий, сдавленный крик и хруст. Тело задергалось, руки беспорядочно хватали траву. Наконец чудовище обезглавило Михаила и, мотнув головой, отбросило его голову. Эмилия с ужасом увидела подкатившуюся к ее ногам еще, казалось, живую голову: глаза открывались и закрывались, рот конвульсивно кривился. Она дико закричала и увидела, как померкла луна: чудовище приближалось к ней судорожными прыжками. Прерывистым голосом она начала читать заклинание против нечисти, что научила ее Нина Николаевна. Вдруг ее обоняния коснулся острый пахальный смрад. Левая нога чудовища покрылась гнилостными струпами. Эмилия с ужасом увидела, что гигантские острые перья покрыты белым налетом шевелящихся червей. Полуптица-полужверь делало все более тяжелые прыжки, и вдруг кость левой ноги с диким хрустом сломалась и чудовище сунулось головой в землю. С пронзительным клекотом бия крыльями, оно пыталось подняться, но вскоре и шея отказалась повиноваться и голова, уткнувшись клювом в землю, оно издавало все более тихий скрежет. Эмилия с ужасом смотрела, как исчадие ада превращается в груды разлагающегося, фиолетово светящегося мяса. В центре отвратительного месива обозначилась маленькая, мертвенно желтая человеческая фигура. Поднялась голова со сморщенным личиком, на котором неистово пылали синеватым пламенем глаза, тощая ручка со скрюченными пальчиками потянулась к Эмилии. Она почти неосознанно нащупала узелок в кармане — щепоть земли с солью — и бросила его в человечка. На губах оборотня выступила кровавая пена, на груди обозначились проколы, через которые хлынула темная кровь, и издав не то вскрик, не то рыдание, вурдалак упал лицом вниз.

Эмилия долго стояла неподвижно, неистово светила луна. Тело не двигалось, очертания его все более размывались, таяли, словно восковые свечи под солнцем. Девушка почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Она сделала несколько шагов, потом пошла все быстрее и быстрее, непрестанно оглядываясь, потом бросилась бежать. Гулко отдавала мерзлая земля. За очередным поворотом дороги сверкнули огоньки села. Умиряя биение сердца, девушка перешла на шаг. Вот и перелаз. Она прошла огородом и постучала в дверь.

— Что с тобой? — изумилась Нина Николаевна.

— А что? — повернулась к зеркалу Эмилия.

На нее глянуло мертвенно бледное лицо с синими кругами под лихорадочно блестящими глазами, обрамленное растрепавшимися, замусоренными волосами. Она истерически расмеялась, потом упала на стул и расплакалась.

Был яркий осенний день.

— Так вы говорите, он догнал вас здесь? Тело лежало вот здесь? Вы точно помните, что Николай Опарин и его друзья не предлагали вам и вы ничего с ними не пили? — в который раз уточнял следователь.

— Да, они не предлагали и я не пила.

— А вы им ничего такого не давали выпить?

— Ничего. Я уже говорила.

— Так-так. А тело Опарина упало вот сюда? В каком положении оно лежало?

Эмилия в который раз повторяла свои показания о приставании пьяного Опарина и о том, как парни гнались за ней по ночной дороге. Но ни словом не обмолвилась об оборотне. Она сперва хотела рассказать участковому милиционеру о жутких событиях той ночи и о кровавой расправе оборотня над парнями, но Нина Николаевна настрого запретила говорить об этом. Когда были найдены мертвые, на их телах не было обнаружено никаких повреждений. Эмилия, закрыв глаза, невольно вспоминала кошмарную сцену в ночном лесу, неподалеку от слияния двух ручьев. Была выдвинута версия об отравлении, с Эмилии была взята подписка о невыезде.

Но оставаться в селе она больше не могла. Родственники умерших смотрели на нее с гневом и ужасом, женщины неприметно крестились. И вот ранним холодным утром Эмилия Александровна Морозова, несостоявшийся агроном колхоза «Заря», отбыла в город на прежнее место жительства, с тем же кучером Гордеем Ивановичем в сопровождении участкового. Зачем с ней рядом трясся милиционер? Видимо для порядка: ведь Эмилии не было предъявлено обвинение. В конце концов следствие пришло к выводу, что парни опились хмельного на заимке.

Эмилия доехала без приключений.

Разбирая чемодан, вдруг отдернула руки, словно обожглась. На дне она увидела злополучную книгу. Все живо воскресло в ее памяти, события той ночи калейдоскопом мелькнули перед мысленным взором.

— Это же черная магия! — она искоса глянула на тяжелый фолиант. — Ну и что? «Не буди лихо, пока оно тихо», — наконец решила она, аккуратно заворачивая книгу в плотную

бумагу. Написала письмо Нине Николаевне, приглашая на постоянное жительство в город, к себе. Снесла на почту...

В воздухе кружились снежинки: «Эх, в поле бы...» Она вспомнила последнюю охоту и вздрогнула: «Нет, не дай бог никому». Но тут же ей представилось снежное, чистое поле с голубеющим следом-нарыском, пропадающим в розовом тумане зари, и томный посвист алых снегирей в серебряных кустах, и многое, многое другое, что увидеть и почувствовать можно только на охотничьей воле.

«НАСТОЯЩИЙ ИМПЕРАТОР»

Мощная «Нива» легко преодолела последний подъем и Нориков решил сделать «испытание на прочность». Он отпустил тормоза, и машина, набирая скорость, словно провалилась в бездонную яму.

— Оох! — послышался дружный вздох с заднего сиденья, где сидели пассажиры.

— Ну, вот и прилетели, — обернулся к ним водитель, при тормаживая у лесного дома.

Из машины стали выбираться длинноногие девицы с темными глазами — Элла, Таня и Оля — и крепкий парень в варенках Коля Петунев.

— Ну последний спуск был, я извиняюсь, — заявила Татьяна, берясь за поясницу и распрямляясь.

— Если бы последний, — ухмыльнулся Петунев, подхватывая корзину с продуктами.

— Ого, да это дворец... лесного царя Берендея, — восхитилась Ольга, войдя вовнутрь; все было застлано шкурами, на стенах висели рога. — Вот только запах!

— Нормально пахнет, — заявил Нориков, — это запах охоты.

В действительности это был запах самогона, перемешанный с запахом пантов, кобарожьей струи, медвежьей желчи и прочей продукции незаконной охоты, сваленной в подполье. Часть этого добра тороватый хозяин зимовья, лесной объездчик Саша Нориков выменял у охотников на самогон, часть добыл сам, соревнуясь с отъявленными браконьерами в опустошении угодий.

— Ну, ладно, вы, девочки, сервируйте стол а мы растопим баньку, — захопотали Нориков с Петуневым. — Скоро гости подъедут!

Гости должны были приехать во второй раз — кавказцы

Саид и Джалил, щедро оплатившие первую сделку. Баня уже была готова, когда за поворотом послышалось мягкое фырчанье мотора, и к дому подкатил великолепный темно-серый «Ниссан». Коля с Сашей только восхищенно переглянулись. Гостей оказалось на этот раз пятеро — Саид, Джалил, Давид, Али и пятый — представитель американской фирмы «Карнеги» Алан Джойс — спортивного вида гигант, блондин в светофильтрах.

Растерявшиеся хозяева отозвали Саида: «Мы думали, вас будет двое и девочек... только две!»

— А эта?— кивнул Саид на темноглазую красавицу Ольгу.

— Эта... понимаешь... не рабочая! Поговори с ней сам!

— Ладно!— заявил Саид.— Двойная работа — двойной гонорар в долларах! Идет?

— Я думаю, они согласятся! И этот, иностранец, тоже?

— Н-е-е-т, он наверное,— пас.

Стол уже ломился от таежных деликатесов.

— Самогон ни нада, у нас есть, — посоветовал Саид, ставя на стол бутылки «Императора» и американского виски.

— Саид, нам бы хотелось поговорить с Джойсом насчет машины-то! — заерзал Петунев.

— О'кэй!—показал пальцами замысловатую фигуру мистер Джойс,— будет кэрш мэцин, энд не доррок, дле увас».

Ольга во все глаза глядела на похожего на киногероя мистера Алана, а с нее не сводил черные глаза-маслины Давид.

— Смотри, Ольга к американцу клеит. Че, пойдешь с ним?— хохотнула Танька.

— Отстань,— огрызнулась Ольга.

Улучив момент, к ней подлетел Давид.

— Ну, нет,— покраснела красавица.

— Да ты чево? Ну, хочешь?— Давид схватился снимать перстень с бриллиантом.

Ольга хмыкнула .

— Ну, а это! — Давид вынул из внутреннего кармана кожаной куртки толстенную пачку долларов. Ольга осторожно взяла банкноту и стала поднимать к свету.

— Ладно,— сокрушенно вздохнул Давид и мягко забрал деньги,— потом.

Тем временем американец объявил, что хотел бы пройти с ружьем. Он долго рассматривал «Барс» и винтовку и наконец объяснил, что не знает, какой марке русских ружей отдать предпочтение.

Очарованные видениями предстоящего сотрудничества, хозяева стремились предупредить желания богача — они повесили на его широкие плечи оба ствола. Его высокая фигура скрылась в чаще.

— Баня готова, — ответил на вопросительный взгляд Джалила Нориков.

Девочки было заупрямились, но, понукаемые свирепыми взглядами хозяина, стали собираться.

Давид сказал, что не любит горячую баню и хотел бы пройти до застолья. Он ушел в противоположную маршруту американца сторону. Таня с Эллой пошли снимать пробу с первого пара, минут через пять за ними направились гости.

— Может, вы пока тут погрузите товар, — обернулся Саид.

— О'кэй, — согласились Саша с Колей.

Через полчаса по одному возвратились гости.

— Ну что, за стол! — пригласили радушные хозяева.

— Ми так решили, понимаешь, когда суда ехали, видели хорошую шерсть на стоянке. Чтоб ни упустить, мы съездим за ней, а? Или давай рассчитаемся за все чтоб не думали?

— Да, нет, зачем, ведь американец-то с Давидом здесь пока будут?

— Ну, конешна!

Через некоторое время с видом королев вышли из бани девочки.

— С легким паром, за стол! — расшаркался Саша.

— А что это на столе? Перстень с запиской? Ольга — тебе!

Ольга развернула бумажку: «Оля, не думай обо мне плохо. Давид».

— Подумаешь! — скорчила гримасу Элла. — Коля, а наши премиальные?

— Да они сейчас приедут!

— Как? Они уехали что ли?

— Да нет, Джойс-то с Давидом здесь!

В это время из чащи показалась атлетическая фигура Джойса, но без ружей. Он приблизился и спокойно расположился на обрубке бревна.

— Ну, как охота мистер Джойс? — растерянно спросил Саша.

Мистер Алан Джойс хладнокровно молчал.

— Он такой же мистер Джойс, как я — английская королева, — злобно усмехнулась Ольга.

- У тебя крыша поехала!
- Это у вас поехала! Я пять лет переводчицей после инъяза работала.
- Слушай, ты кто тогда такой? Где карабин с винтовкой?
- У Давида.
- А он где?
- А я откуда знаю! Он мне пистолет в бок сунул, ружья снял и ушел в сторону дороги.
- Вы, гады, заранее договорились! Мы их догоним и вместе с тобой в тюрьму посадим.
- Иностранец снял светофильтры, открыв помятое, безвольное лицо алкаша.
- А я причем? Мы в ресторане познакомились. Меня многие за иностранца принимают. Нужно, говорит, разыграть девчонок одних там. Заплатить обещали «зелеными».
- Дурак ты и не лечишься!
- Если бы, а то аж три раза лечился.
- «Зеленые» у них фальшивые, — встала Ольга.
- Заводи машину! — скомандовал Нориков.
- Колька присел у горловины бензобака, обсыпанной каким-то порошком.
- Заведешь не раньше, чем промоешь систему питания, — констатировал он.
- Сволочи! — выругался Нориков. — Выпить хоть, что ли. Ну ты, английская королева, коньяк-то хоть настоящий?
- Не ты, а вы. А коньяк — да, настоящий «Император Наполеон».

Кызыл-Эник Кудаж

КУЛЬТУРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Думаю, нет в Кызыле такого охотника, как народный артист Тувы Александр Сулдемович Тавакай. Если бы охотникам присваивали подобные звания, быть бы ему народным охотником республики.

Однажды, в пору созревания маралых пантов, мы с Александром Тавакаем отправились на охоту верхом на лошадях в тайгу, вверх по Бий-Хему. Лошадей нам дал старик

Чулдук, живший на той стороне реки Каа-Хема, выше парка. На летних пастбищах Верхнего Шивилига чабаны с тревогой рассказывали нам, что в здешних местах появились медведи, уже двух коров задрали! Обстановка сложная...

Мы решили кормить коней днем, а ночью привязывать их у костра и все время быть начеку.

Вечером отправились в тайгу. Воздух был удивительно свежим, чистым. Тут и там высились холмы с грудями камней, на возвышенности среди мха сверкали лужи, между расщелинами в лесу на склонах цвел багульник.

Мы обошли две горы и, поднявшись на третью, увидели пять больших зверей, посухших на солнечной стороне горы на довольно большом расстоянии от нас. Это были маралы. В бинокль Александр Сулдемович подсчитал даже, сколько отростков на рогах.

Недолго посоветовавшись, мы пришли к выводу: сегодня их не станем беспокоить. Поздно уже, темнеет быстро, если ранишь, некогда будет гнаться. Решили поохотиться на них с утра.

Возвратившись обратно, мы отправились к берегу Ыдык-Шилского углубления — туда, где еще лежал сугроб, и решили около него приготовить себе еду. Всегда ведь так бывает: на той стороне леса, где солнца мало, растительность скудная и кедровые низкорослые — осенью человек свободно дотянется до шишек рукой. Мы устроились среди таких кедров. Накормив лошадей, привязали их около костра: люди же говорят, сюда медведи зачастили.

Сварили чай, достали из рюкзаков продукты, грелись у костра, за разговором чаю напились.

Тут Александр Сулдемович вытащил бутылку водки:

— Мы, — сказал, — уже узнали, где пасутся маралы. Теперь не побрызгать нельзя, иначе добыча ускользнет.

Я наотрез отказался:

— Сейчас выпьем — будем болтать до утра и проспим все. Завтра же последний день нашей охоты, иначе лицензия пропадет.

Он сидел, думал, думал и положил бутылку возле рюкзака. Подальше от костра постелил потник, под голову положил седло и сразу заснул.

Характер его я хорошо знаю. Если он хоть немного возьмет в рот вина, то даже зимой всю длинную ночь будет бубнить, как шаман. Наутро у него даже не болит голова, жажда не мучает, так и отправляется на охоту. Позднее я понял,

что «шаманит» он неспроста: таким образом, во время охоты он выучивает свою роль шамана в спектакле. Так говорили его друзья. А уж если Тавакай выучит роль, он запомнит ее на всю жизнь: сколько лет ни пройдет, ни слова не забудет, разбуди среди ночи — сразу вспомнит, все реплики скажет. Даже на охоте.

Помня разговор о медведях, я сидел в тревожном полусне, прислонившись к кедру. Вдруг мне послышался топот какого-то животного. Я вздрогнул и мгновенно проснулся. Открыл глаза и вижу: внизу, из дыма костра, выскочило какое-то бурое животное. Я остолбенел: медведь!

Говорят, медведь подходит к костру обязательно на запах пищи. И тот медведь, видимо, так же пришел. Товарищ мой спал, ружья мы положили возле кедра, подальше от костра. Между тем моя бедная голова как-то неплохо соображала: я понял, что кричать нет смысла. Прищурил глаза, сидел не шевелясь. К счастью, Сулдемович не проснулся.

Медведь встал среди дыма и водил носом. Затем он отошел в сторону — видимо, дым надоел — и посмотрел вокруг. Осмотрелся и, должно быть, не нашел ничего подозрительного. Глаза зверя уже привыкли к дыму, и он подошел к продуктам, лежавшим возле Тавакай. И прежде всего схватил бутылку водки! Открыл пробку, посмотрел на нее при огне и бросил в костер. Правой лапой взболтнул содержимое, стал лить в рот. Глотнув, скорчился и выплюнул водку. Бедный зверь! Он захлебывался, его тошнило. Долго он качал головой. Затем схватил лапой колбасу, лежавшую на рюкзаке, понюхал ее и положил в пасть. Закусив, он, видимо, пришел в себя. Слезы вытер тыльной стороной лапы, бутылку осторожно поставил.

Я опешил. Когда дым валил в мою сторону, я еле выдерживал, чтобы не закашляться, — так волновался.

Медведь, управившись с закуской, начал шарить в рюкзаках. Банки со стуженным молоком, консервами вытащил и взял под мышку. Затем забрал хлеб и оставшуюся колбасу. Они никак не уместались в его лапах и все время падали на землю. Помучился медведь порядочно, рассердился, видно, и все, что забрал, бросил на землю. Помешкав недолго, он взял один из рюкзаков, высыпал из него все содержимое и продукты сложил туда. Наконец-то он нашел выход. «Пусть скорее уходит», — молвил я про себя.

Между тем, как назло, Тавакай начал шевелить ногами, забормотал во сне. Он всегда спит беспокойно, все время во

сне бормочет, и на охоте — тоже. Говорят, однажды он разбил нос своему товарищу, лежавшему рядом. Медведь увидев говорящего человека, вдруг остановился, глянул с подозрением... Я подумал: все, пропали мы. Но какой же он умный, этот медведь! Видимо, понял, что человек во сне бормочет, и продолжал свою работу. Собрал все наши продукты в рюкзак, закинул его через плечо и пошел на задних лапах, как человек.

Я ждал момента, когда зверь уйдет, и готов был уже вскочить. Между тем медведь оглянулся назад, в сторону костра, приставил лапу ко лбу и так стоял — задумался. И вдруг пошел обратно к костру! Подошел, поднял брошенную бутылку и все остатки, до капли, вылил на землю. «Так тебе и надо, Тавакай», — подумал я. Пустую бутылку медведь осторожно поставил, снова закинул рюкзак на задривок и побрел в дремучую темноту.

Едва медведь скрылся, я моментально вскочил. Быстро схватив ружье, начал кричать:

— Вставай, вставай же! Пропали мы!

Александр Сулдемович, проснувшись, не понял, в чем дело, растерялся. Сидел молча. Потом начал ворчать:

— Чуть не задохнулся во сне. Почему ты не разбудил меня, когда я умирал?

Я тоже рассредился:

— Откуда мне знать, умирал ты или нет! Тут хуже было: обе наши жизни висели на волоске. Медведь приходил. Утащил все наши продукты. А водку твою выпил.

Товарищ не поверил:

— Ты сам все съел, наверное, — сказал спокойно.

Я пересказал ему все, до мельчайших подробностей. Он вроде бы поверил... Но не до конца. И лег, и снова заснул. А я взял оба ружья в охапку и всю ночь сидел у костра.

Когда медведь приходил к нам в гости, лошади наши, привязанные к кедрам, еле удержались: благо арканы были крепкие. К счастью, все обошлось.

Назавтра мы тронулись в путь, едва забрезжил рассвет. Отправились по следам медведя. Недалеко от костра, на поваленной лиственнице, лежала половина буханки хлеба. И помятая банка консервов. А колбасу и сухое сладкое молоко он утащил — видимо, по вкусу пришлось.

Увидев все это, Александр Сулдемович сказал:

— Культурный медведь попался: понимает, что людям тоже надо что-то есть.

Николай Куулар

Дорога

Дорога вьется, как аркан.
Куда она ведет?
К угрюмой старости ли в стан,
Где смерть с усмешкой ждет?

Не хмурься, нежная душа,
У нас достанет сил
Пройти по лезвию ножа
К мечте, которой жил.

Соблазн махнет рукой — присядь.
Останься, погости.
И в пиалу мне подливать
Вновь станет араки.

Стегну я верного коня.
Прочь, прочь от юрты той.
И пусть страшится, как огня,
Меня старик-покой.

* * *

Языческая богиня —
Обиженная природа.
Кто в тяжком грехе повинен,
Что в копоты синь небосвода?

Мелеют твои озера,
И души с ними мелеют.
Преступнее нет позора,
Когда любить не умеют.

Природа моя живая,
Как больно тебе, как тяжко.
Вот снег городской растает
И станет траурной краской.

А белый где лебедь ныне?
Чернеет роса от сажи.
Кто в этой беде повинен,
Пусть заживо в землю ляжет.

Мугур-Саргол

Над ущельем мрак Мугур-Саргол.
Но сквозь мрак я вижу все ясней:
Вот архар меж серых скал прошел,
Вот охотник едет на коне.

Сколько сотен лет с тех пор прошло?
А в душе моей так ясен след.
Солнце выше гор уже взошло,
А меня еще на свете нет.

Вот коня мой предок напоил.
А река протяжно вдаль текла.
Я когда-то, может быть, здесь жил.
Или, может быть, душа жила...

Два стиха о снеге

1.

В этом доме грустил
и пел веселые песни.
Был я счастлив и верил:
так будет всегда.

А во время отъезда
выпал снег тут чудесный,
но когда я вернулся,
он исчез без следа.

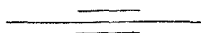
Сохрани его память
на земле этой вечной.

2.

Белый снег ночью лился
из узкого горла кувшина.
Бог, о чем-то задумавшись,
наклонил и забыл.

Утром солнце взошло.
И от взгляда в долинах
снег растаял, но люди
не узнали, кто был.

Сохрани нас любовь
на земле равнодушной.

Монгуш Доржу

Из лирики

* * *

Разлука,
Как хрустальные снежинки
Мерцает в комах.
Первая любовь
Мелодией
Заигранной пластинки
Знобит меня,
Как в юности былой.

* * *

У песен соловьиных
Свой полет:
Луну и сердце
Трели оплетают.

И кажется,
Протяжный небосвод
Душой наполнен.
А душа рыдает.

* * *

О, если б ты познала
Эту ночь!
Тогда бы ты
Саму себя познала.
Я знаю, что любви
Не превозмочь.
Любовь моя
Моим несчастьем стала.

Кольцо

Кочуют юрты по степи
Старою пиал.
Как будто кто-то по пути
Вдруг степь окольцевал.

Кольцо я видел на руке
У матери своей.
Жила в заботах,
Как в кольце,
Она для сыновей.

Взрослее стали сыновья.
Теплее стали дни.
А мать моя не дожила
До нынешней весны.

Памятник

Я памятник любви
Средь ветренного дня,
Скроив из тишины,
Поставил для тебя.

Ему я лучший миг
Своей души отдал,
Но наконец воздвиг.
Он встал на пьедестал.

Смеешься ты,
Глупыш,
Ну дай же мне пройти.
Как памятник,
Стоишь
Ты на моем пути.

Куулар Черлиг-оол

Суета

Суета —
 что ветер-непоседа.
С ней никак
 не клеится беседа.
А ведь я
 в хорошем настроеньи
Мог острить
 в приливе вдохновенья
Мысль ловил я
 прямо на лету...
Мудрость исключает суету.
Суетясь,
 мы многое теряем,
Друг у друга
 время отнимаем,
Как ты горько,
 позднее прозренье!

Монгуш Кенин-Лопсан

Алгыш тувинскому чаю

Культ чая тувинцев
Известен давно.
Приезжий, заезжий,
Гляди, примечай:
Подносится гостю у нас
Не вино,
А крепкий,
Завещанный предками чай.

Две горных вершины
Пусть рядом стоят.
Вовек не сойдутся,—
Народ говорит.
А люди сойдутся,
Не зная преград,
И чаю напьются,—
Народ говорит.

О многом я гостя
Хочу расспросить
В неспешной беседе
Перед огоньком.
Но первое дело —
Его угостить:
Вот круглая чаша —
В ней чай с молоком.

Монгуш Олчей-оол

Предел

Есть у полуночи темной предел.
Есть у светлого полдня предел.
Жизнь моя завершает свой круг
Жизни тоже положен предел.

Горше нет — навсегда уходить.
Как мучительно хочется быть!
Но извечен природы закон —
Не годится глаза отводить.

Жизнь моя, ты была хороша!
Вновь хотел бы тебя, не спеша,
Пролистать.
Неоплатен мой долг.
Не нищай напоследок душа.

Жизнь

Преодоление силы урагана —
Борьба за жизнь.
Пусть ты устал до дрожи,
Идти не можешь и дышать не можешь,
И вместо сердца кровавая рана —
Иди вперед.
Стремись вперед.
Стремись вперед упрямо,
Ведь ты в пути —
И, значит, есть надежда.
...Там огонек любви мерцает нежно,
Там сына окликает тихо мама,
Старуха-мать ему еду готовит,
Дитя весенний луч руками ловит...
Там — жизни свет.
Не надо — по теченью,
Не надо — без борьбы и без страданий.

Я вышел в путь однажды утром ранним,
А завершаю — вечером осенним.
Подобно всем, пришел к своим итогам

И выпестовал в муках семикратных
Свое простое счастье...
Как немного!
Как много —
Если посмотреть обратно.

Деревца посажены в саду
Позапрошлой позднею весною,
А сейчас — смотри! — стоят в цвету,
Укрывают детвору от зноя.

И не надо спрашивать о том,
Кто здесь спину гнул давно когда-то.
Человек богат своим трудом,
А добро не требует оплаты.

Арбуз

Решив полакомиться,
Я купил арбуз.
Он был тяжел, огромен —
Просто чудо.
Я с гордостью нес этот сладкий груз
И дома положил его на блюдо.

Уже хотел рассечь его ножом,
Но руку что-то вдруг остановило.
Мне показалось,
Что в арбузе том
Таинственная жизнь как бы застыла.

И цвет и вид,
Как у земли —
Такой,
Которой космонавты любовались,
Зеленый, золотистый, голубой
В нем так знакомо средцу сочетались.

Я форму Матери-Земли перед собой
Увидел вдруг.
И замер, узнавая.
Так и сидел я с поднятой рукой,
Свой острый нож в арбуз не погружая.

Прошлое

О прошлом говоря с пренебреженьем,
Мы повторяем: «темнота» и «наказанье».
Но мой народ не падал на колени,
Живой души он сохранил звучанье.

Пусть тяжело давило жизни бремя,
Араты не были покорными рабами.
Их мысли, как родник, пробили время
И нас омыли светлыми волнами.

Судьбы жестокой гнули ураганы,
Но перед ней не опускались лица.
Несли араты, словно великаны,
Заветы предков,
Красоту традиций.

И свысока на прошлое коситься
Нам грех сегодня.
Там — наш вечный корень,
У прошлого должны мы все учиться
И в нем искать бессмертных чистых зерен.

Слава

Одолеет крылатый крутые вершины,
А плавниковый — морские глубины.
Славы достигнув,
Задуматься надо.
Ее,
Как отвесной скалы,
Опасаться.
Страшно
Со смертных высот ее падать,
А крыльев нет,
Чтоб обратно подняться.

Славы достигнув,
Задуматься надо.
Она, как омут,
Без дна и возврата.
Жутко в глубины

Бездонные падать,
И нет плавников,
Чтобы выплыть обратно.

Она вознести и низринуть может,
И ничего нам тогда не поможет.

Слава пьянит, как крепчайшие вина,
Голову кружит до отупенья.
Слава порой
Ослепляет лавиной
И отнимает и разум, и зренья.
Вынести груз ее
Скромный лишь может —
Крепче цепей ведь объятия славы.
И дальновидность,
Бесспорно,
Поможет
Не захлебнуться в той сладкой отраве.

Тот и взлетит высоко,
Как крылатый,
И поплывет плавниковым по рекам.
Слава достойна
Высокой лишь платы,
Щедро предложенной ей
Человеком

Болат Маады

Священное в земном

И счастье, и беда
изведены не зря.
Стихи свои слагаю,
жизни их даря.
Частичка маленькая
в космосе людском,
Угадывал не раз
священное в земном.

Как бы в истоме
Встрепенуться
И укачать тихонько нас.

Полдневный зной —
Такое бедство!
Но в юрте тихо, полумрак.
А от жары одно лишь
Средство —
Богатырей питавший
С детства
Напиток бодрости —
Хойтпак.

Конь под седлом
Ждет у забора,
Кивает мирно головой,
Как будто знает:
Очень скоро
Приедет дочь — твоя опора,
Помощница, приемник твой.

Под вечер
Взбухли грозно тучи,
И теплый дождик
Брызнул вдруг.
А дети?
Что им, детям, лучше,
Чем этот
Превосходный случай?
И беготня, и смех вокруг.

Чургуй-оол Доржу

Знак весны

Судьба моя,
Сегодня ты сурова,
А завтра будет все
Наоборот...

Что ж, к мудрости такой
Бреду я снова,
Как к водопою
Старый конь бредет.

О, как мы все надеемся
На лучшее!
Хоть жухнут листья,
Пряча мерзлоту,
Но дремлет иней,
Талую излучину
В декабрьском сне
Лелея, как мечту.

Ну, а душа?
В извечной круговерти
То безутешна,
То, как май, светла.
И новый смысл грядет
За гранью смерти
По мановенью
Света и добра.

Исчезнут наши
Юные надежды,
Растают легкой дымкой
Поутру,
Но вечна жизнь,
И знак весны —
Он прежний:
В смятеньи верб
На солнечном ветру.

* * *

На вершине туманы,
Словно овцы, белы.
В дали синие
Снова смотрю, одинок.
Острой свежестью душу
Обдает ветерок.
Гор бескрайних
Кристаллы, изломы, углы.

И покой и смиренность.
И нет суеты.
Словно вечности суть,
Наконец, я постиг.
Шепот ветра.
И крови удары чисты.
Неделим
Бытия заповедный родник.

Виктор Сагаан-оол

Встречаем весну

Сквозной мой, зеленый мой лес молодой,
С кипеньем черемухи над буйной водой,
Со щебетом птичьим, с камланьем зверей,
С совиными кличами в блеске ночей!

Все долгой зимою хотели тепла.
От первого зноя земля весела,
Зажжет пестроцветный душистый ковер,
По зелени чистой — жарковый узор.

Ожили сады и звенит детвора —
Настала ее золотая пора:
Весна долгожданная,
Гостья желанная
Пришла, словно мама, —
Красива, добра.

Месяц апрель

Пришел апрель,
Растаял белый снег —
И вешняя вода берет разбег.
Тревожный первый ветер в окна бьет

И птица песню первую поет,
А почки на деревьях тяжелы —
Совсем чуть-чуть осталось до жары.
Надолго спрятав лыжи и коньки,
Хохочут во дворе ученики,
Стартует чей-то друг, велосипед,
В залог отменных будущих побед.
В скворечник новый, что устроил я,
Уже вселились старые друзья —
Семья, мои знакомые скворцы.
Там скоро будут подрастать птенцы,
Апрель пришел.
Весенняя душа,
Как юная невеста, хороша.

Сайлык Хомушку

Мама, ты — наша звезда

Над светлой колыбелью тишина.
И эти руки легкие нежны,
и эта песня чистая нежна —
нежней, чем дуновенье тишины.

Ты отведешь от нас глаза беды
извечным материнским колдовством.
На небе загорелись две звезды —
и вновь над человеческим ростком
ты занята прекрасной ворожкой:
накормишь, обогреешь, сбережешь...

И никнут перед светлою тобой
и черный грех,
и ласковая ложь.

Зоя Амыр-Донгак

* * *

Как дерево, убитое грозой,
Покинутым, обугленным обрубком,
Безмолвно, бездыханно и безруко
Склоняюсь перед властною судьбой.

Как маленький, растерянный щенок.
У ног чужих мечусь, мечусь нелепо,
Вымалывая то ли корку хлеба,
То ли хозяйский снисходительный кивок...

Уши мои забиты песком,
Глаза завязаны грязным мешком,
Душу навек испоганила
Сажи черная тень.

Ну, нет!— оживу, разогнусь и сброшу
Эту невыносимую ношу,
И снова, меня ослепив, улыбнется
Жизни бескрайний день.

Анатолий Быков

Ожидание

Отзвенела любовь в дымке мая.
Отгремел и затих летний гром,
Осень, нежно обиды стирая,
Приглашает взгрустнуть о былом.

На душе и светло, и просторно
У порога последней тюрьмы,
И уставшее сердце покорно
Ожидает грядущей зимы.

Взгляд

Дрожит паутинка на ветке сосновой,
Так души дрожат на дорожке терновой,
Пространства не в силах объять.

Лишь разум холодный бессмертною птицей
К черте запредельной и страшной стремится.
Зачем — не дано нам понять.

Трепещет на грани распада сознание,
Чтоб вновь разбиваться о свод мироздания
И в солнечном свете гореть.

Быть может, приемной антенной Сверхновой
Дрожит паутинка на ветке сосновой,
Но мы разучились смотреть...

И. Принцева

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Цикл стихов

А может быть, мы покрыты одной корой?
А может быть, просто не знаем,
Что время пришло листопадять?

И зеленеет унылой осенней порой?
А может, садовник давно нас отрезал пилой?
А может, горели костры и в лесах начинались пожары...

От этого дыма безумные дети рожались —
Железа боялись, зеленой цвели головой.

* * *

По лицам ветер бьет прохожих,
И луж кривые зеркала
небес чудесные дела
изображают так похоже.

Я серебристых обезьян
ловлю у винных магазинов,
Укус их празднично-резинов,
а поцелуй счастливо-пьян.

А снег, горячий и сухой,
палит язык, совсем не так,
и светлых дней стена пустая
растет задорно за спиной.

* * *

Плетеная легкая лодка,
белые всплески тел —
пусти!

Узел горячих вен,
живой клубок кобр —
пусти!

Здесь не гулять —
летать, прыгать, красться, ползти —
смотри —

яблоки вниз головой
светятся и висят!

А что такое «нельзя»?
Пусти.

* * *

Прежде, чем куклу себе купить,
нужно уметь ей башку разбить.
Прежде, чем перестать играть,
краску нужно с лица сцеловать.

Что под обломком гнилой доски,
что гнезда свили во мне пауки, —
знаю, тебе плевать.

И мне все равно, что лежу давно,
что ветер приносит мусор в окно,
в глазах от пыли черным-черно,
если придешь — не узнать.

Ведь скоро все будет наоборот,
заплачет улыбкой рисованный рот,

глаза промоет осенним дождем,
пойду к хозяину босиком.

Лохмотья, как перья на мокром ветру,—
Я в птицу играю, я скоро умру.

* * *

Я прошу — качаться на ветке
в зеленой и сладкой коже,
с кровью вкуса железа.

Я прошу — если это можно,
качаться в юбках у ветра
в зеленой и сладкой коже.

Мы пахнем больным животным,
мы пахнем звериной лежкой —
хочу умереть на листьях
в зеленой и сладкой коже.

* * *

Дышит смех беспечальными песнями.
(Их поют только птицы летние, перелетные).

Дышат слезы зелеными звездами.
(только лишь над степями нехоженными и осенними).

* * *

Железом вскрытый рот
и кровепад
и ближняя звезда
потокот почерневшего сознания,
как рыба ночи,
наземь сметена.

Не трогай это, жрица очага,
не обожгись, богиня Обладанье.
Богиня в засыхающем венце
из жухнувшего ломкого укропа,
богиня, состоящая из попы,
богиня с нищей лаской на лице.

Сиреневая женщина-фонтан,
в саду, тобой старательно обритом
исходит водяным, искристым криком.

Однажды ночью, в блеске ближних звезд
кровавый столб поднимется до неба
и дом снесет потоком диких вод.

Лилит

Из ветра, соломы, пчелиного яда и меда
слепили Лилит — получили мясного урода.

Лихое начало.
Царапала кожу,
кричала,
снимая неловкое грубое тело
и в луже смывала лица и волос акварели.

И, забравшись в воронье гнездовье,
свистела на звезды
и плакала, плакала, выла всю ночь напролет:
«У Тебя седые глазницы, голубее неба Твой рот,
отпусти Лилит, она ветер, теплый ветер, топящий лед...»

Внизу кто-то сильный
дразнился большим апельсином,
просил не скандалить,
хотел, чтоб его приласкали.

Сергей Тюлюш

* * *

Любовь исчезла вся.
Прошла.
И некому больше
Букеты сирени дарить.
Лишь запах сирени остался.

* * *

И глаза твои
Как прежде заблестят.
И никто не сможет
Погасить в них
Ту искру,
Которую тебе я дал.

* * *

Лекарства столько выпил,
Сколько старый человек
За жизнь долгую свою
Не съел хлеба.
Но я живу и надеюсь,
Может быть, счастье
Вновь улыбнется мне.

Юлия Любина

* * *

В его дыханьи чувствую тебя.
В его руках забуду я себя,
Чтоб остудить болезнь воспоминаний.
Мне одиноко, милый, без тебя.

И сколько можно мучиться тобою?
Оставь меня!
С моей больной любовью!

Не забывай,
Мой милый,
Про меня.

* * *

Я пьяная,
Пьяная,
Пьяная!
От марта,
Апреля,
И мая.
От рук твоих,
Губ твоих
Пьяная.

От мая,
И ниже,
Твоя я.

* * *

Свободное одиночество.
Гуляй — не хочу!
Я тоже ночами плачу,
По сказочному палачу.

Подруга под гримом прячется:
«Замужество — это зло».
И только соседи знают,
Кому из нас повезло.

Евгений Антуфьев

Дорога

Пусть сбудутся ваши желанья,
А я буду знать наперед,
Что нет на земле оправданья,
Тому, кто любимой соврет.

Есть в каждом с рожденья от бога,
Но ложь, как известно, крута.
Вдаль тихо уходит дорога,
Ведущая вас в никуда.

Гадание

Я сварю тебе кофе чернее, чем ночь.
Прогони свои мысли полночные прочь.
Я искусную чашку подвину к тебе
И узнаю, чем ты насолила судьбе.
И узнаю, как шла ты вперед напролом,
Потому у тебя позади бурелом.
Потому впереди нет просвета в пути.
Выпей кофе еще и со мной посиди.
Выпей кофе еще. Я готов хоть всю ночь
Просидеть с тобой рядом, чтоб чем-то помочь.

Столько лет напролет
Дождь стучится в окно.
Тебя нет. А я пью.
Вместо кофе вино.

Мрак

О, как мы любили во мраке друг друга.
О, как нам во мраке чертовски везло.

Но кончился мрак,
Обнажая округу.
И свет к нам пришел,
Как вселенское зло.

Звезда

Пожалуй,
Я зря
Не простился с тобой,
Когда ты была путеводной звездой.
Но только не знал я,

Что путь в никуда,
Укажет,
Упавшая,
С неба звезда.

Осень

Золотая осень без тебя.
Я брожу по осени один.
Сам себе: убийца и судья.
Сам себе: Отец и Дух и Сын.

И впервые дача так пуста.
Я да пес, да холод за окном.
Вот уже и иней на кустах
Стливает тусклым серебром.

Кружит ветер желтую листву.
И наивно ждать уже тепла.
Я — один,
И так теперь живу,
Как и ты
Со мною
Так
Жила...

Мелодия

Ты последнюю песню допела,
И меня до двери проводила.
Вот и все, что ты в жизни успела,
До того, как меня разлюбила.

Падал снег обреченно под ноги.
И окно твое долго не гасло.
Жизнь за нас подвела все итоги,
Как бы не было это ужасно.

Что тебе теперь, милая, снится?
Тень моя неприкаянно бродит.
И скрипит по ночам половица,
Как одна из забытых мелодий.

Третий

Так загадал всевышний:
Третий — всегда не лишний.
Третий всегда на стреме.
Газетой прикрыл лицо.
Он ждет, чтоб злорадно дернуть
Удачи своей кольцо.

Цепочка

Если ты мне изменишь,
Ну, что же?
Не скажу тебе слова вовред.
Но на горле, на бархатной коже
От цепочки останется след...

Мой час

Ты вспомнишь обо мне.
Еще пробьет мой час.
Как стрелки на стене,
Разлука сблизит нас.

Рванешься ты вперед,
Но круг замкнет твой бег.
И вновь мой час пробьет...
И будет падать снег.

И терпкое вино
Измены и любви,
Мы выпьем за столом
За глупости твои.

Башня

Как тебя не хватает,
Мне страшно.
Но я знаю,
Что ты меня ждешь,

Там, где высится
Красная башня,
И живет
Черно-белая ложь.

Я от лжи твоей,
Честно, немею.
Что ни слово,
То — правда сполна.
Я как ты
Даже врать не умею.
У твоей
Явно выше цена.

Что ж, пойдём
На базар и проверим.
Выставляй
Наш товар напоказ.
Ты — считай.
Я считать не умею.
Но я верю,
Что всё ты продашь.

Возвратились мы
Поздно
С базара.
Ты свою
И мою продала.
Лжи с тех пор
Между нами не стало.
Жаль,
Что башня
Вот только
Цела.

Палач

Кого ты будешь так любить
И так прекрасно ненавидеть?!
Убожество нельзя простить,
Как и нельзя его обидеть.

С усмешкой пьешь холодный чай.
Дымит печально сигарета.
Белеют руки палача,
И спит душа еще поэта.

Баллада о бездорожье

Ты была назначеньем божьим.
Шла со мною по бездорожью.
Шла за мной до последней минуты,
Но маршрут изменила круто.

И сказала ты мне:
— Постылый.
Я с тобой не была счастливой.
Я с тобой не была несчастной.
Лишь холодной была и страстной.

Холодела от бездорожья.
Была страстной от назначенья,
Но с тобою душа безбожна,
Как безбожно мое решенье.

Безнадежное бездорожье —
Одинокая в небе стая.
Золотистой чувствую кожей:
Не ведет бездорожье к раю.

Так сказала мне на прощанье.
Снова стала свободной птицей.
Стала божьим ты наказаньем,
Чтобы мне безнадежно сниться.

Глава

Я сжег, как главу из романа,
Сумасшедшее лето с тобой.
В сюжете не стало изъяна
И прелести с этой главой.

Все стало до боли прилично.
И крепок моральный позор.
И только при встрече, цинично,
Твой чувствую лживый укор.

Одиннадцать

Одиннадцать раз
Я к тебе возвращался.
Одиннадцать раз от тебя уходил.
Одиннадцать раз
Я влюбиться пытался,
В одиннадцать женщин, которых любил.

Одиннадцать раз,
Ах, какая потеря.
Одиннадцать раз мне пришлось умереть.
Одиннадцать женщин,
Как шрамы на теле,
Одиннадцать песен пытались мне спеть.

Одиннадцать раз,
Каждый раз, как ступени.
Одиннадцать раз наступала пора.
Одиннадцать раз
Наши души сумели
Одиннадцать жизней прожить до утра.

Сон

Бог не обидел нас судьбой,
Он просто нас развел с тобой.
И ты пошла по свету
И обошла планету.
И вновь ко мне вернулась.
И в двери колотила.
И в этот миг проснулась.
И обо всем забыла.
Забыла, как мотала
Тебя судьба по свету.
Забыла, как бежала
Всю ночь через планету.

Последний патрон

А за любовь пора платить
Безумно дорогою платой.
Хотя еще безумней жить
И знать — любви уже не надо.

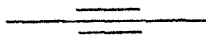
Обойма девственно пуста.
И вся расстрелена законно.
Как жаль, что в судный день судьба,
Не сберегла тебе патрона.

Река

Мне снилось, что меня убили
И разлучили нас с тобой.
Мне снилось, что меня любили
И что рыдали надо мной.

Мне снилось, что меня не стало.
И солнце встало над рекой.
Мне снилось, что я льдинкой талой
Плыву в неведомый покой.

Мне снилось, что я вновь родился.
И снова встретился с тобой.
Мне снился свет,
Что тихо лился
Над этой вечною рекой.

Виктор Тока

гл. дирижер Симфонического оркестра Тувы

МОЙ ОТЕЦ

За двадцать лет, прошедших после смерти отца — Салчака Тока, — о нем написано в печати, пожалуй, больше, чем при его жизни. В основном негативные статьи и выступления «созрели» к концу восьмидесятых годов. Читая эти статьи и слушая выступления по радио и телевидению, кажется, что все беды исходят от одного человека. Сегодня это легко. Нужно только подогнуть историю под сегодняшний день. Слава богу, прошло двадцать лет, можно вспомнить все личные обиды и свести счеты с умершим человеком, который для меня является не только отцом, но и большой личностью. Думаю, что не только для меня.

Совсем мальчишкой я часто ездил с отцом на рыбалку, на охоту, или он просто брал меня в командировку. Однажды я хотел бросить кусочек хлеба в костер. Отец страшно рассердился: «Ты знаешь, сколько труда затрачено на этот хлеб? Сколько аратов еще живет в голоде и нужде? А этот хлеб подберет мышка или птичка, на худой конец достанется муравью».

На охоте отцу приходилось сталкиваться с браконьерами. Те, конечно, при виде его терялись. Отец строго выговаривал им, разъяснял сроки охоты. В райцентры, в правления совхозов он приезжал, как правило, неожиданно. Вначале объезжал юрты, отдаленные стоянки. Все его знали, отношение к нему было искреннее.

Любил он охоту на волков. «Как увижу след волка, так трясет меня. Пока не уничтожу его, не успокоюсь!» Эти слова я запомнил, хотя был маленьким. В то время, в пятидесятых годах в Туве было очень много волков. Почти из каждой командировки в районы зимой, отец привозил одну-две шкуры убитых волков. Он научил меня пользоваться спянингом, стрелять. На охоте был азартным, но как истинный тувинец знал меру. Добыв одну косулю, например, командовал: «Все! Едем домой». От него я научился готовить рыбу — как шашлык, заворачивать в мокрую бумагу и класть в золу костра. Стрелял он замечательно. У

него была трофейная немецкая трехстволка «Зауэр», подаренная ему на фронте. На охоте признавал только пеший вид, загоном пользовался редко. Говорил: «Лучше всего когда сам выследишь зверя, подойдешь и добудешь».

До сих пор помню чудесные рассветы на рыбалке у реки. В те времена рыбы было полно. Думаю, что если бы он был жив, то не допустил бы того, что сейчас творится с Бий-Хемом, который летом превращается в сточную канаву от Сысыг-Хема, благодаря «стараниям» старателей, горе-добытчиков золота. Мне кажется, что на территории Тоджинского района, нашей жемчужины, надо запретить всякое ковыряние в земле, воде и воздухе. Иначе наши потомки нас не простят. Чистота природы намного дороже любого золота.

В семье царила атмосфера скромности во всем. Помню до 5—6-го классов мы ходили в понравившихся нам фуфайках. Они теплые и легкие. А в пальто — не ходили. Не хотелось отличаться от других. Дома нам разрешалось все. Но наказания были — встать в угол. В 60-е годы мы с братом Володией учились в Новосибирской консерватории. Отец посылал нам по 60 рублей в месяц. Стипендии мы не получали. Приходилось прирабатывать. И свыше этих 60 рублей отец принципиально не посылал ни копейки. За годы учебы я в магазинах Новосибирска не видел в продаже мяса. Приезжая в Кызыл на каникулы, видел его изобилие. Как-то я спросил об этом отца. Он ответил философски: «Тувинский человек не может жить без мяса!» Эту фразу я запомнил надолго. За этим шутливым выражением стояла борьба с Центром, который хотел вывозить мясо из Тувы за счет поставок.

Как-то вечером на семейном ужине я спросил отца: «Папа, а ты слышал анекдот про секретарей обкома партии?» Он удивился: «А что, есть такой?» Я набрался нахальства и рассказал: «Второй секретарь заболел и ушел на пенсию. Первый секретарь обкома вызывает третьего и говорит ему: «Хочешь быть вторым?» Третий с готовностью отвечает: «Хочу!» Тогда первый говорит ему: «Вот тебе рубль, ищи третьего!» Отец долго смеялся. Не надо забывать, что это происходило в 70-е годы. Потом мне говорили, что этот анекдот отец многим рассказывал в обкоме. Он вообще много знал баек, анекдотов, прибауток. Люди, знавшие его, отмечали тонкое чувство юмора. Он хорошо, можно сказать досконально, знал национальные обычаи, ритуалы. Напрасно пишут, что все это преследовалось. Как ни странно, в «застойное время» больше уделялось внимания культуре в полном смысле этого слова. Театр, музыка, художественная самодеятельность были на высоте. А в создании симфонического оркестра, первого профессионального коллектива Тувы, отец принял самое большое и горячее участие. Так в Туве появилась симфоническая музыка. В 50-ые годы в Кызыле работали замечательные педагоги-музыканты: Л. Шевчук, Близнюк, Кайдан и другие. Из нашей

семьи трое учились в музыкальной школе: Аня — старшая сестра, Володя и я. Отец всячески поддерживал наше увлечение музыкой. Профессиональными музыкантами стали Володя и я.

Отец вообще очень серьезно относился к искусству, не пропускал ни одной премьеры в театре. Как правило, на всех премьерах в первом ряду сидело все бюро обкома. Он очень помогал начинающим профессиональным артистам, художникам и музыкантам. Да и сам он был очень музыкален. Пел чисто, интонировал верно. Подозреваю, что он имел врожденный абсолютный слух. И когда мой брат задумал крупное произведение, где использована народная мелодия, то заставил отца сесть около фортепиано и спеть «Конгургай», точно зафиксировав мелодию в нотах. А когда эта фантазия для фортепиано и оркестра звучала в зале и подходило это место, то отец толкал своих соседей-слушателей, мол это я нашел ему эту мелодию.

Отец был очень дисциплинированным человеком. Вставал в семь утра. Сорок минут интенсивной зарядки. Обязательно обтирание смоченным в холодной воде полотенцем. В последние годы жизни каждое утро — укол инсулина. В командировках он сам научился себе ставить уколы. Диабет... Он сидел на строгой диете. Никакого сахара, картофеля, мучного. За всю жизнь он не выкурил ни одной сигареты. А когда узнал, что сыновья покуривают, иногда с высоких совещаний в Москве привозил заграничные сигареты. Знатком табака не был, а выбирал по яркой обертке.

В марте 1973 года у него случился приступ — обострение диабета. Повезли его в Москву. 11 апреля я поехал на стажировку в оркестр Центрального радио. Но стажировки не получилось — весь месяц пришлось провести у постели отца. Когда он потерял сознание, лечащий врач предупредил: «Шансов никаких — обе почки отказывают». Иногда в бреду отец произносил: «Все равно моя маленькая Тува будет процветать!» Тут, конечно, не удержать слез.

Я часто задумываюсь: почему мы о людях яростно начинаем судить много лет спустя? Причем лидерами критики выступают те же аппаратчики, бывшая номенклатура, экс-министры, журналисты с большим партийным стажем. Это-то многое для меня и разъясняет. Их почему-то одних и слышно. А остальное большинство при личных встречах возмущается, сочувствует. Но против моды не пойдешь. И пусть история и время все расставят на свои места. Давайте не будем делать поспешных выводов.

И последнее: у нас дома была большая библиотека. Отец много выписывал литературы как член Союза писателей. В детстве он мне посоветовал прочитать «Мартина Идена» Д. Лондона. Эта книга потрясла меня. Для меня, как и герой Джека Лондона, отец навсегда останется личным примером доброты, благородства, мужества и справедливости.

Мария Черноусова-Сарыг-оол

АВТОГРАФЫ ИЗ БИБЛИОТЕКИ СТЕПАНА САРЫГ-ООЛА

Живет у нас добрый обычай — дарить друзьям книги. Но особую ценность обретает книга с автографом, подарок того, кто ее создал.

Ведь вместе с книгой он словно дарит частицу своего сердца, своих сомнений, радостей, раздумий — частицу своей судьбы и прожитой жизни.

У Народного писателя Тувы Степана Агбановича Сарыг-оола на полках немало таких книг-подарков. Каждая из них рождает воспоминания.

Сарыг-оол относился к ним, как к живым: взяв одну, он весело улыбался; беря другую, задумывался, а над третьей смахивал непрошенную слезинку...

Вот несколько книжек различного формата. На фотографиях их автор: с одной он смотрит молодыми глазами, но с чуть заиндевевшими висками, а на снимке недавнего времени совсем белый разреженный пушок обрамляет утомленную жизнью и большими годами лицо. Но подпись под дарственной на них неизменна: и в 1942 году, и в 1945, и в 1947, последняя в 1979 году — «Степан Щипачев».

О встречах с ним в Кызыле и в Москве С. Сарыг-оол рассказывал: — Это было в лютую стужу зимы 1942 года, когда произошла первая наша встреча в Кызыле. Он был стройный, подтянутый, в военной форме, с тремя шпалами, только что с фронта. Все наши писатели собрались в редакции газеты «Тувинская правда». Щипачеву там и была отведена комната для проживания. С первых же минут Степан Петрович взял «в плен» всех своим теплым, дружески простым обращением. К концу беседы мы почувствовали к нему такое расположение, что предложили перебраться в наш писательский дом, он охотно согласился. А мы обрели радость общения по вечерам, когда все возвращались с работы.

Как-то Степан Петрович оживленно беседовал с нашей небольшой группой тувинских писателей, вдруг встал и торопливо направился в пустую комнату, сказав: «Пойду поработаю немного». А через минуту потушил в своей комнате свет. Мы решили — устал, отдыхает, заговорили тише. Прошло не больше часа. Выходит гость оживленный, радостный и предлагает послушать его новые, только что созданные стихи, но еще

не коснувшиеся бумаги. Конечно, всех нас поразила необычная манера «писать» стихи сперва в голове.

А я в тот вечер подарил посвященное Степану Петровичу свое стихотворение «Соловей».

С тех пор и до конца жизни Щипачева, мы обменивались сборниками стихов и встречались в Москве. Вон сколько книг своих прислал далекий, но близкий на всю жизнь друг.

На последнем сборнике надпись сделана уже не твердым и очень крупным почерком, а в кармашек книги вложена пластинка с голосом автора, читающего свои незабываемые стихи.

Книга стихов в пятьсот страниц в сером переплете. С портретом автора. Из-под густых, почти сросшихся бровей, смотрят непривычно грустные глаза Семена Гудзенко. А ведь он был всегда таким веселым, шумным. На этой книге нет дарственной надписи, она издана посмертно. Молодой поэт многого не успел написать, последствие войны — контузия — оборвало жизнь и песню поэта в 1953 году.

Тень грусти смахнула улыбку с лица Сарыг-оола, он вздохнул и, помолчав с минуту, заговорил:

— Гудзенко прилетел к нам в Туву в 1948 году. Был он как весенний ветер: беспокойный, веселый, любознательный и какой-то «свой» с самой первой встречи, казалось, мы давние-давние друзья. И это чувство никогда не исчезало, а со временем росло и углублялось. Семен был так щедр на веселые и разные забавные выдумки, что трудно было представить его усидчиво работающим. А между тем он много писал своих стихов и переводил тувинских авторов, да сам же их и отдавал в печать. Именно благодаря Гудзенко еще в 1948 году на страницах «Дружбы народов» «Огонька» и «Смены» появились стихи тувинских поэтов в переводе Гудзенко, в том числе и мои.

Осенью 1949 года Семен Гудзенко уговорил меня поехать одновременно с ним в ялтинский Дом творчества писателей. «Едем обязательно с женами», — добавил он.

Когда мы приехали в Ялту, Гудзенко уже несколько дней отдыхали там. Семен тут же принялся знакомить меня со многими находившимися там известными писателями. А он знал всех и его все знали. Его трудно было не знать, потому что он то и дело вытворял разные мальчишеские шалости, вокруг него всегда былолюдно и весело.

Как-то вечером, когда многие отдыхающие сидели на скамейках под деревьями, вдруг появился Семен в сопровождении жившего постоянно в Ялте Петра Павленко. Они направились в нашу сторону. Недалеко от меня восседал весьма важный, докучавший всем недавно выпшедшей своей книгой писатель. «Вы, конечно, читали мою последнюю книгу?» — обращался он к каждому. Когда Павленко подошел, он встал навстречу,

очевидно, ожидая от Павленко похвалы его творения. Но Павленко сдержанно поздоровался с ним и прошел дальше. Гудзенко познакомил нас. Я смущался и первое время отвечал односложно, с трудом подыскивая русские слова, но сердечный тон и интересная беседа с гостем увлекли меня. Павленко говорил увлеченно и заинтересованно расспрашивал о Туве, о жизни и обычаях моего народа.

Беседа затянулась, и мы все забыли про ужин. Потом вместе с Семеном пошли провожать Павленко домой. Шли вниз по извилистой тропе, то ныряющей в густые заросли кустов, то выбегающей на ярко залитые луной холмы... Возвращаясь, сравнивали природу Крыма с Тувой, находили много общего, особенно в очертаниях гор, конечно же, кроме моря и теплого климата. Гудзенко мечтательно говорил о том, что он собирается организовать поездку друзей-писателей, чтоб «основательней познакомиться с Тувой...»

Встречи с Гудзенко у меня были нечасты, но мне казалось, будто расставаний и не было, будто он был всегда где-то рядом.

Когда я в очередной раз приехал в Москву в 1953 году, как обычно, позвонил к нему домой. Вместо веселого голоса друга услышал печальный голос его матери: «Сын тяжело болен, безнадежно болен...»

Его книги для меня — живой голос друга. Мне трудно поверить, что его нет. Большая дружба не подвержена смерти, она переживает нас во взаимных переводах стихов.

Позднее Сарыг-оол написал стихи «Памяти друга», непосредственно посвященные Семену Петровичу Гудзенко.

О большой и длительной дружбе с Александром Адольфовичем Пальмбахом Сарыг-оол рассказывал так:

— О значении дружбы с этим человеком в короткой беседе не расскажешь. Она была многогранной и всеобъемлющей не только для меня лично, но и для всего первого поколения писателей Тувы. Да и не только писателей... Кому не известна роль Пальмбаха в развитии тувинской письменности и литературы!?

Впервые я встретился с ним в 1930 году, когда стал студентом КУТВа. Тогда нам, не знающим еще совсем русского языка, он читал стихи Пушкина, Лермонтова и русские песни. Песни оказались более доступны нашему восприятию. Очевидно, под влиянием напевности услышанных стихов и песен незаметно для себя стал придумывать песни для вечерних гуляний нашей молодежи. Это были простые импровизации, по содержанию напоминавшие русские частушки. Я их записывал русскими буквами, пока не появились тувинские буквари с латинским алфавитом. Пытался, подражая народным песням, «делать» свои. Одна из этих песен получилась в три строфы. Я ее многократно исправлял, переделывал и вновь прятал поглубже в карман.

Как-то, уже в Кызыле, когда я работал редактором молодежной газеты, на занятии литкружка Александр Адольфович заставил самих попробовать написать что-нибудь, а затем прочитать вслух. Я извлек из кармана свой смятый листок, да так и не осмелился прочесть. Учитель наш заметил, что я что-то то вынимаю из кармана, то вновь прячу туда же. В тот момент, когда я держал свою писанину, Пальмбах оказался рядом. Он взял мою помятую бумажку, расправил ее, потом озабоченно потер свою бритую голову, слегка откинулся и громко прочел. Я замер, ожидая насмешки, но... Последовала похвала и, конечно, ряд замечаний, предложений что-то дописать, что-то исправить. А когда я выполнил все его указания и переписал набело, учитель наш «конфисковал» это мое первое творение и передал его в нашу республиканскую газету. Так оно и увидело свет. Стихотворение называлось «Эрге-шолээ» — «Свобода» (впоследствии оно стало народной песней). Так что я считаю Александра Адольфовича Пальмбаха своим «крестным отцом» в литературе.

Позднее мы стали с ним не только друзьями, но и сотрудниками по научно-исследовательскому институту (ТНИИЯЛИ), в секторе языка и литературы, а также и членами одного союза — Союза писателей СССР.

На обложке оранжевое раскаленное солнце. Название книги «Верблюжий глаз» — молодого киргиза Чингиза Айтматова, уже в то время отмеченного высокой Ленинской премией. Надпись на книге: «Степану Сарыг-оолу в знак уважения и благодарности за Ваш перевод «Джамили» на тувинский язык». Дата 9/III—1963 г. и подпись автора.

А вот сборник стихов под названием «Дом в Горках» народного поэта Чувашии Пе дера Хузангая с дарственной надписью: «Степану Сарыг-оолу на память о ВЛКа. 16/II—1956 г.

Держа в руках эту небольшую книжечку, Степан Агбанович печаленно сказал: «Хузангай и во время учебы на Литературных курсах много работал, был сосредоточен и почти не участвовал в наших веселых шутках. Кажется, и тогда уже был серьезно болен. А теперь его не стало...»

Какое-то время длилась пауза, Сарыг-оол брал молча с полки книги. В руках его оказался довольно объемный том, и на лице его вновь появилась добрая улыбка, он сказал: «А это тоже наш сокурсник по ВЛК Николай Шундик — человек исключительной душевности и мягкого юмора. Вот один из первых его романов «Быстроногий олень». По всему видно, Шундик наш далеко помчится на этом Олене...»

Стопа книг все увеличивалась. Снимая их, Сарыг-оол выглядел обладателем сокровищ. Прежде чем раскрыть очередной том, он бережно

обтирал взятую в руки книгу чистым полотенцем, затем обдувал и, перечитав дарственную, на каждую из них реагировал по-своему.

Вот он бережно держит «Роман-газету», с обложки которой смотрит доброе лицо сибирского мудреца Афанасия Лазаревича Коптелова. Здесь напечатан его роман о Владимире Ильиче «Возгорится пламя», с дарственной: «Дорогому Степану Агбановичу Сарыг-оолу с глубоким уважением к таланту поэта и прозаика. 8./I — 1966 г. А. Коптелов».

Подумалось: «Всего-то «Роман-газета», не книга еще», но Сарыг-оол, держа ее бережно, заговорил:

— Афанасия Лазаревича, пожалуй, мне следует назвать «Мостом перехода» — мост прозы на другие языки, — тут Сарыг-оол, сдерживая нахлынувшие переживания, коротко рассказал о непростой судьбе его автобиографического произведения «Ангыр-оолдун тоожузу» («Повествование Ангыр-оола»), которое в последовавшем переводе на русский язык М. Ганиной было названо «Повестью о светлом мальчике». О том, как оно было захаяно (отвергнуто) местными писателями, и какие сомнения и муки довелось пережить с этим произведением автору. И о том, как сделав подстрочник этого труда, он послал его Афанасию Коптелову. И старый сибирский писатель незамедля отозвался. Прочтя внимательно подстрочник, сделал ряд замечаний, высоко оценив это произведение Сарыг-оола, даже всего-то только в подстрочнике. Замечания и отзыв маститого русского писателя возродили надежду.

Впоследствии этот подстрочник без ведома автора был мною направлен в Москву в Союз писателей РСФСР, где и обсуждался большой авторитетной комиссией и был одобрен. А после этого книга «зашагала» по нашим республикам и ушла даже за рубеж.

В руках у Сарыг-оола книга крупного формата, держит он ее так бережно, словно новорожденного, и, сверкая блестящими глазами, говорит:

— Как же я любил этого большого русского поэта! Его стихи так отражались в моем сердце, что переводить их было радостью. В моих переводах поют их теперь наши тувинцы. А на обложке название «Ты по стране идешь» и дарственная: «Степану Сарыг-оол с дружественным приветом и самыми добрыми пожеланиями. 5 ноября 1966 года. М. Исаковский».

Сарыг-оол рассказал, как он был счастлив, когда несколько раз удалось провозжать Михаила Васильевича из Литинститута или же из Дома Литераторов к нему домой, на улицу Горького и, благоговей, беседовать с ним.

«Избранная лирика», старейшего «комсомольского поэта» и во всю страницу: «Поздравляю Вас, дорогой Степан Агбанович, с юбилейной

датой! Будьте здоровы. Желаю Вам новых успехов. 17/XI — 68 г. А. Жаров».

Жаров — опять большое имя русского поэта. Я ему благодарен за переводы некоторых моих стихов и за редактирование одного из моих сборников на русском языке.

Книга стихов «Горячее сердце друга» Юсупа Хаппалаева, лакского поэта. Его автограф длинный, как на застолье кавказского пира, с оканчивающимся пожеланием: «...и твой конь пусть всегда будет подкован и сыт».

Держа эту книгу, Сарыг-оол улыбался, говоря: «Юсуп был у нас на литкурсах парторгом. Нелегко ему было справиться с нашим многонациональным разнообразием и с еще большей несхожестью характеров наших не очень дисциплинированных писателей».

Рядом оказалась книга прозы, на обложке которой изображен весельчак Ходжа Насреддин на своем неизменном ослике. А под ним дарственная: «Степану Сарыг-оолу — другу и собрату по перу».

— С Леонидом Соловьевым нас связала совместная работа над сценарием первого полнометражного кинофильма о Туве «Люди Голубых рек», который снимали лентфильмовцы сперва у нас в республике, а потом еще долго дорабатывали его на студии; нам с Леонидом Соловьевым приходилось немало времени сотрудничать, он переводил тексты нашего сценария. Работали с огоньком, бывало, частенько спорили, но очень сдружились.

«У могучих истоков» Даниила Романенко.

— Не помню, когда возникла наша дружба с Даниилом Ивановичем, — говорил Сарыг-оол. — Он ведь работал в правлении СП РСФСР, куратором по нашим восточным автономным республикам и Красноярскому краю. Встречаться с ним доводилось часто и в Москве, и у нас в Туве.

Как-то раз мы разговорились, будучи у меня здесь, в Кызыле. Я в шутку упрекнул Даниила Ивановича в том, что они, сидя в Москве, ничего о жизни наших краев не знают. На что он задорно возразил: «А хочешь, докажу? Я не только ваш Кызыл знаю, когда он зародился, но и про ваш поселок Уюк рассказать смогу». «Ну уж, хватит! Да ведь мы тебя, друг, еще не возили по нашей республике», — удивился я. «Что не возил, правда,» — согласился мой гость и тут же, подойдя к книжной полке, взял роман Яна «Чингиз Хан». «А знаешь, это мой тесть написал эту книгу... и «Батыя». А в двадцатые годы он работал учителем в вашем Уюке. Я там не был, но о существовании этой русской деревеньки в Туве слышал».

Позднее я с еще большим интересом и внимательностью перечитал

эти оба романа, и даже начал находить схожесть описания некоторых мест в книге Яна с давно знакомыми мне местами, в том числе и с так называемой у нас частью «Дороги Чингиз Хана».

Целыми стопками укладывал Степан Агбанович книжки разных авторов, говоря:

— А это мои самые закадычные друзья, приобретенные на Литкурсах. Вот сколько сборников прислал наш, так называемый у нас Узун Заки — длинный Заки, татарский поэт! Пожалуй, это был самый неугомонный весельчак на всем курсе. Где Заки, там непременно хохочут. Все наши ребята любили его.

Вот около десятка сборников с его именем и каждая со своеобразной дарственной. Хотя бы вот эта:

«Дорогим друзьям Степану и Марии Сарыг-оол. Сердечно дарю Вам свой «Туған-Көн» — день рождения. Он будет в этом году, и 24 февраля нам стукнет горестных 40 лет! Хочу, чтоб у нас было больше праздников Дня рождения. Ваш Заки. 12/X—61 г. Казань».

Но еще объемней высилась другая стопка книг. Все они с самыми теплыми надписями с именем якутского поэта, Лауреата Горьковской премии Семена Данилова.

Одна из этих книг была особой по содержанию. Названа она «Друзья-поэты». В ней Данилов объединил своих разноязычных друзей, в переводе на всем им доступный и всех объединяющий русский язык.

Для каждого отведено место не только для переведенных стихов, но и кратких биографий с их портретами.

Эта выдумка Семена Данилова смотрится как настоящий Гимн многонациональной дружбы поэтов. В этой книге нашлось место и для тувинца Степана Сарыг-оола.

Пожалуй, ни с кем из литкурсовцев Сарыг-оол не был так близок, как с Даниловым.

О Данилове он заговорил растроганно и печально:

— Мы с Семеном «нашли» друг друга с первых минут нашего появления в стенах «Дома Герцена». То ли потому, что он по облику был схож с моим тувинским другом писателем Олегом Саган-оолом, или по каким-то неведомым душевным лучикам, но мы потянулись друг к другу. Я задержал на нем взгляд, а он запросто подошел ко мне и назвал себя. С этого момента и завязались наши дружеские отношения. С годами они росли и углублялись до постоянной потребности общения, если не через личные встречи, то через письма или же через обмен выходившими нашими книгами с неременными дарственными на них.

А последняя «встреча» произошла на страницах «Литературной газеты». На одной из них — мне поздравление с 70-летием, а на другой — портрет Семена в траурном оформлении...

Степан Агбанович, устремив взор, надолго умолк, подошел к окну, по щекам его медленно катались крупные капли слез, скупые выразители душевной боли.

Обширно и сердечно связала учеба на Высших Литературных курсах при институте имени А. М. Горького. Только одна их группа состояла из 26-ти представителей разных национальных литератур. Учились, жили, работали, до самозабвения спорили, читая друг другу свои произведения. Хвалили редко, больше беспощадно критиковали, как это могут только искренние и бескорыстные друзья.

Коллективные поездки по замечательным местам Подмосковья, в Ясную Поляну, в Загорск; встречались с крупнейшими людьми современности, посещали заводы и театры.

— Я считаю, — говорил Сарыг-оол, — литературные курсы дали многое. Прежде всего помогли ближе познакомиться с литературами других народов нашей страны. А главное, помогли увидеть себя как бы со стороны.

Ну, а о приобретении во время учебы новых друзей и говорить нечего. Это несравнимый подарок в жизни.

Поездки в другие республики и приезды писателей в Туву — это новые огоньки, которые оставались в сердцах от встреч и личного знакомства. Порой они помогали рождению стихов и поэм.

Вот книга классика киргизской литературы Кубанычбека Маликова и в ней поэма «Костер дружбы». Она написана во время III съезда писателей Киргизии в честь гостей, прибывших в щедро гостеприимную Киргизию. В ней есть такие строки:

«...Костер дымит, но вспыхивает
редко,
Сарыг-оол сидит с рогатой веткой,
Поддерживая медленный огонь,
Он — соплеменник мой, и наших
предков
Носил в горах один, быть может,
конь...»

Разнообразна дарственными именами библиотека Сарыг-оола. Есть в ней книги и на других языках, с иными буквами.

Вот одна из них, со строками, устремленными сверху вниз, словно затейливые весенние ручейки «Чойжидсурен», изданная в Улан-Баторе. Хотя она и напечатана старомонгольским шрифтом, но Сарыг-оолу знаком этот язык, ведь он впервые встретился с грамотой именно на этом, чужом ему языке... Но надпись и подпись писателя из Монголии предположил на русском, который для многих народов стал языком дружбы.

Свое шестидесятилетие отметила в прошлом году известный литературовед, критик, педагог и журналист Мария Андреевна Хадаханэ.

Она родилась 6 июня 1933 года в Иркутской области. С 1946 года живет в Туве.

В 1966 году Мария Андреевна успешно защитила диссертацию по теме: «Становление тувинской прозы» и стала кандидатом филологических наук. Она перевела на русский язык романы О. Саган-оола «Неудержимые», «Родные люди», повесть С. Сюрюн-оола «Это — любовь», М. Олчей-оола и несколько сборников тувинских сказок. М. А. Хадаханэ внесла особый вклад в собиране и публикацию тувинского фольклора в Москве, Новосибирске, Минске.

На протяжении многих лет М. А. Хадаханэ — активный лектор, председатель городского общества книголюбков, добрый и мудрый советчик и наставник учителей, библиотекарей, работников культуры и молодежи. У нее учились такие поэты, писатели и журналисты, как А. Уержа, А. Ховалыг, В. Хомушку, С. Шангыр-оол, М. Кужугет, Б. Ангуфьев, Д. Чыдым, Н. Вазыр, С. Ондар, Н. Эрген, В. Кужугет и многие другие.

За свой самоотверженный труд она удостоена звания «Заслуженный работник культуры Республики Тыва». Она член Союза писателей Российской Федерации и член Союза журналистов.

Редколлегия журнала «Улуг-Хем» предлагает вниманию читателей ее новую автобиографическую повесть.

Мария Хадаханэ

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ

Лил нудный затяжной дождь. Грузовая машина поднималась по Саянам. Наверху под брезентом сидели трое: худенькая женщина, девушка в зеленом плаще и мальчик лет двенадцати. Саяна — выпускница с университетским синим ромбом — ехала по распределению.

Кызыл встретил августовским теплом. Маленькая семья остановилась у подруги — тувинки Тани на старой улице Дружбы.

В ученый комитет Саяна шла с трепетом: как встретят, как примут. Из-за стола, заваленного бумагами и книгами,

встал высокий худой человек — Николаев — с аккуратно посаженной головой на узких плечах и неожиданно твердо и сильно пожал руку и забасил приветливо:

— Ждем, ждем вас давно, как добрались?

Он провел Саяну по крошечному зданию комитета и представил научным сотрудникам: среди них молодежи было много. Саяна облегченно вздохнула.

Первые недели девушка входила в незнакомый мир, читала старинные книги о путешествиях, листала тувинский словарь.

Одновременно с ней на работу прибыл тоненький юноша с бледным лицом Доржукай. Вскоре Саяна перезнакомилась со всеми и уже не чувствовала себя чужой. Пожилой татарин Мухамедов с большим отечным лицом и набрякшими веками занимался историей. Русский фронтовик Гребнев с рукой на перевязи упорно вгрызался в тайны этнографии. Выпускники университета долго не могли усидеть за столом, оживленно беседовали в коридоре и на берегу Енисея.

Начались обычные будни: изучение незнакомого языка, чтение краеведческой литературы, сбор библиографических карточек.

Саяне дали первое общественное поручение. — книгоноша. Это было ей по душе. Она приносила пачки новых книг, стараясь подобрать каждому по вкусу.

Комитет готовился к переезду в новое здание на главной улице города. Молодежь с охотой выходила на субботники: убрали строительный мусор, разравнивали землю, сажали молоденькие тополя, черемуху, желтую акацию, шиповник.

В новом 2-этажном здании было светло и уютно. Директор много работал сам и требовательно относился к другим. Был отзывчив, щедр душой и умом. Богатством комитета была научная библиотека, собиравшаяся еще с 30-х годов.

Саяна полюбила ее, старалась скорее вникнуть в существо новой работы. Большая часть сотрудников занималась составлением словаря. На карточках собирали слова и понятия, давали описание. Слова выбирали всюду: из газет, журналов, книг, живой речи. Это было увлекательное занятие.

Саяне поручили проводить литературные юбилеи. Для девушки это было интересно, можно было блеснуть эрудицией: так она опубликовала две маленькие заметки о Гейне и Мицкевиче.

Вскоре Саяна взялась за составление сборника тувинских сказок, одновременно готовилась к сдаче кандидатского ми-

нимума. Невольно сравнивала тувинскую и немецкую грамматику и словарь, запоминала разговорные фразы в тувинском языке и крылатые выражения в немецком. Каждый день она запоминала очередную порцию слов.

Начались первые фольклорные экспедиции к тувинским старикам за сказками. В февральские морозы вместе с Доржукаем выехали в Барум. Было морозно, разлились и намерзли наледи. От села к селу шли пешком, иногда подвозила почтовая грузовая машина. Заходили в село, если была ночь, шли в первый попавшийся дом. Света не было, люди уже спали, Саяна и Доржукай пристраивались поближе к железной печке и засыпали, уставшие от очередного перехода. Утром здоровались с хозяевами и знакомились. Найти и выявить сказателя было нелегко. Нужно было «разговорить» человека. Доржукай был тонкий психолог, умело настраивал человека на нужную тему, а потом только успевал строчить. Были люди, которые знали до двадцати больших сказок.

Саяна познакомилась близко с бытом тувинского народа, узнала обычаи. Обычно разговор начинался с чаепития, хозяйка обтирала пиалу и подавала зеленый чай с молоком — половину чашки. Понравится — гость дольет сам, а не понравится — выпьет только половину. Сидели на полу, поджав ноги. Угощали сочными повами-лепешками, быштаком — самодельным сыром, напоминавшим длинные ремни, оремпенками с молотой черемухой, талканом — жареной мукой, тувинской лапшой с бараниной. Люди жили в доме, но обычно держали во дворе юрту. Встречались умельцы — кузнецы, мастера орнамента, плотники.

Обходили деревню дом за домом, боясь пропустить хоть одного старого человека. Иногда искали приюта у учителей — друзей Доржукай. В Аксы-Барлыке жил учитель Салчак в комнате, обросшей снежной бахромой, с окнами в толстых наледях. В Эрги-Барлыке Чыргал держал и кормил поросенка — дело необычное для тувинцев. Личным примером башкы показывал, как надо ухаживать за животным.

Потом Саяна стала ездить за сказками со студентами института. Ясным зимним днем февраля 1958 года двинулись в Ийи-Тал. Десять дней, каждый вечер, записывали одну-две сказки и с десяток песен и частушек — «кожамык». Старики попадались древние, но памятливые, худенькие (дунь — улетит) — с козлиными бородками — то робкие и застенчивые, то разговорчивые. Иногда на помощь приходила стопка вина, которая развязывала язык. Прощаясь, дарили далембу

на рубашку, пачку табака дунзе, кирпич зеленого чая, конфеты внукам. Улица села была бесконечно длинная, только за неделю добирались до другого конца.

Возвращаясь, переписывали черновики набело, сдавали в рукописный фонд новые сказки о богатырях, их плиключениях, о животных, бытовые и сатирические сказки.

В Каа-Хем поехали опять вместе с Доржукаем. Стоял июнь — время летних отпусков. В этом районе жило много русского населения. Тувинцы свободно говорили по-русски, и сказки носили иной характер, чем в центральных районах Тувы. В Ильинке питались три раза в день яйцами — сырыми, вареными, жареными. Снова ходили пешком от деревни к деревне по зеленой тропке среди тальников и душистой черемухи.

Брень-Бай-Хааке познакомились с сельским активистом Паздериным. Он писал заметки, разоблачал староверство. Деревенька была среди лесов в красивом местечке, по вечерам молодежь собиралась вокруг баяниста и пела частушки с приплясом.

Зашли в дом престарелых и инвалидов, они обрадовались вниманию, рассказывали словоохотливо, перебивая друг друга. Из тонны словесной руды надо было отобрать золотишки информации. Любили они погреться на солнышке.

Грязнуха была в огромных лужах жидкой грязи, которую ни обойти, ни объехать. Остановились в добротном доме с румяной разговорчивой хозяйкой. Она решила, что командировочные — муж с женой, и постелила им на широкой кровати. Спали валетом, отвернувшись друг от друга, стараясь ненароком не задеть, не прикоснуться.

Каждую осень молодых сотрудников посылали на сельхозработы: на сенокос, на уборку картошки. Приезжали оттуда загоревшие, физически окрепшие. На сенокосе Саяна познакомилась с вором, отбывшим срок. Он засунул голову в ее палатку и с ходу начал исповедь. Девушка побаивалась парня, но слушала с интересом о тех нравах.

Мобилизованные дежурили на кухне по очереди: готовили еду и мыли посуду. По вечерам, забравшись на чердак на охапку свежего сена, долго говорили о жизни, о любви, о разных историях — трагических и комических.

На смену книжным знаниям пришла реальная жизнь. С квартирами было туго. Жили сначала у подруги. Варили зеленый суп из корней и ботвы, стояли в очереди за костями с мясокомбината.

Когда комитет переехал в новое здание, в старом доме сделали общежитие молодых сотрудников. Мать Саяны, Павловна топила печь, пекла картофельные пирожки. Сосед приводил по ночам женщин в свою комнату. Саяна с братом мерзли в угловой комнате, самой холодной. Пришлось забить одно окно из четырех. Пол, покрытый линолеумом, приходилось без конца протирать тряпкой, любой след был виден сразу отчетливо. Зато из окна был прекрасный вид на Енисей, развилку реки, горы.

Соседями были художник-самоучка бешеного нрава, больной припадками и седая жена — математик, тянувшая семейный воз. Рядом жила девушка-калека, с нею мать и сестра. Им приходилось не сладко, но они не унывали.

Много радости принесла Саяне первая зарплата, первые покупки: темно-малиновый бархат вместо ковра и узорчатая скатерть с бахромой. На именины собралось много гостей: добродушная прямолинейная тетя Галя, язвительная и вечно недовольная тетя Шура, полусонная тетя Дуся. Женщины дружно искали жениха для Саяны.

На следующую зиму Саяна сняла комнату в новом доме на Каа-Хеме. Хозяйка была идеальная чистотка и приходилось три раза на дню греть воду и мыть пол. Другую комнату снимали заезжие артисты — лилипуты. Странно было видеть и слышать их кукольную жизнь. Мать варила на день огромную кастрюлю борща из костей. Она работала вахтером и гардеробщицей в школе, там научилась вышивать крестиком огромное панно с оленем.

Вскоре хозяйка продала свой дом, и Саяне с семьей пришлось срочно съезжать. Узнав, что сослуживец уезжает на учебу в Москву, Саяна сняла у них комнату против протоки парка. Комната была большая и светлая, но хозяева оставили дома толстую злобную старуху, которая ела поездом «азиятов». Все было не по ней: печь затопили не так, уголь принесли не тот, громко хлопнули дверью и т. д. Саяна про себя звала ее «злыдня» и «мымра». Пришлось из кухни уйти готовить в чулан. На праздник Павловна поставила лагушок бражки. В магазине продавали только спирт, и пенная душистая брага служила вместо вина.

Приближались выборы в местные Советы. Саяну избрали в участковую избирательную комиссию. Составляли и уточняли списки многочисленных избирателей. Вот когда Саяна увидела разнообразие лиц и характеров, познакомилась с необычными именами и фамилиями. В день выборов с шести

утра люди потянулись на голосование. Дежурили пионеры, работал буфет, играла бодрая музыка. К больным и старикам ездили на машине. Членами комиссии были шоферы и финансисты с близлежащих предприятий. После вскрытия урн подчитали итоги голосования — абсолютное большинство, — тогда редко кто не голосовал.

Горком комсомола включил Саяну в комиссию по проверке работы в пединституте. В нем было всего два факультета с небольшим количеством студентов и преподавателей. Вадим Барцевич был эрудит и тонкий стилист, знаток Помяловского. Римма Игошина блистала самостоятельностью суждений и пламенным характером. Мазуревская — «много-станочница» — читала разные литературные и языковедческие дисциплины и вносила в студенческую тувинскую среду закваску московской культуры, Азовцев — маленький толстый человек — читал теорию, изучал творчество сибирского писателя К. Седых.

Саяна ходила на лекции, семинары, сидела на экзаменах, на первой студенческой конференции. В маленьком институте жизнь кипела ключом, была хорошая самостоятельность не только студентов, но и преподавателей. Ставили литературно-музыкальные композиции, пели романсы, читали стихи. Были и странные люди. Таким был некий философ Гельман — огромный, в валенках с самодельными галошами, грязный и неряшливый, но хорошо знающий свой предмет.

Саяну включили в лекторскую группу. Секретарем по пропаганде был выпускник института международных отношений китаист Саца Артамонов — умный, ироничный, с изящными манерами. Он поразил воображение Саяны. Интересно читал лекции о культуре поведения и этикете. Потом его заменил татарин Гумеров — быстрый, энергичный, деловой.

Бюро, семинары, активы отнимали много времени, но было интересно. На областном смотре самодеятельности Гумеров слишком «болеет» за первенство, и когда коллективу присудили лишь второе место, он отказался получать ценный подарок. За это быстро «погорел», получив взыскание и понижение.

В местном театре тувинская труппа осуществила постановку «Человека с ружьем» Погодина. Артист Олег Намдара был точно загримирован в роли Владимира Ильича Ленина, играл увлеченно, с большим вдохновением и мастерством внешнего и внутреннего рисунка образа.

Саяна изучала сказки народов СССР и народов мира,

делала сопоставление по указателю мировых сказочных сюжетов, поражалась разнообразию зачинов и концовок.

В ноябре проходил очередной месячник книги, а потом праздник книги. Директор типографии Бергер рассказал о рождении книги на печатном станке, художник издательства Кузнецов показал образцы книжной графики, а затем Саяна провела книжную лотерею и викторину. Победитель получил библиотечку. Среди молодежи города оказалось много настоящих знатоков книги. Праздник прошел многолюдно в зале старого театра.

В декабре перед Новым годом у Саяны случился острый приступ аппендицита, сделали операцию, девушка долго ходила на перевязку, слушала бесконечные разговоры больных о болезнях и трагических случаях.

Саяна занималась переводом тувинских сказок. Директор редактировал стиль. Бурно спорили, обсуждая каждую фразу, абзац. Его тянуло к приглаживанию и социологизму, Саяна стояла за непричесанность, сохранение живой интонации сказки, иногда ее «солёного» духа. Изучала старые подшивки газет, подбирала рассказы для анализа, делала многочисленные выписки.

Историк Аран завершил интересную работу по гражданской войне. Саяна делала стилистическую справку. Аран был горячий, задорный, мог часами наизусть цитировать классиков марксизма. Обсуждение было бурным. Каждый проходил свою школу жизни.

Доржукай изучал поэзию. Он мыслил историческими категориями, измерял мир поэзии в пространстве и времени. Был не в ладу с падежами, и Саяна помогала ему в вопросах орфографии и стилистики. Судьба свела Саяну с Доржукаем надолго. Рос он сиротой без матери, отец — охотник растил один восьмерых. Кочевали вокруг озера, паренек помогал дедушке и бабушке пасти скот. По характеру он дотошный, вьедливый, обладает редким тактом, найдет слово и для старого и для молодого. По хорошему самолюбив, бьется за свою точку зрения до конца. Любит людей и жизнь, еще два страстных увлечения — шахматы и охота. В одиночку без машины лазит и бродит по горам. Саяна была свидетелем его любви и женитьбы на очень доброй милой Лизе. Она долго растила своих братьев и сестер после смерти матери, была их духовной опорой. Училась поздно, но стала прекрасным специалистом. Скромный душевный человек и на работе и дома. Своей приемной дочери Наташе отдала много души и тепла.

Саяна упорно сидела над тувинским словарем, одновременно изучая обширную тюркологическую литературу.

Она подружилась с Зиной Ак из высокогорной тайги. Маленькая, изящная, умная женщина занималась тайной родного слова. И в науке она была педантична, аккуратна, работала без суеты и шума. Долго была одинока при своей кратоте.

Интересен и своеобразен был поэт Шойдан. Небольшого роста, в очках, с какой-то японской улыбкой, он был всегда погружен в себя, не замечал, что делалось вокруг. Стихи его были хороши акварельной чистотой красок, тонкими деталями, щедрой образностью. Суждения о литературе всегда самостоятельны, порой парадоксальны. Он много и успешно переводил, берясь за поэтов мировой классики.

В Комитет приходили люди с разными творческими способностями, несли с собой воспоминания, архивные материалы, рассказы, стихи.

Старик Ермолаев был высок, крепкой кости человек, по старинному интеллигентен. Его этнографическая поэма о старой Туве была написана в манере «Гайаваты» Лонг-фелло, с обращениями к живой природе, герои — сказочный богатырь и красавица. Из многолетних скитаний он вынес богатые жизненные наблюдения, встречался и помнил многих видных деятелей и тувинских стариков. Был по-старомодному щепетилен и деликатен. Речь пересыпана самородными сибиридскими выражениями.

В отдел часто приходила актриса театра Алексева. Она была эмоционально возбудима, разговорчива, переполнена планами и задумками. Играла комических старух, часто ведьм в детских спектаклях, играла щедро, но с большим наигрышем, в выражении чувств была громкогласна. Обо всех знала все и вся, любила перемыть косточки ближним. В отделе ее любили за острый язык.

В городе жил старый русский художник Демин, многих тувинцев он научил рисовать и определил их путь как художников. Легкий, подвижный, как ртуть, он не мог долго усидеть на месте — сыпал остротами, анекдотами, язвительно шутил. Когда умерла жена Варя, он как-то весь сник, опустился, запил. Но прошло время, жизнь взяла свое, он сошелся с хорошей крепкой женщиной и зажил заново. Но в трудные минуты глухого непонимания он замыкался, мрачнел, брал бутылку и шел на старое кладбище к скульптурному надгробью Вари, пил там, отводил душу. Художник был щедрый,

сочный, но неуживчивый. Дерзил начальству, говорил не обдумывая — что на уме, то и на языке. Охотно рисовал шаржи на писателей. Одного он изобразил на ночном горшке, обиде того не было предела. Сгоряча, в пылу полемики выложил партийный билет и был исключен на самом деле. Тогда было строго, с этим не шутили.

В Комитете с нетерпением ждали приезда профессора Темира из Москвы. Высокий, худой, аскетического сложения он был непререкаемым авторитетом. Тувинский язык в его устах был академически правилен, но не утратил многоцветия, многозначности. Он читал и редактировал рукописи ученых и писателей. Был неистовым ревнителем чистоты туvinского литературного языка, следил за новомодными словами, входившими в лексикон народа. Прекрасно перевел туvinский роман, бережно сохранив особенности подлинника. В минуты отдыха был заядлым рыболовом, знал все виды рыбацкой снасти, часами мог стоять на быстром Улуг-Хеме, на голубых озерах Тоджи и Чагытая. Профессор был строг и требователен к молодым друзьям. После взбучки, данной в сужовато-педантичной манере, вдруг светло, как ребенок, улыбался. Сняв очки с близоруких глаз, становился совсем молодым. За войну он потерял жену и сына. Был нежным отцом двум оставшимся сыновьям, вековал один вдовцом, будучи нестарым человеком. Любил молодое общество, мог выезжать в загородную прогулку, с охотой и азартом работать на благоустройстве. Не упускал случая поговорить с туvinскими стариками. Делом всей его жизни стал русско-туvinский словарь и научная грамматика, по которым учились сотни тысяч людей. Когда он умер, за гробом шли тысячи людей. Это были самые большие похороны. Разве только смерть героя гражданской войны Кочетова тоже подняла на ноги весь город, да еще гибель самолета.

Писатель Ак-оол написал сценарий фильма о Туве. Читали и обсуждали несколько дней. Дело было необычное — первый художественный фильм. Каждый добавлял свое, автор мог растеряться, но он, обдумав, оставил на основу свое, выношенное им, как дитя у матери под сердцем. Ак-оол умел создавать вокруг себя хорошую творческую атмосферу, пестовал молодых поэтов, читал рукописи, ездил в Москву, искал переводчиков. Был доброжелателен и деликатен в жизни и творчестве. Любил молодежь, тянулся к ней. Было у него трое сыновей, а жена выпивала. Трудно ему было в семье, и при-

шло к нему увлечение. Все знали, но как-то жалели его и оберегали.

Саяна всегда любила веселую, суматошную, голубую весну. Город очищали от снега, сбрасывали снег с крыши, долбили на тротуарах лед, чернели дороги, с гор налетал тревожный, волнующий запах тайги. Новое здание Комитета утопало в зелени сквера. Ездили за дерном для цветочных клумб. В лесу пахло залежалым листом, медовым настоем белой черемухи, дурманяще пьянил марьин корень, пламенели огненные жарки, голубели мохнатые подснежники.

Начиналось время отпусков и ремонта. Переносили книги из библиотеки в склад, таскали тяжелые двухтумбовые столы и шкафы с рукописным фондом. Стояла веселая суета, неразбериха. Прилетали «грачи» — москвичи и ленинградцы на летний полевой археологический сезон. Осанисто, вальяжно держался профессор Потапов, окруженный молодыми ассистентами.

Археолог Скворцов был умен и красив, девушки втайне были влюблены в него. Он был отличный организатор экспедиций. За четверть века он объездил всю Туву, знал многих и его знали, был легок на открытия курганов. Многие его находки попали в Эрмитаж. Поэты посвящали ему свои стихи, а он все копал и копал один степной курган за другим, выпустил много научных работ. Потом фортуна вдруг ему изменила или Скворцов ей, был период безвременья. Падая, ушибаются, но он вышел из этой истории победителем, счастливым в науке и жизни.

Человек большой эрудиции, организатор, он как вихрь носился по Туве, имея массу информаторов, помощников — школьников и парработников. Жил неприхотливо в палатке и юрте. Верхом на лошади, на газике, на катере, на вертолете он буквально облазил всю Туву вдоль и поперек, снимал слайды и фильмы, читал лекции об археологии, его отчеты о полевых сезонах были событием. В гостеприимном доме на Крюковом канале бывало много тувинцев: ученых, школьников, руководителей. Среди старинной мебели был тувинский уголок — домашний музей: значки, камни, книги. О нем писал Р. Итс в книге «Стрелы немой скалы». Неумолимая болезнь рано сгубила талантливого ученого, он похоронен на Волковом кладбище. Вдова говорила, что он хотел лежать в Туве.

Молодые ученые любили своего башкы Надеяева. Он выучил первое поколение интеллигенции на берегах Невы,

потом перебрался поближе в сибирскую академию и почти каждое лето проводил в Туве. Мягкий, добрый, безотказный, трудолюбивый, в неизменной тибетейке — он был живым образцом истинного рыцаря науки. Вместе с ним приезжала профессор Убрятова — крупная, большая, сердечная. Она знала с десятков тюркских языков.

Несколько позже в Комитете появился ученый-этнограф Файн. Умный, вьедливо-дотошный, умеющий найти точные научные данные. Высокий, рано поседевший, с мягкими вкрадчивыми манерами — он поражал трудолюбием и страстью ученого. Позже он написал ряд крупных трудов и быстро стал доктором наук, перебравшись в Москву. Ездил с лекциями в ГДР и Японию.

Сложна была судьба Васильевой. Дочь зажиточного крестьянина, она получила университетское образование. Полюбила, но брак с иностранцами был тогда запрещен, и она осталась одна. Долго отказывали в приеме в партию, хотя дети за отца не отвечали. Всю жизнь отдала науке, сидела дотемна над таблицами, выкладками, цифрами, обладала тонким стилистическим чутьем. Аккуратная, со вкусом одетая блондинка в очках была внешне сдержанна, бесстрашна, но иногда очень смешлива. Жила со старой больной матерью и сестрой. Из маленькой избушки с подслеповатыми окнами доносились вкусные запахи свежего сдобного печенья. Женщина терпеливо переносила свое одиночество, много читала, ходила в театр, ездила путешествовать с кинокамерой в руках. Но успехи в науке не делают человека счастливее. Как немного надо для женского счастья — тепло мужской руки и понимание.

В техническом бюро, обитом синим бархатом, дружно стрекотали машинистки: худенькая Оля и полные: Тоня и Зоя. Мужья у всех попивали, дети побаливали, сами лечились от женских напастей. Оля мужественно держала осаду мужа, заставила его учиться, получить образование, вывела в люди. Тоня все самозабвенно отдавалась домашней работе и детям, муж любил ходить на сторону, кончилось это печально, он запил и трагически погиб. Тоня, вырастив детей, осталась одна, похорошела, стала показываться на людях, в обществе, пыталась устроить женское счастье.

Зоя — большеглазая пышная женщина с милыми ямочками на щеках воевала с пьяным мужем, вырастила двух сыновей. Одного из них убили ночью хулиганы. Горю женщи-

ны не было предела, если бы не внук — не выстояла бы. Муж опомнился, но было поздно.

Бухгалтер Аня терпела подле себя мужа-пьяницу, и бил он ее, и выгонял из дому, но видать велика женская тяга к мужику, все выдержала эта добрая женщина и осталась с ним до конца, мучаясь, страдая, любя. Одна подняла двух дочерей, дала им образование. И рано умерла от проклятой ныне болезни.

В Клаве был русский размах и широта души. Крупная, но легкая и подвижная, она пела и плясала, рассказывала анекдоты, растила дочерей, приструнивала мужа и вдруг тяжело заболела и стала инвалидом в сорок лет. Разом поседела, поблекла, но не сдала духом и языком, много лечилась травами и настоями и оклемалась. Дочери подарили внуков, вместе держали дачу, жизнь шла своим чередом. У Клавы была яркая образная речь, каждое слово, как жемчуг скатный, светилось, перекачивалось и пело.

Много возни было с Сарыг. Живая, непоседливая болтушка бродила по отделам, вовлекала в перекуры, строила эфемерные планы, очень следила за собой, и никто не заметил, как постепенно она опустилась до запоя. Была заброшена семья, муж терпеливо вез на себе домашний воз. Она пустилась во все тяжкое со случайными собутыльниками. Ни проработки, ни уговоры и увещевания, ни лечение не помогли. Вскоре это была «прореха на человечестве» — развалина вместо женщины.

Раз в неделю проходили совещания у директора Николаева. Все рассаживались вокруг директорского стола, заслушивали сообщение о событиях прошедшей недели и планах на будущую. Он деловито вел обсуждение, охотно принимал предложения, попутно распекал нерадивых, подгонял отстающих, информировал о делах. Сам он имел обширные хлопоты по избирательским наказам. Он умел мыслить современно, в ритме дня, легко откликнулся на запросы жизни. Николаев был фронтовик, много лет работал в просвещении, всегда умел разбираться в конфликтной ситуации, искал оптимальные варианты решения проблемы. Был деловит, требователен, обладая хорошей дозой юмора, был внимателен к нуждам сотрудников, тонкий психолог-руководитель. Однако, молодежь трудно мирилась с его командирскими окриками, введением работы по звонку, желанием знать все досконально и все подвергать контролю, планы были жестки по срокам, а потому часто нереальны. Но в целом его линия была пра-

влиной, он, как мог, боролся с пьянством и расхлябанностью, сам подавал примеры подвижнической работы: сидел допоздна в выходные дни на работе, как в сталинские времена. Он вырастил, выпестовал первую когорту тувинских ученых, многие были его учениками. Удивительно, что физик-педагог неплохо разбирался в других отраслях.

Потом в нем вдруг пробудился писатель, одна за другой вышли пять книг прозы, читатели дружно признали, а критика — нет. Затем он, поняв, видимо, бесплодность усилий, занялся докторской диссертацией и защитил ее, написав тысячи страниц черновиков. Защита проходила трудно, но со многими авторитетами спорил, громил, опровергал, словом, сам искал острых углов. Не верилось, что в этом внешне сухом бесстрастном человеке таился вулкан. Была еще одна несколько смешная черта: на собраниях он садился в последних рядах, нарочито скромно, но хлопал оглушительно громко, подавал реплики. К старости стал обидчив, раздражителен.

За городом возводилась паротурбинная электростанция, ученые часто выезжали туда на субботники, очищая территорию от строительного мусора. По осени обычно работали в ночь на реалбазе, на разгрузке и перелопачивании зерна. Подходили большие «Колхиды», широкой деревянной лотатой сгружался золотой поток зерна на ток, затем, утопая в горах пшеницы, перелопачивали ее до дна. Пахло пылью, тарыхтел транспортер, зерно источало тепло.

У Саяны установилась дружба с воинской частью пограничников. Она читала им лекции, проводила вечера поэзии. Однажды под праздник командир отряда вручил девушке именные часы.

В летние месяцы городская библиотека проводила семинары сельских библиотекарей. Саяну приглашали выступать с обзором новинок. В те годы повальным увлечением было чтение романов Ремарка и Хемингуэя. Девушка следила за ними. Обычно занимались в летнем павильоне парка среди зарослей цветущей белопенной черемухи. Вдохновенье приходило само собой.

В маленьком городе заметно появление нового человека. Когда приехал Сергей Лебедев, Саяна сразу услышала о нем. Актер был молод, полон надежд, холерик по темпераменту, он легко низал ожерелья слов, хохмил, был чудаковат, оригинален во всем. Однажды она пришла утром на работу и обнаружила, что вся стена за ее письменным столом увешена большими портретами. Саяне было приятно и неожиданно. Но

пока Саяна обдумывала свой шаг, ее опередили более резвые девицы — горожанки. Так, не начавшись, сам собой погас этот роман.

Девушка была в зрелом возрасте, пришла пора подумать о своей личной судьбе. За ней ухаживали, но, как разборчивая невеста, одного находила нерешительным, другого болтуном, третьего косноязычным, четвертый был невысок ростом. Ходила с ними по очереди в кино, в парк, а дальше дело не шло. Саяну побаивались, и ее это угнетало.

В июле 1960 года началось путешествие за сказками в Бай-Тайгу. Она ходила по селам, выискивая знатоков, и нашла стариков от 60 до 90 лет: Хомушку Сюрюна из Дон-Терека, Хомушку Ака. Но особенно поразила слепая Салчак Бичен из Шуя. Более 50 сказок, больших и малых, героических, бытовых знала она. Особенно ярко исполняла «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей» и «Хан Хулук», сказки об Оскюс-оола. Дважды Саяна ездила к ней, жила в ее домике на берегу речки. Вечерами дул ветер меж гор в долине. Приходили любопытные люди, больше детвора, рассаживались вокруг, многие лежа на животе, на полу. Скрестив ноги, чуть раскачиваясь в такт речитативу сказки, Бичен начинала «шыянам». Она обладала поразительной памятью, могла для ускорения записи рассказывать несколько сказок одновременно, при этом совершенно не путаясь и не ошибаясь. Смягчая горло зеленым чаем, Бичен с удовольствием вела сказ. И здесь повезло: высоко в горах Саяна нашла рукописные узкие длинные книги, завернутые в тряпицу: «Кезер-Чингис» и «Улегер-Далай» («Море притч»).

Девушка видела, как режут барана, мгновенно, без мучений, очень быстро разделявая тушу. Видела обработку овечьих шкур, коврик из конского волоса, изготовление войлока, шитье одежды (шитаны треугольником), наблюдала за играми детей в камушки — «сайзанак», в бабки-альчики, видела, как дети палкой или водой выгоняли суслика из норки. Хорошо изучила убранство тувинской юрты и кухонную утварь.

Из Москвы приезжали разные писатели и критики. Саяна беседовала с Андреем Турковым, венгерским ученым Вилмошем Диосеги, который изучал сибирское шаманство, скромным мягким человеком, оказавшимся почему-то тогда без денег, и сотрудники всячески ему помогали.

Саяну избрали членом бюро горкома комсомола. Секретарем была бывшая одноклассница Полина Виноградова, взяв за привычку читать книги в школе на уроках и на перемене: Она сиде-

ла не видя и не слыша ничего. И вот книгочей стал секретарем. Бурно обсуждались вопросы на бюро о предстоящем Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, о первом тувинском фестивале, выдвигались разнообразные проекты проведения карнавала, смотра самодеятельности. Лучшие должны были ехать в Москву. Готовили факельное шествие молодежи, назначили бригадмилцев.

Вместе с Доржукаем выехали весной через Саяны по Усинскому тракту в Абакан. Комиссия из кандидатов наук приняла экзамен. Оба сдали его хорошо, без запинок. Помог философский семинар, который вел директор совпартшколы Куренев — лысый веселый человек.

Саяна начала работу над новой статьей. Много книг приходило по МБА. Приходилось заниматься по ночам, делая многочисленные выписки. В отделе сидели три научных сотрудника. Стояла сосредоточенная тишина, шорох переворачиваемых страниц. Саяна изучила литературную энциклопедию 30-х годов и журнал «Литературная учеба».

В отделе шла обработка рукописного фонда, на магнитофон записывались сказатели и народные певцы. Чанчы-Хоо из Монгун-Тайги был маленький старичок с поразительно громадной емкой памятью, он знал десятки сказок, сотни песен. В дальнейшем уголке Тувы в предгорьях Алтая сохранилась самобытная устная традиция народа. Старик привозил в подарок горный лук, кедровые орехи, лечебную смолу, струю кабарги, медвежью желчь, каменное масло. Был щедр, доверчив, как ребенок, любознателен — щупал батареи, изучал телефон, магнитофон, пугался своего голоса, говорил: «Зачем дразнит?».

Ооржак Маннай из Сут-Холя был грамотен, записывал сказки сам. В его сказках ощущалась монгольская народная традиция. Третий сказатель любил выпить, был расчетлив, скуповат, сказки его были мало оригинальны.

В мае Саяна выехала в первую научную командировку в Красноярск. Жили на Енисее, в теплоходах, названных именами писателей и композиторов, ходили на экскурсию в заповедник «Столбы». Там собирались педагоги и лекторы, было много гостей из Москвы — крики, а главное вся литературоведческая Сибирь. Завязались первые литературные контакты.

В июне в Туву приехал известный ученый-литературовед Натан Венгров. Он был стар, страдал одышкой, но был любознателен и неутомим в поездках. «Для нашей профессии очень важное, самое важной — почувствовать, пробраться

внутри человека и уметь об этом рассказать», — не раз повторял он. Поражала разносторонность его интересов и эрудиция. С волнением он рассказывал о встрече с М. Горьким, ему выпало счастье несколько лет близко работать с Крупской и Луначарским. И в его духовном настрое было что-то сродни первому поколению коммунистов.

О Блоке он мог говорить часами, великолепно читал его стихи. Он умел видеть красоту жизни, радовался теплему вешнему снегу, желтеющим кленам и березкам, шуршанию в снегу первосданной белизны и свежести. «Людей хороших, опавшей листвы, под шорох которой хорошо думается, елям в снегу первосданной белизны и свежести. «Людей хороших на свете много, но встретить и раскрыть их не всегда удается, а когда их почувствуешь — хорошо и тепло становится жить», — любил говорить Венгров. Он писал книги об Островском и Блоке, в юности сочинял стихи, в доме — огромная библиотека. Несколько книг о Востоке и Тибете он подарил научной библиотеке. Тепло встретил Саяну и Доржукая, когда они приехали сдавать экзамены в Москву. У входа встречал пес Тимошка. На книгах автографы знаменитых людей. Кто знал, что удивительная поэзия Блока станет скоро для Саяны лекцией для ее будущих студентов.

Новый 1960 год они встречали в ИМЛИ им. Горького — на вечере было много известных литературоведов, а в гости пришли совсем юные и задорные Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. Среди опоздавших была С. И. Аллилуева — филолог, под руку с А. Синявским, худенькая рыжая женщина в шубке.

Саяна задумала написать статью о тувинской женщине, первоначальный план вскоре разросся в большой. Интерес Саяны подогрел старый писатель, который через все творчество пронес женскую тему. Девушка читала исторические исследования о судьбах женщин Востока, внимательно изучила «Рассказ Самбукай» и познакомилась с лирической поэзией Тувы.

В Комитете работал молодой ученый. Он был замкнут, одинок, насторожен. Ему хорошо работалось за письменным столом, но в другом мире он был как-то беспомощен и беззащитен. Его пытались втянуть в общество, познакомить с девушками, но он не откликался. Однажды он не пришел на работу, подождали час-другой и пошли навестить его, у него был приступ неизвестной болезни. А потом вскоре он и вовсе исчез из города. На ноги подняли милицию и обнаружили

его в соседнем городе. Видимо, он был безнадежно влюблен, тосковал, сорвался с места и уехал, сам не зная куда... Потом женился, но она внезапно погибла.

Наступил большой праздник — 30-летний юбилей письменности. Съехались гости — тюркологи, собрались старые культурмейцы, ликвидаторы неграмотности. Саяна выпускала вместе с художником Деминым огромную, в несколько метров, газету с фотографиями и дружескими шаржами. Работая допоздна, сами, первые, хохотали над своими остротами.

В июле Саяна выехала в экспедицию в высокогорный Тере-Холь. Все цветет и радует глаз. Жили в клубе с тремя студентами, питались в основном щукой из озера. Обыкновенные скромные старики и пожилые до 77 лет: Иргит Шыырап, Эртине Бурат, Иргит Шойдак, Андрей Седип, Севек Долгар, Тожу Кушкаш, Андрей Сагаачы, Сандак Кыргыз — большинство из них охотники. Записали 20 сказок, 200 песен, 150 загадок: «Эртине Мерген», «Парень с семью знаниями», «Хунан-Кара», «Эзен Баландай», «Девушка-Хан», «3 брата». Песни о красоте родных мест, о любви к матери, о сиротстве и горькой доле бедняка в старой Туве. Нашли в пещере монгольский «Улегер Далай» (52 сказки на 530 страницах). В селе много строили, молодежь вечерами играла в волейбол. При нас разразилась страшная гроза, разбило дерево у моста. Ходили по домам, угощались хойтпаком и до мозолей записывали сказки.

В Туву в 1960 году приехал известный советский поэт Александр Прокофьев — маленький, колобком, лысый, неугомонный. Он выступал в зале: читал стихи о Сибири, рассказывал о поэме «Россия», посвященной братьям Шумовым, ради встречи с которыми он и заехал в Туву. Было долгое сибирское застолье, разговоры за полночь, протяжные народные песни и озорные припевки — частушки.

Стояла теплая тувинская осень с золотым листопадом, особой прозрачностью реки, уборкой урожая. На улицах были арбузные зелено-полосатые корки и шелуха кедровых орехов. Саяна в этот год проводила юбилейные вечера Толстого, Пушкина, Чехова, но встреча с живым писателем заслонила многое.

Салчак Тока принимал в своем просторном рабочем кабинете. Приветливое пожатие руки, внимательный, немного усталый взгляд, из-под очков, большой открытый лоб, хорошо сшитый костюм с модным галстуком. Саяна вначале несколько робела и смущалась, затем освоилась и начала спрашивать

по заранее заготовленному вопроснику. Салчак отвечал бегло, не подробно, с юмором. Не считал себя всерьез писателем — первое, что поняла Саяна. К письмам читателей относился с уважением, но без особого интереса, писал в свободное время, в отпуске и в выходные дни. Круг чтения был в основном историко-партийного характера, любимые писатели Горький и Шолохов. Интересовался делами писателей и ученых, решил познакомиться со своим архивом.

В театре работал интересный человек режиссер Майер. Он был тщедушен, седой, с красным носом, в ботинках «прощай молодость». В нем жила неутолимая жажда познания жизни и людей, читал он бесконечно много, следил за всем, что происходит в мире и, кроме хороших спектаклей, часто вел по радио литературные чтения. Был очень одинок, но людей не сторонился. У них с Саяной завязалась странная дружба, с литературы и театра он уводил девушку в мир реальной жизни и конфликтов, охотно помогал ей в просветительстве.

В городе строился первый большой 96-квартирный дом, и Саяна читала лекцию строителям.

В отделе часто бывала библиограф Степанова — москвичка, много лет отдавшая Туве. Она составила каталог на весь фонд, работала над указателями, делала обзоры на семинарах сельских библиотекарей, несла московскую культуру в работе с людьми, прививая вкус к работе с книгой. Многие с ее помощью выросли умом и сердцем, а Ирина Валентиновна оставалась на своем месте, скромная, неприметная, внимательная к запросам читателей — проводник на книжной тропе. Долгие годы она просидела в избушке на заднем дворе библиотеки среди книг, посылок, бандеролей, в тишине книжного многолюдья. Очень обязательный человек, любящая мать двух детей.

Саяна готовила юбилей Шевченко. Из Киева прислали книги Кобзаря на украинском языке. Сын Тараса Франко дал справку о тувинских писателях на Украине, критик Ю. Назаренко прислал библиографию украинской литературы. Самым интересным было издание «Заповита» на 45 языках народов СССР, включая тувинский.

В мае в Туву приехал профессор И. А. Батманов из Киргизии для изучения и прочтения древнетюркских памятников письменности. Это был высокий, осанистый человек с красивой бородкой и барственными манерами. Он держался с достоинством и вместе с тем просто.

Общество «Знание» проводило в Балгазыне вечер лауреа-

тов Ленинской премии в области литературы и искусства. Выехали через зеленую степь в сосновый бор вместе с художниками и артистами. Вечер удался на славу. Принимали и слушали хорошо, забылась дорожная усталость. Упоительно пахло нагретой солнцем хвоей и травами.

Саяна жила с матерью на берегу Енисея в стареньком деревянном домике. Во дворе были разбиты грядки, росли помидоры, цвела черемуха. Воду брали из колодца с журавлем, топили жирным углем, полоскать белье ходили на речку, даже зимой. Попались интересные соседи, в каждой семье свой уклад. У Григорьевых главенствовала жена, тащила на себе дом, воспитание девочек, муж пил, а Ольга успевала еще заочно учиться. Вид у соседа был всегда виноватый; в дни, когда он был трезв, выполнял все команды жены бегом. Ольга считала себя идеальной женой и внушала это мужу, соседям, детям. Много пережив сама, она считала себя во всем правой. Каждая покупка была событием, маленьким подвигом. И при этом была несколько завистлива и самолюбива.

Другая соседка Михайлова была передовой работницей, но все несла в свой дом, как птица в гнездо. Вместе с мужем — малохольным говоруном — они делали бесконечные пристройки к дому, пока не вытеснили соседей и не стали единоличными хозяевами. Девочки ее были всегда сытые, ухоженные, нарядные. Странно в ней совмещались передовая работница с правильными речами и махровая накопительница. Мать-старуха бойко торговала на базаре. Вальжное довольство собой, своими детьми и мужем.

Самой шумной семьей были Бочковы. Тоня работала на стройке, была румяная, глазастая. В доме было трое детей — грязные, неухоженные, голодные, она мало обращала на них внимания, была занята бутылкой. В день полочки появлялись горы еды, бестолковые ненужные покупки. Так было несколько дней, потом деньги быстро спускались. Роман работал разнорабочим, землекопом, грузчиком, могильщиком, уходил в экспедиции. Хорошо зарабатывал и спускал все в несколько дней. И при малом внимании к детям — они выросли сами по себе, неплохо учились, были добрые и веселые. К ним собирались дети со всего двора и поедали картошку «в мундире» вместе с хозяевами, пели песни, вволю играли.

Была еще одна худая высокая женщина Ася, страстно любившая животных. Около крыльца вечно томились бродячие собаки и кошки, она заводила то кроликов, то черепаху, то морскую свинку и всю страсть души отдавала им. В доме

было неуютно. Но жила она всеми силами души. Бойкая, разговорчивая, она любого могла заговорить.

Подруга Таня — маленькая, изящная тувинка, с милой родинкой, твердым характером, прямо скажет все, что думает, подружки ее побаивались — справедлива, но и крута. У нее был талант расположить к себе разных людей — вдумчивостью, серьезностью, советом. Трудно жилось в студенческие годы, была из многодетной семьи. «Нужно настойчиво добиваться своей цели. Жить в Москве — большое счастье. Особенно вечером Москва сказочно красива, сквозь легкий туман над рекой просвечивают огни, но нужно готовиться к сессии, чтобы «не засыпаться». Опять коптим над учебниками, зубрю детали машин. Не хочу быть липовым специалистом. Дома, в Туве, будет стыдно ничего хорошо не знать...» Работала мастером завода, потом с рождением детей — стала экономистом. Мать и жена, всегда в неустанном труде. Следит за собой, читает, шьет; болеет, но не падает духом, ведет людей за собой, верна в дружбе. Ухаживала за больным отцом, когда-то бросившим их малыми детьми. В доме бывает много родни, всей душой старалась помочь одинокой сестре и племянникам.

Другая подруга — русская Катя — веселая, щедрая, широкая натура. Тяжело жилось в военные и послевоенные годы — отец погиб, мать одна тянула пятерых. Девочка жила по людям, на квартирах, учась в городе. Была озорница, участвовала во многих классных проделках. Подружки уехали в институты, а она после десятилетки стала учительствовать в малых деревеньках Каа-Хема. Вышла замуж за шофера Сашу, родила троих дочерей, держала хозяйство, огород, стряпала хлеб, крутилась по дому, но оставалась общественницей — и в спектаклях играла, и цветы разводила, и пьяниц гоняла. И учительницей была хорошей. Открытая, проворная, чистоплотная хозяйка — в доме все свежо, блестит от чистоты. Летом съезжаются три брата и сестра с детьми — всех накормит, дело даст, выслушает. Стол всегда «кипит», быстро и несуетливо хлопочет хозяйка, скольких людей накормила и выучила Катя-Катерина, заботница и работница... Муж ее Саша всю жизнь работал на машине в совхозе, возил зерно, селому, уголь, горючее, скот, шерсть и, конечно, людей. Отец Путинцев погиб на фронте, мать одна подняла сына на ноги. Из их семьи на фронт ушли пять человек, вернулся один дядя. Саша — человек деликатный, совестливый, безотказный, много читает, смолоду был футболистом и участником самодеятельности, и теперь следит за спортом, с Катей вырастили

Брат Саша был на два года младше Саяны. Рос в деревне и только к школе привезли его домой — была трудная военная пора на Алтае. Помнится хлеб из отрубей, свеклы и картошки. Писали сажей и марганцовкой вместо чернил между строчками в газете, на разных канцелярских бланках. В алтайской деревне было много эвакуированных ленинградцев, бледных, истощенных, и пленных немцев. Шура, как его звали дома, был диковатый, не ел хлеба без спроса, ходил в бурятской шубе, галифе и унтах. Потом выправился, стал смелее, озорнее. Помогал по хозяйству, искал блудную корову, колол и складывал дрова, перетаскивал уголь в доме на Авиации, на улице его вечно поджидали мальчишки, они-то ему и помогали в работе, а потом неслись на каток, на Виланы, играли в «зоску», цеплялись за машины. Шура в школе был заядлым спортсменом: футбол, хоккей, шахматы. Учился прекрасно, особенно запросто «щелкал» задачи по математике. Учили его Лидия Сергеевна, Лидия Ивановна, Розалия Владимировна, Зоя Дмитриевна, Алексей Харитонович из седьмой школы. Он получил золотую медаль и стал химиком-полимерщиком, довольно известным в научных кругах, опубликовал 250 научных работ, имеет 150 изобретений и патентов — из Японии, Англии, Франции, Италии, ГДР, ЧССР и т.д. Он предан химии до самозабвения, считая, что она все может, это — особая эра в науке. В жизни странный, малопрактичный, белоручка. В минуты отдыха читает прессу, весь в синем папиросном дыму, или играет в шахматы с любым партнером. В молодые годы аспирантом носился со школьниками по футбольному полю или играл в бильярд и теннис, и все с азартом, с полной самоотдачей. Встречался с большими учеными-академиками в Москве и Новосибирске. К гуманитарным относился несколько иронично — «болтология». Был в нескольких соцстранах, но, похоже, кроме химиков, никого не видел и ничего не слышал. Мнения его категоричны, азартный спорщик, логик-аналитик, умелый организатор лаборатории, в душе добрый мягкий человек.

Трагически погибла первая жена Ниагаре — доктор химических наук. Саша помогал ей — молодая, красивая, своевольная, самолюбивая, с успехом в обществе, но иногда неровная, злая, больная щитовидкой, не в себе. Гоняла на скоростях «Ладу», а однажды неосторожно выстрелило ружье... Вторая жена вся погружена в тряпки, приобретения. Хорошо и быстро готовит еду; детей у них нет. Саша после инфаркта бросил пить и курить.

Толя — младший брат — полная противоположность Шуре. Деликатный, чуткий, насмешливый, эрудит не только в химии лазерного стекла, но и широко в литературе, истории, искусстве. Между ними идет негласное соревнование: у него 20 трудов, 20 изобретений и 15 патентов, в наградах не отстает. Кончил школу с медалью и пошел в «Менделеевку» по следам старшего. И его работами интересуются доктора и академики. Он своими руками создал уникальную установку, варит стекла, работает с большими температурами. В жизни практичен, хозяйственен, умелые руки, прекрасный воспитатель дочери Лены — у них духовное единomyслие и родство. Любит природу, каждую минуту урывает для этого, много поездил по стране, страстный книголюб. Жена Лариса работает с ним в одной лаборатории, прекрасная хозяйка, купается зимой в проруби — «морж», даже снимали на телевидении.

Защита диссертации в Москве в семье стала легендой. Саяна была беременна на 7 месяце — пришел вызов ехать. Суровые 50-градусные морозы, самолеты не летают. Села в автобус, поехала через Саяны, во время краткой остановки в горах вышла подышать свежим воздухом, мутило от бензина и табака, а тут отказали тормоза, и автобус медленно поехал на Саяну. Как выскочила — не помнит. Потом села в поезд «Абакан — Москва», долго ехала, волнуясь, — не опоздать бы, приехала в день защиты — заболел оппонент, срочно стал готовиться другой. Вышла на трибуну, прикрывшись портфелем, и ничего не заметила публика, а когда сходила, уже не скрывала живот — в зале ахнули... Младший сын потом с гордостью говорил, что он «был в Москве». В завершении научной работы помогали дома — бабушка и муж, но это особый рассказ.

Я СЧАСТЛИВ, ЧТО ПОЮ...

В прошлом году Сергею Бакизовичу Пюрбю исполнилось 80 лет. 9 сентября на его родине Эжиге Улуг-Хемского района собрались те, кто любит и чтит его поэзию. Сергей Пюрбю относится к немногочисленным тувинским писателям, за которыми и критикой, и писателями, и читателями устойчиво закрепилось определение «зачинатель». В этом ряду их было мало: С. Тока, С. Сарыг-оол, В. Кок-оол, Б. Ховенмей и В. Эренчин. Он пробовал свои силы и в драматургии, и в прозе, создал одну из любимейших поэм тувинцев «Чечек» (1939 г.). До ареста в 1947 году успел выпустить на родном

языке два сборника стихов и книжку «В помощь молодым писателям» (1939 г.).

Как обычно было в те времена, Пюрбю обвинили в национализме, причем без всяких конкретных причин. И пришлось одному из первых национальных поэтов Тувы работать на лесопозале за Байкалом в качестве политзаключенного. Сейчас, конечно, трудно представить как сложилась бы творческая биография С. Пюрбю, не будь тех семи лет тюрьмы и лагерей. И только в 1958 году он вновь издает сборник стихов «Напевы жизни». И до последнего дня — бесконечные заботы, бесконечные хлопоты о родной литературе, о росте молодых, о развитии культуры своего народа.

Сергей Пюрбю, как сам он всегда говорил, был прежде всего поэт. Но им написаны и многочисленные очерки, добротные рассказы и пьесы, поставленные на сцене театра. Несмотря на суровую судьбу он сумел сохранить жизнелюбие, не обиделся на то, что целых семь лет его упорно вычеркивали из памяти родного народа. Время доказало, что его поэзия современна, а лучшие образцы его творений бессмертны. И сегодня с полным правом он мог бы сказать всем кто собрался в сентябре на его родине:

Я счастлив, что пою
Сегодня вместе с вами.
Звон голубой реки
Влил в нашу песню я.

Кончук Мерген

ТУРИАДА

Это мой второй майский поход по горам Западной Тувы. В отличие от первого, у нас появился опыт и уверенность в себе. В этом году из старой гвардии «Демир-Сальцев» никого не было, поэтому на «почетных важных» местах автобуса сидят наши — из турклуба «Хараачыгайлар». Как весело и приятно ехать, предчувствуя скорую встречу с горами и романтику путешествии!

В этот же день выходим на маршрут. Не дойдя до перевала Ала-Белиг, разбиваем лагерь на холодном продуваемом склоне рядом со снегами. Поужинав, сразу делаю «отбой». У костра под гитару надрывает голос Айдык, не давая спать.

Третий день. Как в сказке, за одну ночь наступила зима. Кругом стояла зимняя природа, облаченная в белый пушистый снег. Айдын теперь у костра поет песни про снег и все весело ему подпевают.

Чтобы идти быстро, выстраиваемся в одну военную колонну. Идет такой сильный снегопад, что последнему не видно впереди идущих. В верховьях Узун-Хема доходим до избушки, в которой мы когда-то останавливались, совершая велопоход. Производим небольшой ремонт избушки, устраиваемся на ночь.

О, гора Белый Клык! Как долго я мечтал на тебя взойти, но fortuna, похоже, отворачивалась от меня. И на этот раз из-за выпавшего большого снега увеличилась лавиноопасность. Подобно раскатам грома, до нас доносился грохот падающих лавин. Но все же надо попытаться. Ерлан говорит: «Не-ет». Остальные «аксакалы» молчали в раздумье. Но вскоре решились все, кроме одного и девчонок.

Четвертый день. Подъем в 5.30. Спасибо Чайзу: продежурился всю ночь, поднял нас к готовому чаю. Вперед, на штурм вершины!

Преодолев первые склоны, доходим до памятника. Ровно десять лет назад, при восхождении на Белый Клык погибли 6 человек (нас теперь тоже шесть) во главе с пионером тувинского туризма Ашпей Кром. На памятнике были высечены строки из его песни:

Стоят Вершины злы, упрямы, немы.
Перед горами все равны, как перед Господом...
...И лучше вечность камнем падать вниз,
Чем вечно жить с камнями вместо сердца.

Возложив цветы к памятнику, продолжаем восхождение. Утренний холодный ветер обжигает лица, выдувает тепло из штурмовок. Вытаскиваем из рюкзаков теплые вещи. Лица у всех хмурые. Перед ними, при лучах утреннего солнца, стоял во всей своей мощи и красоте Белый Клык, при виде которого в нас стало закрадываться сомнение: сможем ли? Позже я узнал, что Эдик думал: «Где же нам поставят памятник?».

Как мне тогда казалось, Белый Клык стоял, готовый снова забрать жизни людей, дерзнувших потревожить его покой. Путь на вершину лежит через южный гребень. Мы тщательно ищем подходы к нему. Кругом море снега, на вершине виден снежный «флаг», кажущийся таким безобидным снизу, на самом деле говорит о жестоком буряне наверху. Когда взбираемся на южный гребень, неожиданный шквальный ветер валит с ног. Справа сияет пропасть. Идем дальше уже в связке. Кое-кто начинает мерзнуть. Прибавляем темп, тогда Андрей начинает задыхаться, да и у меня начало жечь в груди — сказывалась высота. После небольшого взлета, покрытого твердым фирном, открывается вершина. Последние шаги... Ура!!! Мы на вершине!

Отсюда, открывалась, захватывающая дух, панорама грандиозных горных вершин. Я не мог представить себе такое раньше. После бурных

объектов вынимаем из тура записку красноярцев, совершивших поход высшей категории сложности (5).

Можно было представить волнение и тревогу ожидания наших друзей, остававшихся в избушке. Момент встречи был ярок. Такие моменты, наверное, остаются в памяти навсегда. В этот вечер мы очень весело отметили победу над грозной вершиной. Оршээ, Хайыракан!

По плану нашей группы, мы должны пройти через перевал «Магистральный», вниз по реке Тоолайлыг, траверс Мунхулика (Монгулека) и выйти на Дустуг-Хем. Но из-за возросшей лавино опасности члены группы сильно колеблются. Вечером вопрос остался открытым. Утром все-таки пошла наша группа в составе четырех человек — Содунама Эдуарда, Кабимульдинова Ерлана, Ооржак Ольги и меня. Остальная группа, во главе с Сат Андреем, пустилась по другому маршруту через перевал Болотный. Обе группы должны встретиться на Дустуг-Хеме.

Идем по замерзшему руслу Узун-Хема по следам снежного барса. Пройдя немного, сворачиваем на правый приток реки. Впереди стеной возвышались остроконечные вершины гор и где-то там, среди них, был затерян наш перевал.

По карте до перевала было не так далеко, и мы не спешили, рассчитывая к вечеру стать у перевала. Но мы ошибались. Начались снежные поля, где мы стали проваливаться в снег по пояс. В таких условиях приходится передвигаться на четвереньках с рюкзаками, делая 200—300 метров в час. Иногда неожиданно под нами раздавался глухой треск — предвестник лавины. Этот охватывающий весь склон звук вызывал страх. Темнота настигает нас на снежных полках. При сумеречном свете, мокрые по пояс, энергично устанавливаем палатку на снегу. В это время Ольга разжигает примус и начинает готовить еду. Я никак не могу снять обледеневшие брюки — они словно зацементировались. Наконец, одолев их, стуча зубами, вползаю в палатку. После блаженного чая становимся разговорчивее, веселее. Перед тем как залезть в спальники, выходим из палатки. Над рваными линиями гребня взошла луна. Горы при этом свете становились еще более таинственными и грозными. Я сознаю ту мощь и величие того круга. Вселенной, в котором мы теперь остались одни.

Шестой день. Пропали ночь как убитые. Эдик, встав в 5 утра, приготовив завтрак, начал поднимать группу. Ерлан принимает вертикальное положение с закрытыми глазами. И только когда ему всунули в руки горячую миску, неожиданно для себя просыпается. Нелегко надеть замёрзшую обувь. Пришлось сначала ее отбивать, чтоб она как-то смягчилась.

На небе не было ни единого облачка, что нас очень радовало. Собрав рюкзаки, снова поползли вперед. Выплывало из снегов ослепительно яркое солнце. Небо темно-синее. Запах нетронутого вечного снега. И удивительная тишина вокруг. За поворотом открылся вид на перевал.

Ветры за долгую зиму на вершине перевала создали громадные карнизы из снега. Стало ясно, что идти туда бессмысленно. Слева от перевала находился остроконечный пик, а справа примыкала скальная стена высотой с километр. Пока мы размышляли, Ольга вытащила зеркальце и начала осторожно оттирать с лица следы ожогов, полученных от горного солнца. Решаем пройти перевал траверсом через безымянный пик, который находился слева от перевала. Путь туда лежал по острому Западному гребню, соединявшемуся с вершиной. Когда поднялись на гребень, поняли, что предстоит лавировать между двумя опасностями: слева сияла пропасть, а справа лежали многочисленные лавины. Начинает сказываться высота — движения становятся вялыми, не хватает воздуха. Эдик, оступившись, проваливается в карниз. На снегу образовалась дыра, а под ней на веревке висел Эдик. Мы с ужасом осознаем, что он висит над километровым обрывом. Надежно застраховавшись, вытаскиваем друга. Его темные очки слетели в бездну. Запасных не было. Зная в горах тщету слов и благодействий, медленно и осторожно пошли вперед. В который раз, волнуясь, переходим лавинные участки, ощущая ненадежность опоры. За скальным выступом показался ледник, сверкающий на солнце зеленоватым оттенком. Сразу над ледником возвышалась вершина. Сознывая, что это высшая точка, воспряли духом. Идти по леднику становится легче. Последние метры — и мы берем еще одну вершину Тувы. На вершине не обнаружили туров. Это значит, что мы являемся первосходителями и вправе дать пику название. По предложению Ерлана даем пику название «Дан-Хаяа» (3400 метров).

Вскоре выходим на северо-восточный гребень, откуда открывается противоположная сторона перевала. Путь перерезает явная лавина. Ерлан уходит искать пути обхода и исчезает за скалами. Кругом стояла мертвая тишина. Мы сидели на гранитном выступе. Беспощадное весеннее горное солнце палило наши лица, а мокрые ноги мерзли в снегу. Найдя менее опасный спуск, доходим до островка среди моря скал и снега и ставим палатку.

Ночью сквозь сон чувствую, как с лица стекают какие-то капли. Больно. Но из-за усталости не смог проснуться. Утром я почувствовал: что-то не то с губами, да и вообще с лицом. Я взглянул на Ерлана и не узнал его — на меня смотрело что-то ужасное с огромными губами и краснющими глазами, опухшим, как мяч, лицом. Затем взглянул на Эдика. Его внешность была приблизительно такой же, но только без глаз. Вместо них — опухшие веки, напоминающие теннисные шарики. Из слипшейся прорези, через которые он должен был смотреть, шел гной... Это было следствием потерянных темных очков. Послышался хриплый стон Эдика: «Сегодня надо делать дневку». Видя его тяжелое состояние, мы колеблемся. Но хорошая погода могла испортиться, и мы решили делать полудневку.

Двигаемся вниз по реке Тоолайлыг. Посреди нас, спотыкаясь на камнях и буторках, с завязанными глазами, беспомощный, на поводу идет Эдик. Слева и справа возвышались огромные горы. Люди, дерзнувшие дать этим великанам вызов, теперь были наказаны. В этот день мы прошли совсем немного. Поставив палатку у замерзшего водопада, уложили Эдика. Он сегодня все молчал, как будто потерял со зрением и слух. У меня болела голова. Сказывалось перенапряжение последних дней. Потгивая блаженный чай, Ольга задумчиво сказала:

— В Кызыле, наверное, сейчас тепло. Люди катаются на лодках.

— Сейчас бы сюда пельмени, — сказал Ерлан, разглядывая красивые уши Ольги.

Перед отбоем выхожу из палатки и замечаю при лунном свете что-то черное, не похожее на камень. Я делаю несколько шагов в ту сторону, пока сердце предостерегающе не застучало. Мое любопытство смыло волной страха. Я возвращаюсь в палатку. Было тревожно засыпать в маленькой палатке, затерянной где-то среди гор. Утром стало известно, что там лежал задранный медведем як.

Восьмой день. Путь начался сразу с крутого подъема по тропе Кадыр-Орук. Вскоре тонкая тропа потерялась, но благодаря карте и компасу находим нужный перевал Кок-Тайга. На перевале два тура — туркестанский и местный оваа. На оваа лежали распитые бутылки чабанов, для которых этот суровый мир был местом жизни, на другом туре снимаем записку московских туристов.

Нам теперь предстоит пройти траверсом через Мунхулик к Дустуг-Хему, где должна поджидать основная группа. Не доходя до вершины 1600 метров, мы увидели вдалеке альпинистов из других городов страны. Было очень приятно увидеть людей, хотя издалека они казались похожими на маленьких букашек на теле могучей горы. До желанной вершины осталось несколько метров, но вдруг Ольга впервые признается, что сил у нее не осталось. Но имея железную волю, которой мог бы позавидовать любой мужчина, одолевает последние метры. С этой вершины открывался весь горный край. На юге, подобно айсбергу, возвышался над облаками белый купол Монгун-Тайги. На севере простиралась Хемчикская долина, просторы которой растворялись в синеве неба. Щедрое весеннее солнце дарило такое чувство радости и тепла, которое можно получить только здесь. Мы чувствовали в себе частичку величия гор, более того, мы стояли выше, выше нас ничего и никого не было. Весь мир лежал у ног. Не это ли цена лишений, не это ли тот вирус, заражающий все новых и новых людей «горной» болезнью. К ней восприимчивы люди, у которых сердце открыто красоте и не чуждо романтике. Человек есть дитя природы и, возвращаясь к ней, находит покой и радость, как человек, возвратившийся домой после страданий на чужбине.

Начинаем спуск по следам альпинистов. С севера, порывами, налетал ветер, поднимая миллионы кристалликов снега, из-за которых на короткое время создавалась белая мгла. Через перевал «65 лет ВЛКСМ» спустились на широкое плато. Оно напоминало лунный ландшафт, где, кроме камней и неба, ничего не было. И только вдалеке, сквозь толщу расстояний, высились такие родные, знакомые горы Бай-Тайги, вид которых придавал уверенность и тепло. Стояла мертвая тишина. Были слышны только грухие звуки шагов и шорох штурмовок. Однообразный вид плато, час за часом повторяющиеся звуки действовали угнетающе.

— Что? — обернулся я к Ольге. Она удивленно посмотрела на меня. — Разве ты не знала? — недоуменно спросил я.

— Нет, — сказала она, не переставая удивляться. Поняв, в чем дело, она предложила отдохнуть. Мы тяжело опустились на камни. Чувствуя во всем теле приятное расслабление, я лежал, закрыв глаза. «Какой осел изрек, что человек — царь природы», — думал я.

— Куда идти? — вставая, сказала Ольга. В который раз этот вопрос заставляет нас подниматься, скрипя суставами, и шагать вперед. Уже кончалось плато и оставалось недалеко до избушки — там нас ждут друзья.

Ерлан и Эдик пустились полным ходом и уже скрылись в лесной чаще Дустуг-Хема. Горная речка местами текла по льду. Не находя сил обходить воду, чавкаем по ней, как в летний день по берегу пляжа. Уже слышны восторженные вопли встречающих. Это подействовало на нас сильнее всякого допинга, и мы несмотря на смертельную усталость, прибавили шагу.

От трех до шести

В этом разделе мы и впредь будем публиковать мудрые высказывания самых маленьких жителей нашей республики — будущих наших читателей. Пусть через десять-двадцать лет они откроют пожелтевшую страницу «Улуг-Хема» и вновь вернуться в незабываемую страну своего детства.

К а т я А л ь ш е в с к а я (2 года 8 месяцев).

— Боже мой, Боже мой! Как будем жить? Масла нет, булки нет, Горбачева нет и Ельцина скоро сгубят!

— А Ельцина за что?

— За реформы, бабушка, за реформы...

М а к с и м Е г о р о в (3 года).

По дороге в садик видит заброшенную стройку:

— Ой, какая большая помойка!

Ж и з е л ь С а л ч а к (4 года).

— У тебя ноги мокрые!

— Мамочка, это кроссовки вспотели.

В а д и м Х о м у ш к у (4 года).

Увидел пчелку:

— Мама! Я видел пчелку Майю!

А л е н а О р ж а к (4 года 9 месяцев).

— На улице дождь сильный?

— Нет, короткий.

Настя Бочкарева (2 года 11 месяцев).

Папа держит пластмассового крокодила и спрашивает:

— Настена, а какую песенку поет крокодил?

Настя молчит. Мама подсказывает: «Пусть бегут неук-
люже пешеходы по лужам...»

Настя перебивает:

— Неправильно он поет: «Секс, секс без перерыва, как
это мило...»

Даваа Монгуш (2 года 6 месяцев).

Проснулся утром:

— О, солнышко проснулось! Это я солнышко купил из
«Детского мира».

Вова Королев (5 лет).

Стоит в автобусе рядом с подвыпившим мужчиной.

— Мама, почему от дяди плохо пахнет, у него что ли
язык на унитаза упал?

Вася Нижегородов (5 лет).

Мама моет Васю в ванне.

— Мама, а у меня яички поспели?

— Нет. А что?

— Интересно, когда поспеют, цыплятки будут: ко-ко.

Рита Старкова (3 года).

Подошла к дивану, на котором лежал кот и громко мур-
лыкал. Постояв некоторое время, изрекла:

— Мурлыкает, как мотоцикл.

Ирина Тыхеева (4 года).

Папа — бурят. Мама — тувинка. Как-то шутя спорят,
кто у них дочь — бурятка или тувинка. Ирина играла рядом,
прислушивалась к их разговору, а потом, вздохнув, примири-
тельно сказала:

— Так уж и быть, я буду у вас хохлуша.

Рома Кокорин (6 лет).

— Я до миллиона просчитал и устал. А как миллионеры
не устают свои деньги считать?

Аяс Маадыр (5 лет).

- Мама, кто пряники принес?
- Тетя Лариса.
- Ты сказала, что они вкусные?
- Да, сынок.
- А ты сказала ей «спасибо»?
- Конечно.
- А ты сказала, чтобы еще принесла?

Даша Бузмакова (4 года).

- Если котик шкурный, значит, люди — кожаные.

Иргит Дарима (5 лет).

- Мама, мама, включи двери!
- Как включить?
- Ну, как, ключом!

Могое Ооржак (3 года).

- Мама, пойдем гулять.
- На улице темно, сына.
- А ты нажми на кнопку, солнышко включится.

Антон Саяа (3 года).

По двору ходит свинья туда-сюда, из угла в угол.

— Ой, бедняга, как наш папа, очень сердится. Видно, жена сбидела.

Дан-Хаяа Оюн (6 лет).

Дедушкин знакомый, зовут его Партизан, должен был свозить дедушку в деревню на своей машине. Дед ждет. Вот к дому подъехала машина. Дедушка просит внучку:

— Посмотри, Партизан один сидит в машине?

Дан-Хаяа выглянула в окно и сообщила:

— Нет деда, там еще три партизана сидят.

Игорь Кузнецов (5 лет).

— Все, мамочка, я решил — вырасту большой, выучусь на хирурга, проработаю пять лет и женюсь на акушерке!

— Это еще почему?

— Тогда нам по благу детей будут давать!

Д. Х. Чейз

ЭТО ВАШ ВЕНОК, ЛЕДИ!

Глава 1.

Мы прибыли в тюрьму в 11.40. У ворот уже ждали свидетели. Выйдя из машин, мы присоединились к ним. Ворота тюрьмы со скрипом отворились.

«Дом смерти» находился в дальнем конце коридора. Мы миновали катафалк и вошли в один из двух входов. Один шел в коридор к газовой камере, другой вел в маленькое помещение, где сейчас сидел Бесси.

Поблизости не было никаких других зданий. «Дом смерти» одиноко ютился в углу двора.

— Кто из вас пойдет на «последнее слово»? — спросил охранник у двери.

Я поднял руку.

— О'кэй, ждите здесь.

Остальные отправились в коридор и стали рассматривать окна газовой камеры. Гудсон, проходя мимо меня, шепнул:

— Держи себя в руках, приятель.

Вся эта обстановка действовала мне на нервы.

Газовая камера представляла из себя стальной восьмьюгелыйник с окнами со всех сторон. Из камеры выходила наружу стальная труба, по которой выходил газ после казни.

Я заглянул в камеру. Она занимала в ширину не более пяти футов и в ней ничего не было, кроме стального стула с ремнями. Снизу подходила труба для подачи газа. Я не смог долго смотреть на камеру, так как мне казалось, что это меня должны туда посадить. Я решил посмотреть на Бесси и на-

правился к его камере. Он сидел и курил сигарету. На нем были одеты лишь одни трусы.

Я повернулся к стражнику:

— Значит, вы его раздели?

— Мы всегда раздеваем их, — охотно отозвался он. — Газ снапливается в складах одежды и потом ее трудно использовать.

— А как в тех случаях, когда сюда приходят женщины? — спросил я охранника.

Он усмехнулся:

— Их это не шокирует.

Бесси был рослым парнем с печальным тяжеловатым лицом. Он был мрачен, но никаких следов страха на его лице я не обнаружил. У него в камере находился капеллан и бормолет молитвы. Бесси изредка поглядывал на него и молчал, время от времени облизывая губы. По его лицу было заметно, что ему чертовски надоели эти молитвы.

Начальник тюрьмы торопливо прочитал приговор и прокричал:

— Какие будут ваши последние слова?

— Ты не прав, парень, — сказал он. — Я этого не делал. — Голос его звучал спокойно и твердо. Стражник взял его за руку, но он отстранился. Бесси продолжал смотреть на меня. — Выясни это дело, Мейсон. Все это Лу Спенсер. Найди его... Это был Лу... Ты слышал?

Его провели в газовую камеру, усадили на стул и стали привязывать ремнями. Я хотел было записать слова, но передумал.

Бесси был крепко привязан к стальному стулу. Он пристально посмотрел на меня, и я кивнул ему, пытаюсь подтвердить, что сделаю все, что смогу.

Стражник запер огромную стальную дверь с уплотнениями для герметичности, и мы стали смотреть в окно. Прошло десять секунд, но мне они показались десятью годами. Я чувствовал, как бешено бьется сердце в груди. Бесси поднял голову и с безнадежностью во взгляде посмотрел в окно. Он понимал, что конец близок.

Начальник тюрьмы крутил рукоятку, которая, очевидно, открывала дистанционно газовые баллоны. Мой взгляд был прикован к его руке. Затем я осмотрел всю камеру.

Из-под стула поднимался белесый туман. Бесси почувствовал запах газа. Он дернулся, напрягся и неожиданно для меня закричал. Из камеры не доносилось ни звука, но по его

искаженному багровому лицу я понял, что он кричит. Потом голова бессильно поникла, тело дернулось в последней конвульсии и обмякло.

Пришел врач с белым листом бумаги и стал смотреть на часы. Бесси был недвижим. Врач знаком показал, что можно открывать дверь. Я почувствовал, что к горлу подкатывается какой-то горький комок.

Глава 2

Я направился в комнату для прессы. Был там один парень, с которым я хотел поговорить, и он оказался на месте.

Я придвинул к дивану стул, уселся и начал будить Экки. Увидев меня, он сразу встал.

— Тебе обязательно надо было разбудить меня?

— Извини, но я хотел поговорить с тобой.

Экки пригладил волосы.

— О чем? Держу пари, ты вновь намереваешься эксплуатировать мои извилины.

Я покачал головой.

— Нет. Мне нужно знать, что ты думаешь.

— Что же тебя интересует, братец? Что-то связанное с казненным?

Я закурил и некоторое время молчал.

— Не думаю, что это сделал Бесси, — наконец, сказал я.

Экки широко раскрыл глаза.

— Он ведь уже мертв, не так ли? Забудь об этом.

— Этот Ричмонд, — проронил я, тщательно обдумывая свои слова, — кажется, имел больше врагов, чем у любого другого. Ричмонд был негодяем и получил по заслугам.

— И еще была женщина, повешенная за убийство, не правда ли? Но ее не стали слушать.

Экки пожал плечами.

— Там было много женщин, — равнодушно заметил он. — У этого типа баб, что волос на голове.

— Кто она была? — мягко поинтересовался я.

— Послушай. Ричмонд мертв, Бесси мертв... они были мерзавцами... Поэтому... забудь обо всем.

— Почему, черт побери, все хотят забыть это? Послушай, Мо. Есть ли кое-что, что известно тебе? Давай рванем ко мне и там потолкуем.

Экки покачал головой.

— Как только ты уйдешь отсюда, я усну.

— У меня дома ждет целая бутылка рисовой.

— Почему же ты сразу не сказал? Где моя шляпа?

Дома я усадил его в кресло, поставил перед ним бутылку и стаканы.

— Прежде чем идти дальше, Мо, — начал я, — открою тебе свои карты. Мне необходима помощь, и я хочу, чтобы ты мне помог.

Экки усмехнулся, но ничего не сказал.

— Мне обещали 10 грандов, если я разберусь в деле Бесси.

— Кто обещал тебе шуршики? — резко спросил он.

Я покачал головой.

— Секрет. 10 грандов — большие деньги, и я уже знаю, что в деле Бесси что-то не так. Похоже, что все это дело было подстроено.

Экки заметно встревожился.

— Тебе лучше бросить это дело. Ник, — печально вымолвил он. — Ты можешь попасть в большую беду.

Я хлопнул его по спине и подтолкнул к двери, но он остановился и повернулся ко мне.

— Ладно, парень я ухожу. Но скажи, кто тебе предложил десять грандов?

— Моя тетья Белла, — бросил я, закрывая дверь.

— Ты имеешь в виду дочь тети Фанни?

Я запер за ним дверь. Убедившись, что он ушел, я достал вторую бутылку рисовой и направился в спальню. Я медленно разделся, глотнул из бутылки и лег, размышляя о деле.

Глава 3.

Кто-то разбудил меня звонком в дверь.

Я вскочил с постели и кинулся к двери. Открыв ее, я увидел посыльного. Он протянул мне конверт. Закрыв дверь, я сел на постель и вскрыл конверт. Мне на колени выпало пять хрустящих тысячедолларовых банкнот. Записки или чего-либо в этом роде не было. Единственное, что мне оставалось делать, это сидеть и разглядывать банкноты на предмет их фальшивости. Затем я сунул деньги в конверт и положил на стол.

Это, конечно, улов. Правда, я не успел начать работать, но зелененькие получил.

Холодный душ заставил меня почувствовать себя лучше. Затем я стал бриться, разглядывая себя в зеркале. Возможно, я не насколько красив, но сила у меня есть.

После бритья я вошел в спальню, и тут меня поразили две вещи. Во-первых, в спальне пахло духами, а этого не было, когда я уходил бриться. Во-вторых, со стола исчез конверт!

Надо вам сказать, я не из тех парней, что умеют классифицировать запахи, но я понимал, что в комнате пахнет не так как раньше. Я как сумасшедший описывал по комнате круги, и на мгновение у меня возникло желание позвонить копам. Правда, я тут же передумал и уселся на стул.

Итак, красивые доллары исчезли, и я почувствовал себя уязвленным. Одевшись, я отправился завтракать и заказал два яйца всмятку, гренки и кофе. Я был серьезно занят едой, но все же заметил вошедшего парня, жившего в квартире напротив моей. Этот парень принес мне огорчения.

Я хотел прикрыться газетой, но опоздал. Со странным выражением на лице он подошел к моему столику и сел.

— Вам не стоит приводить с собой девушек, Мейсон. Это вредит репутации дома.

— Ты наивный человек, — возразил я. — У этого дома была плохая репутация задолго до того, как я в него въехал. Кроме того, я не знаю, о чем вы говорите. О каких девушках идет речь?

В этот момент подошел официант и принял его заказ на гренки и томатный сок.

Когда официант ушел, он произнес:

— Утром я вышел за газетами, а она выскочила, будто за ней гнались черти.

Я допил кофе и закурил сигарету.

— У вас часто бывают галлюцинации? — с любопытством спросил я. — Держу пари, что вы даже не в состоянии описать ее внешность.

— Еще бы, такую да не запомнить! Высокая и потрясающе раскрашенная блондинка. Она была во всем черном, даже шляпа черная. Вокруг шеи было обмотано что-то золотистое. Она двигалась, как метеор, но я всегда узнаю ее.

Я встал и отодвинул ногой стул.

— Молодец! Считайте, что вам все приснилось.

И вышел на улицу.

Итак, высокая блондинка во всем черном. Трудно разыскать женщину по таким признакам. Но она утянула мои пять тысяч, и мне придется ее найти или признать себя побежденным. Может быть, Экки знает ее?

Глава 4

Такси высадило меня на углу возле Гофман-Билдинг. Я зашел в вестибюль и поднялся на десятый этаж.

На этом этаже находилась «Маккензи Корпорейшн». В левом дальнем углу сидела симпатичная девушка. Я объяснил девушке, что мне нужен секретарь Спенсера.

Она внимательно посмотрела на меня и позвонила по телефону.

— Комната 26, направо, — сухо буркнула она.

— Спасибо детка, надеюсь, ночью увидишь меня во сне. Я подошел к комнате и толкнул дверь. Это была небольшая комната, но стол в углу был огромный. На стене висела картина с обнаженной женщиной, а может быть и девушкой. Я перевел взгляд с картины на стол. За ним сидела головокружительная брюнетка. Она была из тех девочек, которых вы смело можете вести домой, и все обойдется без скандалов, даже если вы познакомите ее с мамой.

— Прощу прощения, — вежливо произнес я. — Эта дама, — я кивнул на картину, — отвлекла мое внимание, и я не сразу заметил вас.

Она улыбнулась.

— Мистер Мейсон?

Я положил шляпу на стол и сел.

— Да, Ник Мейсон. Мне нужен Лу Спенсер.

Она сделала большие глаза.

— Мистер Спенсер занят. Вы не сможете его увидеть без предварительной записи и договоренности.

Я откинулся на спинку кресла и стал ее изучать. Не знаю, чем но она заинтересовала меня и нарушила ход моих мыслей.

— Если вы скажете мне, зачем вы хотите выдеть мистера Спенсера, я смогу это передать ему и договориться о вашей встрече.

— Видите ли, мисс...

Но она не сделала попытки помочь мне и молча смотрела на меня.

Я почувствовал легкое раздражение.

— Предлагаю отправиться на ленч, — обратился я к ней, глядя на часы. — Сейчас начало второго, самое время поесть и заодно поговорить. Мне надо многое сказать вам, и, возможно, вы подскажете мне, тот ли человек Спенсер, который нужен мне.

Я видел, что она собирается сказать мне «нет». Но по ее глазам я понял, что высоко котируюсь в ее ценнике. И похоже, что она хочет, чтобы я уговорил ее.

— Не смотрите на меня так сердито. Дайте мне шанс поговорить с вами и все рассказать.

Она встала:

— Ладно, мистер Мейсон, пойдете на ленч.

Глава 5

Возвратившись домой, я написал пару статей и отправил их в редакцию, после чего направился обедать.

«Хоча-Клуб» был одной из тех дыр, которые выглядят недурно, пока вы не познакомитесь с ним поближе. Я занял угловой столик и заказал рюмку рисовой. Народу было много, но в основном мужчины. Женщин не было совсем. Наконец, я подозвал официанта. Это был высокий жалкий парень. Я сунул руку в карман жилета, и он уставился на нее, как удав на кролика.

Послушай, приятель, — проронил я. — Я ищу даму, которая частенько бывает тут. Может, ты сумеешь мне помочь?

Я достал из кармана банкноту, что приковало его внимание.

— Конечно, а кто она?

— Ее зовут Блонди.

— О, я знаю ее. Думаю, что сейчас она работает, — на его лице возникла сальная улыбка.

Я протянул ему бумажку, и она мгновенно исчезла где-то в недрах его одеяния.

— Где ее найти?

— На углу 10-й стрит.

Я остановился на углу и закурил. И почти тут же услышал неторопливый стук каблуков. Я чуть повернулся в ее сторону, чтобы она безошибочно поняла, что я ее приглашаю. Она заметила, что ее ждут, и замедлила шаг.

Она подошла поближе, и я уловил ее запах. Тот запах! Я обнаружил его в своей спальне. Это немного порадовало меня.

— Хэлло! — поздоровалась она и взяла меня под руку.

— Хэлло, красавица!

Она хрипло хихикнула, явно подражая Мей Уэст.

— Ты пойдешь со мной домой, дорогой? — проворковала она, прижимаясь ко мне всем телом.

Мы шли по улице как влюбленные и молчали.

— Запах твоих духов потрясает меня, дорогая. И возбуждает!

— Тебе нравится, дорогой?

— Да. Он настолько тяжел, что готов держать пари: он оставил след всюду, где ты только была.

— Ты забавный мальчик, дорогой, — проворковала она, и мы становились у небольшого домика, в котором был ночной ресторан. На дощечке надпись: «Андре Керн».

Она отперла дверь и провела меня через вестибюль ресторанички по мрачному коридору.

— Вот мы и пришли, дорогой, — она распахнула передо мной дверь.

Я вошел в спальню. Типичный притон. Комната из одной большой кровати. Я обошел вокруг нее и остановился в дальнем углу.

— Я тебе нравлюсь, котик?

Ха! Только этого не хватало! Очень мне нравится, когда меня величают «котиком».

У изголовья постели было две двери.

— Я сейчас, — сказала она и быстро проскочила в одну из них.

Я присел на кровати и закурил. Где-то здесь лежат мои пять тысяч. Она вновь появилась с широкой улыбкой на лице.

— Могу я получить мой подарок? А, дорогой? — она похотливо качнула бедрами.

Я покачал головой.

— Не волнуйся, детка. Я не собираюсь платить за эту прогулку.

Я говорил, что лицом она совсем не похожа на проститутку. Нет, я был не прав, когда подумал о ней хорошо. Когда при моих словах с ее лица испарилась улыбка, я увидел перед собой мегеру.

— Что за шуточки? — ощерилась она.

Да. Удивительно грубая баба. Я стряхнул пепел с сигареты.

— А вот что. Сперва я представлюсь тебе, детка. Меня зовут Ник Мейсон.

На мгновение она отшатнулась, но тут же взяла себя в руки.

— Ба! Да ты пьян, дорогой!

— Не груби, детка. Утром ты забрала у меня пять тысяч. Верни их мне, и мы мирно разойдемся. Не надо считать меня болваном. Я получу эти деньги, даже если мне придется сделать из тебя рагу.

Она нерешительно посмотрела на меня и пожала плечами.

— Раз ты так утверждаешь, то, пожалуйста, можешь все обискать.

— Не надо торопиться, Мейсон! — раздался голос от двери. Я оглянулся. В дверях стоял Эрл Кан, направляя на меня автоматический пистолет.

Глава 6

Я сел на кровать.

— Тебе все же лучше убрать пушку. У нас с Блонди частное дело и посторонние нам не нужны. Сами разберемся.

— Ты слишком много болтаешь, — угрожающе произнес он. — Я буду задавать вопросы, а ты отвечать. Ясно?

Я пожал плечами.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Ну, это легкий вопрос, — улыбнулся я. — А зачем сюда приходят мужчины?

Кан сдвинул шляпу на затылок и прислонился к стене, вытащив из кармана зубочистку.

— Если тебе не нравится такой разговор, я могу поговорить с тобой по-мужски, грубо.

— Не надо волноваться, Кан. Ты со мной ничего не делаешь, а вот я могу сделать для тебя город настолько горячим, что немедленно испаришься, как капля воды со скорородки.

— Заткнись, говорю! Я предлагаю тебе поумнеть и ответить на вопрос: что ты здесь делал?

— Так мы ни о чем не договоримся. Мне надо идти, — небрежно проговорил я.

Кан отошел от двери:

— Не раньше, чем я прикончу тебя, гнида. Тебе лучше не злить меня!

— Тебе лучше убраться с моей дороги, — этот бандит начал раздражать меня. Я полагал, что он подумает не меньше двух раз, прежде чем убить меня.

Вероятно, Кан дал сигнал Блонди, а может, она действовала по своей инициативе, но я не успел среагировать, как что-то тяжелое опустилось на мою голову. Свет в глазах заколыхался и померк.

— Хватит, не бей больше, — услышал я голос Кана. — Я хочу поговорить с этим ишаком.

— Что все это означает? — обратился Кан к Блонди.

— Он сумасшедший! Пришел сюда и утверждает, что я украла у него пять тысяч.

— А ты не брала? — Кан нервно дернулся, подошел к постели и сел рядом со мной. — Послушай, сопляк, я скажу кое-что, а потом ты мне скажешь кое-что. Мы получили твои деньжата, это верно. Их взяла Блонди...

— Какого черта! — бросилась вперед моя «подруга».

— Заткнись, — сказал Кан, не поворачивая головы. — Я так сказал и хочу, чтобы парень все знал. — Он посмотрел мне в глаза. — Мы некоторое время наблюдали за тобой. Ты ведь ходил смотреть казнь Бесси, не так ли?

— Ну и что? — заметил я. Меня поразило, что этот парень так много болтает, как попугай. Может быть, таким образом мне удастся вытянуть из него побольше?

— Мы хотим узнать, кто тебе послал? Ты нас не интересуешь!

Я презрительно взглянул на Блонди.

— Я думал, сука, что ты баба Бесси, но теперь вижу, что ошибся. Бесси пришлили это дело, а ты это знаешь! Так какого же черта ты играешь против меня! Ведь этот подонок враг Бесси!

— Заткни хайло! — прервал меня Кан. — Нам нужно знать, кто послал тебе эти деньги!

Я спокойно покачал головой.

Я не сообщил им, что получил указания по телефону. И не хотел, чтобы они знали, что это была женщина. По-моему, им хватит и того, что я им сказал.

— Это все? — насутился Эрл.

Кан задумчиво посмотрел на меня, и не буду утверждать, что я чувствовал себя уютно под этим уничтожающим взглядом.

— О' кэй, — буркнул он. — Можешь убираться, щенок. Тебе здесь нечего делать. Пять тысяч свалились на тебя с неба, считай, что туда же они и ушли. Так что тебе лучше не обращаться в полицию, ясно?

Первое, что я сделал, когда проснулся, стал проверять ущерб, нанесенный мне Блонди. Глядя на меня, можно было подумать, что я поссорился с Джо Луисом.

С такой гнусной рожей неудобно приглашать Марди на ленч. Я закурил и задумался. Если бы мы были женаты, мне было бы все равно. Она бы даже бегала вокруг меня и беспокоилась. Подумав об этом, я даже вскочил с кровати. Я — безумец! Я — и женитьба! Это смешно. Меня, который обычно женит друзей, кто-то подцепит! Провести оставшуюся жизнь с одной-единственной женщиной — это ошибка, которую я дал себе слово не совершать. А теперь я лежу и думаю, что было бы, если бы...

Я встал и сварганил себе выпивон. Нет, надо чем-то заняться, иначе будет плохо. Едва я успел побриться, как неистово зазвонил дверной звонок. Я накинул халат и пошел открывать.

Это был Экки. Он прорвался мимо меня в комнату и торопливо огляделся. Увидев на каминной полке рисовую, он схватил бутылку и присосался прямо к горлышку, как к любимой женщине.

— Можешь допить все, — сухо буркнул я.

Но Экки покачал головой и поставил бутылку на место.

— Никогда не пью по утрам, — сообщил он и добавил: — Много.

— Чем ты так взволнован? — заинтересовался я, натягивая на себя рубашку.

— Я получил работу... — он замолчал и уставился на меня. — Что с твоей рожей, Ник?

— Попал ночью в небольшую потасовку, — осторожно ответил я.

«Сказать Экки, что меня разукрасила женщина? Да, ребята засмеют меня до смерти!».

— Потасовка, говоришь?

— Ага, — кивнул я. — Ты бы посмотрел на других! На меня, парнишка, напали три хулигана...

— Знаю, знаю... — усмехнулся он. — Ты их всех изувечил, так? Значит, не хочешь мне сказать правду?

— Я не желаю зря терять время, рассказывая тебе то, что ты все равно не поймешь.

— О' кэй, тогда не надо.

— Так что тебя взволновало?

— Ах, да! У меня есть кое-что для тебя. Как ты смотришь на то, чтобы заработать сотню?

Я надел пиджак и на минуту задумался. Экки, предлагающий кому-то сотню?! Таким я его не знал.

— А что надо делать?

— Ты знаешь полковника Кеннеди?

Я повернулся к Экки и внимательно посмотрел на него, но его лицо оставалось бесстрастным.

— Ты хорошо его знаешь?

— Говори, в чем дело! Что надо сделать для этого полковника?

— Послушай, Ник, мы в затруднительном положении. Надо съездить к нему и поговорить.

— А почему он не может приехать и поговорить сам?

Экки беспокойно дернулся.

— Понимаешь, для него это трудно. Он никого не принимает. Мы решили, что ты сумеешь поговорить с ним.

Дремучий инстинкт подсказал мне, что эта история связана с моей. Полковник Кеннеди принадлежал к тем богатым людям, у которых так много зелененьких. Некоторое время назад я помог этому парню. Он принимал участие в соревнованиях яхт за какой-то несчастный никелевый кубок. Если бы он захотел, он мог бы купить весь никелевый завод, но он пожелал участвовать в гонках и выиграть урну, то есть никелевый кубок, что для меня одинаково. Но перед стартом его рулевой сломал себе руку.

Кеннеди чуть с ума не сошел. Я был неподалеку и вызвался помочь ему. Кубок мы выиграли. Так или иначе, он повез меня к себе и был счастлив без меры.

— Ты лучше расскажи мне свою историю, — предложил я, — иначе я просто не сдвинусь с места. Экки даже застонал.

— Послушай, приятель, это надо сделать дьявольски быстро. Пойдем со мной и по дороге я все расскажу, а?

Экки встревоженно посмотрел на меня.

— Я и сам толком не знаю. Насколько мне известно, в 12 часов позвонил в полицию слуга и сказал, что слышал в нижней комнате выстрел. Он был так напуган, что не решился спуститься и посмотреть. Ну, туда выехали копы. Надо сказать, что вы бы вообще не узнали об этом, если бы один наш парень не услышал этого разговора. Он немедленно позвонил ночью редактору. Тот начал действовать. Он послал туда Хаккеншмидта, но тот потом позвонил и попросил прислать подмогу. Кеннеди никто не видел. Но мы позвонили

туда, и он нам ответил. Но когда мы задали вопрос о выстреле, он бросил трубку. Наш с тарик чуть с ума не сошел: ведь Кеннеди — это новость и, может, даже сенсация. Он послал меня. Я попробовал проникнуть туда, но ничего не выгорело. Тогда старик приказал ехать за тобой.

— Может, я тоже не попаду туда?

Экки изумленно раскрыл глаза.

— Ты проникнешь! Тебя он впустит!

Я нажал на кнопку звонка. Он сам подошел к двери, и я убедился, что он взбешен. Я еще отлично помнил, что у него дьявольский характер.

— Входите быстрее! — приказал он, прикрывая дверь.

Я вошел в холл, и он протянул мне руку.

— Рад вас видеть! Где вы скрывались от меня, черт побери?!!

— Не стоит говорить об этом, полковник, — улыбнулся я. — Мне кажется, что сейчас вы сами попали в крупную переделку.

Он поморщился.

— Я сижу на бочке с порохом. Послушайте, Мейсон, вы готовы снова выручить меня?

— Конечно! Поэтому-то я и явился сюда.

— Пойдемте со мной, выпьем и поговорим.

Он провел меня в большую длинную комнату с погашенным камином и выставил на стол бутылку виски. Я огляделся по сторонам. Он жестом указал мне на кресло.

— Здесь дело похуже, Мейсон, — наконец, промолвил он. — Здесь замешана женщина. Я взял ее из одного места и теперь ломаю голову, как с ней развязаться.

— Вы хотите сказать, что она еще здесь?

Он посмотрел на меня и кивнул.

— Да... А почему вы думаете, я сижу здесь и позволяю этим макакам осаждать мой дом?

На мгновение я задумался, потом сказал:

— Полагаю, вам можно помочь. Ребята хотят видеть вас. Пока они не знают, что тут женщина. Вы должны принять их и поговорить, а я выведу даму черным ходом.

Кеннеди задумался. Я видел, что эта мысль ему вовсе не по душе, и понимал, почему.

— Обо мне не беспокойтесь, полковник. Я не наживаюсь на своих друзьях.

— Ну, я думал не об этом, — торопливо заметил он, — но вы ведь даже не знаете, кто она...

— Между нами говоря, с ней не все в порядке, не так ли, полковник?

Кеннеди утвердительно кивнул.

— Она сумасшедшая. Это она стреляла тут ночью.

Я удивленно уставился на него.

— Значит, тут был человек, в которого она стреляла?

— Да, — нерешительно подтвердил он. — Но это недо-
разумение. Она не справилась с собой, и пистолет выстрелил.

Я встал.

— Пойдемте, вы объясните ей положение. Я считаю, нам нужно поторопиться. Ребята могут потерять терпение.

Он встал и с беспокойством уставился на меня.

— Надеюсь, что она все поймет, — он стоял передо мной, как нашкодивший школьник перед директором школы. Затем решительно вышел из комнаты.

Глава 8

Минут через пять вернулся Кеннеди. Он подошел к окну, внимательно осмотрел собравшихся и резко повернулся ко мне.

— Я разговаривал с ней, — с трудом выдавил он из себя. — Она хочет, чтобы вы подготовили машину и ждали ее. Потом она выйдет. На машине она поедет сама, а вы останетесь.

Я подошел к двери и распахнул ее. Ребята бросились к двери.

— Полковник Кеннеди примет вас, ребята, — сообщил я. — Снимите шляпы, вытрите ноги, и да поможет вам Господь Бог!

Они промчались мимо меня в большую комнату. Я спокойно закрыл дверь и побежал к гаражу. Там находилось две машины. Я выбрал маленькую, включил мотор и побежал к дому.

— Прекрасная работа! — восхитился Кеннеди. — Вы снова избавили меня от неприятностей. Кажется, я навсегда попал вам в кабалу.

— Забудьте об этом, — скромно заметил я. — Разговор на такие темы вызывает у меня чесотку.

Он расхохотался.

— Я давно не видел вас и полагаю, что у нас будет о чем поговорить. Вы останетесь у меня на несколько дней. Что вы на это скажете?

Я призадумался, но он утвердительно кивнул.

— Вы останетесь, Мейсон, не возражайте!

— Что ж, не возражаю, — улыбнулся я.

Он взглянул на часы.

— Сейчас мы с вами позавтракаем, а потом я позволю своему человеку, чтобы он принес сюда ваши вещи.

Пока готовился ленч, мы успели принять душ и выпить. Ленч нам подали на небольшой веранде.

После ленча мы остались на веранде. Курили сигары, пили отличное бренди, разговаривали. Наконец, я решил начать нужный мне разговор.

— Я собираюсь приобрести немного акций, не могли бы вы дать мне совет?

Он начал перечислять кучу названий, которые мне ничего не говорили.

— А что вы думаете о «Маккензи Корпорейшн»?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Странно, но я недавно избавился от них.

— А что в этом странного? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как обычно.

— О нет, ничего, — он покачал головой и переменял тут же тему разговора. Неожиданно он обратился ко мне.

— Вы знаете, Мейсон, парень, вроде вас, должен известить семью.

Полгода назад я бы заржал в подобной ситуации, сейчас же я лишь кивнул и ответил:

— Да, было бы неплохо.

— Когда вы найдете себе подходящую девушку, я подарю вам эту усадьбу.

Я резко выпрямился.

— Будьте осторожны в своих словах. Я ведь могу понять серьезно.

На следующее утро я сообщил ему о своем решении.

Он усмехнулся:

— Полагаю, девушка у вас уже есть?

Я кивнул.

На следующее утро я возвратился в город и сразу же позвонил Марди. На мою просьбу позвать Марди Джексон грубый женский голос рявкнул:

— Мисс Джексон больше здесь не работает!

Я задумался. Значит, не работает. Почему? Сама ушла или ее выгнали? Я почувствовал на себя злость, что долго прохладждался у Кеннеди. Где теперь ее искать?

Когда мы с Экки пришли к Гудсону, все были уже в сборе.

Там было человек шестнадцать. Дым стоял столбом. Нас встретили оглушительным ревом. Гудсон бросился к нам навстречу и крепко пожал руки.

— Ник, я рад, что ты пришел! — выпалил он.

Гудсон провел меня по комнате и представил собравшимся. Большинство были из «Глобуса». Он сунул стакан с виски мне и занялся Экки. Я подсел к рыжей симпатичной женщине. Ее звали Даун Миррей. А когда я спросил ее о настоящем имени, она захихикала и не ответила.

Лучше всего ясен характер вечеринки, если пары по очереди удаляются на кухню. Я решил выйти и посмотреть. Едва я вышел, как налетел на пару, застывшую в объятиях. Значит, все в порядке.

— Если она укусит тебя, — обратился я к парню, — позови меня на помощь.

Он с трудом оторвался от своей подружки.

— Держу пари, что твоя мать считала тебя умником, — холодно ответил он.

Неожиданно открылась дверь и вошла... Марди.

Я не поверил своим глазам и уцепился за бедро, но она не исчезла. Позади нее находился парень с вьющимися волосами и с фигурой, которая сводит женщин с ума. Красивый парень, ничего не скажешь!

Я скрылся за облаком дыма и с любопытством спросил Гудсона:

— Кто эта дама?

Он вскочил:

— Я не знаю... но сейчас выясню. Каков персик, а?!

Он подошел и поздоровался с высоким парнем. Я вдруг вспомнил, что я выше этого парня... и разозлился.

Гудсон остановил танцы и представил новую пару. Я встал и протянул руку. До этого Марди не замечала меня, но теперь я встал прямо перед ней. Она побледнела.

Гудсон торжественно произнес:

— Познакомьтесь с Ником. Он вам понравится. Он очень много сделал для развития женских общественных организаций, гораздо больше других мужчин, вместе взятых. Плохо только то, что он слишком хорошо относился к женщинам, а это им не нравится, потому что они любят порочных мужчин.

Я не старался вслушиваться в его трепотню. Марди без слов пыталась что-то мне подсказать. У нее были широко раскрытые глаза, в которых я прочитал испуг.

— Ник, — сказал Гудсон.

Это...

Но Марди не дала ему договорить.

— Барри, а кто тот забавный коротышка? — с натуральным любопытством поинтересовалась она.

Гудсон улыбнулся.

— Это Экки Мо! Самый маленький газетный ястреб на свете. Пойдемте, я вас познакомлю.

Он увел ее от меня и подвел к Экки. На мгновение я задумался. Во-первых, Марди не хотела, чтобы «вьюнок» знал мое имя. Я сложил все факты вместе и попал в точку. Я хотел подойти к ней и поговорить, но она, вероятно, не хотела, чтобы Куртис что-нибудь заподозрил.

— Ты вполне можешь уделять мне побольше внимания, — промурлыкала Даун, — этой брюнетке не до тебя. — Это подошедшая Миррей, захотевшая со мной потанцевать.

— Милый, — продолжала она, — потанцуй со мной. Сожми меня в своих крепких мужских объятиях.

Я с радостью сжал бы ей шею, но решил, что лучше смешаться с толпой. Марди и Куртис разговаривали в углу с Гудсоном. Куртис стоял спиной ко мне, а Марди не сводила с меня взгляда. Вечеринка была в разгаре. Марди танцевала с Гудсоном. Я собрался разъединить их, но тут в холле звякнул телефон.

— Послушай, пожалуйста, — попросил меня Гудсон.

Я послушно вышел в прихожую и взял трубку.

— Квартира Гарри Гудсона? Хэлло? — раздался женский голос.

— Да.

— Мистер Куртис там? — спросил тот же голос.

— Одну минуту, — сказал я и направился в гостиную.

Куртис и Экки болтали с какой-то испанкой. Я быстро подошел к ним.

— Тебя к телефону, — обратился к я курчавому.

— Ты уверен? — удивился он.

— Если ты Куртис, то уверен.

Он кинул на меня быстрый взгляд. Я заметил, как тщательно он закрыл за собой дверь, и стал искать взглядом Марди. Прежде чем я нашел ее, ко мне на коленки забралась испанка. Черт бы побрал всех похотливых баб?

К тому моменту, когда я сумел выбраться из-под нее, в комнату вернулся Куртис. У него был вид сумешедшего.

— Прощу прощения, — он подошел к Гудсону. — Я должен уехать.

— Ну, что ж, — развел руками Гудсон и тут же забеспокоился. — Надеюсь, ты не забереешь Марди: она отличная напарница в танце.

Я подошел поближе, чтобы лучше слышать. Куртис взглянул на Марди.

— Отвезти тебя домой? Или ты хочешь остаться? Черт возьми, так жаль...

— Я останусь, — сказала она, — а ты иди. Может, еще вернешься.

Он колебался. Я видел, что ему страшно не хочется уходить и он злился.

— Я сам отвезу ее домой, — заявил Гудсон. — Не беспокойся.

— Ладно. Завтра увидимся, — бросил он на прощание Марди и быстро направился к выходу.

— Хочу джина с лимоном, — закокетничала Марди, обращаясь к Гудсону.

— Сейчас, — засуетился он, — подождите одну минутку.

Я мгновенно очутился возле Марди, надеясь, что Даун надолго задержит Гудсона на кухне.

— Я хочу с вами поговорить, — произнес я. — Вы не будете возражать, если я вас провожу домой?

Она кивнула, и я почувствовал облегчение.

Глава 10

За время короткого путешествия от дома Гудсона до моей квартиры мы не произнесли ни слова. Мне казалось невероятным, что она сидит со мной рядом и едет ко мне. Я так мало ее знал.

Мы не спеша поднялись по лестнице, и я нервничал, как бы мой сосед не вздумал торчать у двери. Но было уже два часа ночи, и он уже спал.

Она вошла в комнату и огляделась.

— У вас очень мило... не думала, что у вас так много книг.

Она подошла к миниатюрному бару в углу и я присел к ней. Меня как магнитом притягивало к Марди.

— Что желаете выпить? — спросил я. — Может быть, немного рисовой?.. и спать.

Она снова посмотрела на меня. Я понимал, что она немного сомневается во мне. Просто не совсем уверена во мне.

Я улыбнулся ей.

— Детка, можете не опасаться меня. Я знаю, о чем вы подумали, но можете выкинуть это из головы. С другими — да. Но с вами — нет. И полагаю, что вы бы никогда не явились сюда, если бы не нуждались в помощи, а я готов помочь.

Ее взгляд смягчился.

— Чуть-чуть рисовой с имбирем, — прошептала она.

Она вытянулась в кресле и иногда искоса бросала на меня вопрошающий взгляд.

— Мне необходима ваша помощь, — наконец, заговорила она.

— Я помогу вам, если у вас неприятности.

— Почему вы хотите мне помочь, мистер Мейсон?

На такой вопрос надо было отвечать честно.

— Потому что я безумно люблю вас. Вы первая девушка, с которой я могу нормально разговаривать. Вы первая девушка, которая для меня все... и... В общем, не могу объяснить... О, черт! Я люблю вас, Марди!

Она расхохоталась.

— Вы сумасшедший, но милый... Спасибо за то, что вы так меня цените. Мне нужен человек, который смог бы сказать, вернее подсказать, что мне делать. Я считаю мне повезло, что я вас встретила.

Вы слышите?! Она считает, что ей повезло, что она встретила меня! Нет, я вас спрашиваю!

— Я могу попросить у вас сигарету?

Она могла попросить у меня душу. Луну! Я дал ей закурить.

— То, что случилось со мной, какое-то сумасшествие, — начала Марди. — Я начну сначала. Вы помните тот день, когда вы пригласили меня на ленч?

— Когда я вернулась обратно, меня вызвал Спенсер. Он был в ярости от того, что я пошла с вами. Я только не могла понять, почему он говорит об этом. Я разозлилась и заявила ему, что могу ходить куда и с кем угодно. Он меня уволил. Я была настолько зла, что сразу же ушла. Вернувшись к себе, я застала там Ли Куртиса. У нас в конторе его не любили, и я не слишком обрадовалась, увидев его. Он сказал, что Спен-

сер хочет, чтобы я вернулась обратно. Он просит прощения. Но я все еще была зла и, зная, что смогу найти кое-что по-лучше, сказала «нет». Куртис стал уговаривать меня, наконец, предложил повидаться со Спенсером. Это показалось мне подозрительным. Я не понимала, в чем дело, но он буквально умолял меня, и я пошла, — она неожиданно вздрогнула. — Я и сейчас вижу это. Он сидел за своим большим столом, был бледен и имел вид, будто собирался придушить меня. «Вы пожалеете об этом, — сказал он ужасно спокойным, но зло-вещим голосом. — На вашем месте я покинул бы этот го-род». Он ужасно испугал меня и я не спала всю ночь. А на-утро я заметила, что за мной следят. Высокий худой парень в черном буквально преследовал меня, и я не выдержала. Я решила уехать из города.

Она сложила красивые руки на красивых коленях и за-думалась.

— Я считала себя ужасно глупой. Я попросила хозяйку отправить вещи на вокзал, а сама стала разъезжать по горо-ду, надеясь, что мне удастся ускользнуть от высокого худого парня, но я попала на глаза Куртису и тот приклеился ко мне. Для него не существовало слова «нет». Он весь день таскался со мной и притащил меня к Барри Гудсону. Вот и все.

На этот раз я закрыл глаза и задумался.

— Как по-вашему, зачем он меня туда привел? А за-тем ушел?

— Куртис вас любит? — поинтересовался я.

Она смутилась:

— Раньше он приставал ко мне. Но я не исключение — он пристаёт ко всем девушкам.

Я мог назвать массу причин, зачем Гудсон, вернее Кур-тис, привел ее на вечеринку, но не сказал ни одной. Спенсер решил избавиться от нее, а Куртис решил наоборот, спасти ее? Если он такой добрый, то, возможно, что он оберегал ее. Он привел ее к Гудсону, понимая, что там она будет в без-опасности. Все зависит от того, как много она знает секре-тов корпорации.

— Давайте я расскажу вам все об этом деле, — предло-жил я, — а потом вы увидите, куда попали.

— Я попала?

Я невольно улыбнулся.

— Да, боюсь, что попали, — я закурил сигарету. — Я расскажу так, как будто вы ничего не знаете. Это поможет вам многое понять, если вы и в самом деле ничего не знаете. Начну с начала. Почти год назад был убит Ларри Ричмонд. Это был богатый парень, который называл себя президентом «Маккензи Корпорейшн». Он был президентом не больше, чем я, но в данном случае это не имеет значения. Его главной ролью было распределение акций среди богатых друзей. В этом он преуспевал и не потому, что был хорошим бизнесменом, а потому, что была большая прибыль. Акции поднимались в цене, и все были довольны. «М. Ф. К.» была ширмой для некоего нелегального промысла, хотя в списке акционеров числялся комиссар полиции и другие влиятельные лица. Ричмонд был осторожным парнем. Пока каждый покупал акции под благовидным предлогом, все было в порядке. О'кэй. Это первая часть.

Факт, что Ричмонд никогда не появлялся в конторе, говорит о том, что главным махинатором являлся Спенсер.

Я встал и налил себе виски. Марди была пока спокойной. Правда, она немного побледнела и выглядела усталой.

— Потом Ричмонда устранили. Самое плохое в том, что устранил его Спенсер. Я полагаю, ему надоело делать всю грязную работу и смотреть, как Ричмонд лишь тратит денжки. Если бы Спенсера обвинили от имени корпорации, все было бы хорошо. Акционеры поддержали бы его. Не знаю точно, но могу догадаться, что там случилось. Они собрались, подумали и решили найти подставное лицо. Это единственное решение, которое они могли принять. Дальше Ричмонд был падок на женщин и не пропускал ни одной юбки. Его устраивала любая симпатичная женщина. Он даже не брезговал уличными проститутками. И перед смертью он как раз был связан с одной из них, а эта пташка обычно ходила с парнем по имени Бесси. Они так быстро состряпали липу, что Бесси и очухаться не успел. Копы сфабриковали дело, юристы поддержали, судьи — тоже. Чтобы все выглядело солидно, они подготовили и эту шлюху выступить против Бесси.

Вот тут-то я и вошел в это дело. Обычно дела об убийствах не моя стихия. Однажды ночью мне позвонила дама и сказала, что пришлет мне приглашенный билет на казнь Бесси. Она просила меня узнать, что скажет в «последнем слове» Бесси, и обещала десять тысяч за разоблачение этой липы. Ну, хорошо, я простак. Я пошел и попал к Бесси. Прежде чем он умер, он сказал мне, что стрелял Спенсер. Я

сообщил это таинственной женщине и получил пять тысяч. Прежде чем я успел привыкнуть к этим деньгам, Блонди — проститутка Бесси, утащила их у меня из-под носа. Я поступил, как Фил Бенс, и разыскал ее. Мы едва успели перекинуться несколькими словами, как появился Эрл Кан — это телохранитель Спенсера. Парень вооружен до зубов и умеет пользоваться оружием. Его интересовало, кто втянул меня в это дело. Этот тип был груб со мной, но поверил моей умело состряпанной лжи.

После долгих раздумий я решил прекратить интересоваться этим делом. Я миролюбивый парень, а дело оказалось волнующим. В конце концов я спросил себя: какое мне дело до Бесси, ведь он был негодяем. Я так и сказал этой женщине, когда она мне позвонила в очередной раз.

Эта дама очень заинтересовала меня. Мне хотелось узнать, кто она. У меня возникла такая возможность, но я ее упустил. Сейчас я рассказываю вам об этом просто как о факте. Следующим толчком для меня стали вы. Я хотел видеть вас и когда узнал, что вы исчезли, страшно разволновался. А теперь я нашел вас и решил на этом остановиться, — я облегченно вздохнул.

— Я думаю, что смогу вам помочь, — заметила Марди. — Немного было такого, чего я не могла понять, а теперь я думаю, что смогу.

— Может, поговорим об этом... — начал я.

Она очаровательно улыбнулась и у меня екнуло в сердце.

— Давайте отложим до завтра? Я так устала, — она взглянула на часы. — Мне кажется, я могу уснуть прямо в этом кресле.

Я принес ей свою пижаму и халат. Положив их на тумбочку, я стал раскладывать постель. А она стояла у двери и совсем спокойно наблюдала за моими действиями.

— Вы очень добры ко мне, — произнесла она. — Вы отдали мне свою собственную постель.

— Ну, в этом нет ничего особенного.

Голос мой дрогнул, и она бросила на меня быстрый взгляд.

— Простите, что я не могу делать то, что делают в таких обстоятельствах другие девушки. Не потому, что я считаю это дурным тоном, а потому, что это слишком рано...

Я подошел к ней поближе.

— Вы прелесть! Я не хочу этого. Я лишь хочу, чтобы ты знала, что я безумно люблю тебя. И я помогу вам всеми силами.

— Спасибо! — она крепко сжала мою руку.

Я улыбнулся ей и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Там меня поджидали громила и Джо. Громила держал в руке автоматический пистолет.

— Подними лапки кверху, мальчик!

Глава 11

Вовремя они меня прихватили! Я прислонился к двери и поднял руки. У громилы было что-то такое в глазах, что мне не очень-то понравилось. Я чувствовал, что он жаждет рассчитаться со мной. Знал ли он, что за моей спиной находится Марди? Явился ли он за ней или ему нужен я?

— Как себя чувствуешь, Джо? — спросил я. — Вы все ищете поклонников, перед которыми можно помахать оружием, ребята?

Громила махнул в мою сторону пистолетом.

Отойди от двери, гад! Мы пришли повидаться с дамой. Отойди... Я не привык повторять дважды!

— Марди, закрой скорее дверь на цепочку! — закричал я.

Джо решительно шагнул ко мне, стараясь не закрывать собой пистолета громилы. Я спокойно стоял на месте.

— Убери его! — приказал громила. — Если он начнет хрюкать, я убегу его.

Джо схватил меня за руку и стал оттаскивать от двери, но я был слишком тяжел для него. Я схватил его в объятия, как родного брата, и прижал к себе, но он почему-то не выражал желания обняться со мной.

— Запрись же быстрее! — заорал я.

— Пора, буркнул Джо и дернул дверь спальни.

Дверь была заперта. Да, такую дверь без шума не открыть.

— Может быть, вы отвалите отсюда, скоты? Я вас не звал и как-нибудь обойдусь без вашей помощи?

Громила засмеялся.

— Не бойся, мы только прихватим ее с собой и сразу смоемся.

И он решительно подошел к двери.

— Эй, сестренка, ты нужна нам на десять секунд! — заорал он. — Выйди в коридор, иначе твоему дружку будет плохо.

— К черту их, Марди! Оставайся там! Открой окно и кричи!

Джо врезал мне по зубам, а громила вежливо постучал в дверь.

Одну минутку, — заявил он. — Пока шума не поднимай, а то потом сама будешь жалеть. Я знаю, что ты там. Тебе не удрать. Ты меня слышишь?

— Слышу, — раздался твердый голос Марди.

— Если ты не выйдешь, я сделаю кое-что с твоим другом, и он уже никогда не доставит тебе удовольствия. А я сделаю, раз пообещал. Даю тебе десять секунд...

— Не выходи. Марди! Открой ок...

Джо снова врезал мне по зубам.

Раздался шум поворачиваемого ключа, и Марди вышла в коридор. Громила и Джо изумленно уставились на нее. Одной рукой она держалась за ручку двери. Ее прекрасное лицо побледнело, но она была спокойна и не выглядела испуганной курицей.

— Что вам угодно? — хладнокровно спросила она.

Громила обрадованно шагнул вперед.

— Ну и ну! Ты просто куколка! Мы хотим с тобой немного прогуляться по свежему воздуху. Одевайся и пошли. Марди направилась ко мне, но громила преградил ей путь.

— Мы не хотим выглядеть невежливыми, но...

Она взглянула на меня, а я лишь слабо улыбнулся ей. Она пожала плечами и стала одеваться.

— Великолепно! — воскликнул громила. — Раз вы так хорошо себя ведете, Джо не тронет этого производителя. Слышишь, Джо? А, может, и его прихватим, а?

— Обязательно, — ухмыльнулся Джо.

Мы спустились вниз. На улице нас ждал большой черный закрытый автомобиль.

Сначала я никак не мог понять, куда мы едем, но потом до меня донесся знакомый вой сирен, и я понял, что мы едем по Венеди-Уорф.

Нас привели в комнату. Джо усадил меня на стул. Громила вышел. Затем дверь отворилась, и в комнату вошел высокий плотный мужчина. Рядом находился громила.

Мужчина остановился рядом с Марди.

— Сожалею, что так получилось, но вы сами выбрали этот путь.

Голос его был холоден и тверд.

— Но, мистер Спенсер... — начала она и остановилась. Так вот он такой, Лу Спенсер! Я внимательно оглядел его. Это был плотный мужчина средних лет. Его черные усы

резко контрастировали с белыми волосами. Он был несколько полноват и выглядел усталым.

— Стул для леди! — приказал он Джо.

Когда Марди села, он повернулся ко мне.

— Так вы, значит, Мейсон?

— Да, — согласился я. — Если это ваш способ знакомиться, я не возражаю. Может быть, мы все же прекратим играть в кино?

Спенсер уселся на резной письменный стол.

Он в задумчивости пожевал сигарету.

— Вы влезли в мое дело, Мейсон, — наконец, рдил он. — Вы и эта девушка можете доставить мне массу неприятностей. Вы можете расстроить некоторые мои планы. Если мы не придем к соглашению, я боюсь, что вам придется плохо.

Голос его звучал спокойно, но мне не понравился его тон.

— Может быть, нам лучше положить карты на стол? — предложил я.

— Выйдите, вы двое, — приказал он, уставившись на Джо. — Если вы понадобится, я вас позову.

Когда они вышли, он начал прохаживаться по комнате. Я чувствовал, что он чрезвычайно озабочен.

— Послушайте, — заговорил он. — Я хочу знать, кто стоит за всем этим. Кто готов заплатить вам 10 тысяч долларов, чтобы доставить мне неприятности.

Еще бы ему не хотелось узнать это? Но моя помощь в этом ему не нужна. Я уже кое-что сообразил.

— Можете мне поверить. Я и сам задавал себе этот вопрос.

Он встал напротив меня.

— Я подозреваю, что вы знаете нечто такое, что могло бы дать мне ключ. И прошу рассказать мне про это, — я начал было говорить, но он покачал головой. — Не спешите. Сперва подумайте. Если вы позабыли, я освежу вашу память.

— Я уже говорил, что получил записку, напечатанную на машинке. И не имею понятия...

— Как вы думаете, мужчина это или женщина?

— Я же сказал, что не могу вам в этом помочь.

— Очень жаль, — он пристально посмотрел на меня и подошел к двери. — Джо, быстро сюда!

Мгновенно появился Джо и застыл у двери.

— Мне кажется, что этот парень кое-что знает, но сейчас забыл. Ты не можешь помочь ему вспомнить?

Марди опрометью вскочила и бросилась ко мне, но Джо поймал ее за руку и откинул в сторону.

— Послушайте, — предупредил Спенсер. — Джо мастер своего дела.

— Скажите этому вонючему подонку, чтобы он не смел к ней прикасаться, — с трудом выговорил я, закипая от злости.

— Вы напрасно теряете время, — холодно заметил Спенсер и кивнул Джо. — Действуй, Джо. Начни, пожалуй, с нее.

Джо игриво подморгнул мне и двинулся к Марди. Она вскочила с места и набросилась на него, молотя своими кулачками, но ее силенок было явно маловато для обработки такого мордворота.

— О'кэй, — быстро произнес я. — Не трогайте ее.

— Остановись, Джо, — распорядился Спенсер. — Кажется, к нему возвратилась память. — Он повернулся ко мне. — Так мужчина это или женщина?

— Женщина.

— Откуда вы это знаете?

— Она звонила мне по телефону.

— О'кэй, Джо, выйди на время, — сказал Спенсер. — Как звучал ее голос?

Я пожал плечами.

— Полагаю, она изменила его. Твердый, металлический, какой-то неестественный.

Он прошелся по комнате и остановился возле меня.

Значит, вы утверждаете, что это женщина? Ладно, будем искать эту женщину.

Я молчал. Он взглянул на Марди, потом на меня.

— Что касается вас обоих... — он пригладил волосы. — Вы не представляете, куда вы лезете. Послушайтесь моего совета и держитесь подальше от этого дела. Если эта женщина позвонит вам еще раз, то дайте мне знать. Если вы поможете мне ее найти, я дам вам гораздо больше десяти тысяч.

— Во всяком случае, меня это тоже очень интересует.

— Еще бы! Не сомневаюсь, — вымолвил он. — Но мне все же кажется, что вам лучше уехать из города. — Он повернулся к Марди. — А вы, оказывается, очень умны, детка. Вам лучше работать у меня.

Спенсер, не прощаясь, вышел из комнаты, а Марди вопросительно посмотрела на меня.

— Милая, освободи меня. Мне не нравится быть связанным.

Она с трудом развязала узлы. Вошел громила с пистолетом.

— Вы свободны, — развязно произнес он. — Можете сматываться!

Глава 12

Проснулся я в полдень. Некоторое время я не мог сообразить, где я нахожусь, потом вспомнил и печально улыбнулся.

Солице светило вовсю. Марди спала в моей постели в соседней комнате. Я встал и направился в ванную. Холодный душ быстро привел меня в чувство.

Я постучал в спальню, ответа не последовало.

— Эй, детка, вставай!

Она уселась на кровати и недоуменно взглянула на меня. Некоторые дамы по утрам выглядят, как мегеры, но, к счастью, Марди не относилась к их числу.

— Дайте мне две минуты, и я присоединюсь к вам.

Она накинула халат и проскользнула в ванную. Я принес завтрак и поставил его рядом с кроватью на столик.

Через пару минут она уже вернулась.

— Как вы спали, без привидений? — спросила она и снова залезла под одеяло.

— Отлично! — похвалился я. — А как вы себя чувствуете?

— Сейчас хорошо. А ночью думала, что умру, так устала.

Я протянул ей чашку кофе. Она взяла ее, старательно избегая встречи с моими глазами.

— Я очень рад, что мы с вами побывали в этой переделке. Я бы не хотел, чтобы вы одна попали в лапы этих мерзавцев.

— Я тоже рада, — прошептала она, не поднимая глаз. — Вы хотите поговорить со мной о прошлой ночи?

— О чем тут говорить?

— Вы считаете, что все будет в порядке?

— Не знаю. Я все время ломаю голову над этой загадкой и никак не могу взять в голову, чем же мы так обеспокоили Спенсера? Но так или иначе, нам надо забыть об этом деле. А вы как считаете?

Она нахмурилась.

— Боюсь, что нам не так-то легко будет избавиться от всего этого, и я опасаясь, что вы замешаны в этом деле гораздо больше, чем думаете.

Я закурил.

— Все это началось недавно, — промолвила она. — Мне кажется, я знаю эту женщину.

— Знаете?! — я аж вскочил.

Она кивнула.

— Да. Я думаю, это Сара Спенсер, жена Лу Спенсера.

— Боже мой!

— Вы бы не удивились, если бы знали столько, сколько я была личным секретарем мистера Спенсера и часто бывала у него дома. Он работал допоздна. Сара все это время болталась рядом. Он безумно ее любит, а она его обманывает. Видите ли, мне известно, что одним из ее любовников был Бесси.

— Я не могу поверить этому!

— И тем не менее, это факт. Она обожала его. Сара из тех женщин, которые любят грубую мужскую силу, и Бесси много значил для нее. Когда его казнили, она чуть не сошла с ума. Я два дня работала в доме Спенсера и видела это. Она гоняла нас и придиралась к каждой мелочи. Убедена, что она ненавидит Лу.

Я сел на постель.

— Вы открыли передо мной двери. Значит, она хочет, чтобы Лу осудили. Этим она отомстит за Бесси и будет свободна. Она не может открыто объявить, что это Лу прикончил Ричмонда. Поэтому она наняла меня по телефону и заставила рыться в грязи, — тут я задумался. — Да, ей было легко узнавать о событиях и передавать их. У нее было достаточно удобных случаев, чтобы узнавать планы Лу. К тому же она богата.

— Она напропалую крутит с мужиками, — сообщила Марди. — Сейчас она крутится с Куртисом. Он, как вы знаете, работает помощником у Лу и говорит ей все, что узнает и что ее интересует.

Неожиданно я вспомнил о Кеннеди. Неужели он тоже ее любовник? Похоже, что да.

— Ничего. Пусть теперь ищет другого дурака.

Марди кинула на меня быстрый взгляд.

— Вы не знаете Сары. Она не даст вам выйти из игры. Я боюсь.

— Не бойтесь, — я улыбнулся и взял ее за руку.

— Но вы ее не знаете, как знаю я. Она очень опасна, и ее ничто не остановит.

— Ну что ж, поживем — увидим. Перед стартом невред-

но передохнуть. У нас и так есть над чем поломать голову. У меня куча планов, но что мы будем с ними делать?

Она не делала попыток отнять свою руку. Мы долго смотрели друг на друга, затем она мило улыбнулась.

— Надо что-то делать, Ник. Я не могу оставаться у вас. Это может плохо кончиться для нас обоих.

— Я был бы счастлив, если бы вы всегда были со мной. Она покачала головой и отняла руку.

— Не надо так говорить.

— Я знаю. Я не говорил бы так, если бы не вы. Я пытаюсь что-нибудь придумать, а вы ускользаете от меня, — я замолчал, потому что понял, что словами ничего не передашь.

Она поняла, что я имею в виду.

— О чем вы думаете? — мягко спросила она.

— О вас. Я бы не начинал этого разговора, если бы не думал о вас. Поэтому и думаю, что нам с вами надо продолжить...

Я встал. Все это было бесполезно, и я не сумею ей это объяснить как следует.

— Ник! — крикнула она и заплакала.

Я подбежал к ней и обнял, почувствовав, как она вся дрожит.

Будьте ко мне добры, — прошептала она сквозь слезы. — Вместе у нас будет плохая, страшная жизнь.

Я лег рядом с ней. Ее головка лежала на моем плече. Когда она кончила плакать и немного успокоилась, я спросил:

— Как вы смотрите, если мы с вами поженимся? Вам нравится эта идея?

Она долго молчала и лишь грустно вздохнула.

— Вы это серьезно? — она подняла голову и взглянула мне прямо в глаза.

— Несомненно. Это то, что я желаю больше всего в жизни.

Она покачала головой.

— Вы сумасшедший, Ник. Вы действительно, хотите жениться на мне?

— Что с вами, детка? — я это спросил потому, что видел, как она напугана. Кажется, на этот раз она боялась, что я передумаю.

Но она неожиданно улыбнулась:

— А ведь вы еще не целовали меня.

— Я не буду этого делать. Только тогда, когда вы выйдете за меня замуж.

— Тогда поцелуйте меня.

Час спустя мы строили различные планы, и тут я вспомнил предложение Кеннеди.

— У меня есть на примете одно место, — произнес я. — Тебе оно должно понравиться.

— Где?

Я рассказал ей.

— Нет, Ник, мы туда не поедем.

— Ты же не видела этого местечка.

— Я не об этом. Пока я не могу ни с кем встречаться.

— А я и не прошу тебя. Там никого нет.

— Тогда я согласна.

— После четырех безуспешных попыток мне удалось дозвониться до Кеннеди и все выложить ему. Он оказался отменным парнем, и мы обо всем договорились.

Глава 13

Неприятности начались спустя четыре дня после нашего переезда в дом Кеннеди. Эти четыре дня были самыми счастливыми в моей жизни. У нас был дом, и мы любили друг друга.

Первый сигнал опасности принес почтальон. Мне возвратили обратно три статьи. Я удивленно уставился на них.

Из кухни выплыла Марди с подносом. Увидев мое удивленное лицо, она остановилась, поставила поднос на стол и подошла ко мне.

— Что случилось?

— Не знаю. Вероятно, произошла ошибка.

— Какая ошибка?

Я протянул ей статьи.

— Может быть, они недостаточно хороши?

Я сказал, что выясню. Возможно, и так. Но я-то понимал, что творилось что-то не то, и мне это не понравилось.

— Понимаешь, милая, если так будет продолжаться, через неделю я стану банкротом.

— Ты хочешь сказать, что у тебя не будет средств?

— Ну, да — проронил я.

— Не беспокойся, — прижалась она ко мне. — Нам много не надо.

После завтрака я прошел в кабинет. Я проверил счет в банке и оказалось, что он меньше, чем я полагал. Я снял

трубку телефона и заказал междугородный разговор с редактором. Он отвечал уклончиво и заявил, что это не телефонный разговор и что неплохо было бы, если бы я приехал в город.

Я пошел к Марди и нашел ее в саду, где она поливала цветы.

— Мне надо уехать в город, — заявил я. — Это из-за статей. Я хочу поговорить с редактором.

— Можно мне поехать с тобой? Я не буду тебе мешать. Я покачал головой.

— Нет, не стоит. Я хочу, чтобы ты была подальше от этих типов. Не беспокойся, я там долго не задержусь.

— Я приготовлю к твоему приезду вкусный ужин, — обещала она. Я видел, что ей страшно не хочется оставаться одной.

Я подошел к ней ближе и нежно прижал к груди.

— Что тебе привезти из города?

— Нам надо экономить деньги, — заметила рассудительно Марди.

Я рассмеялся:

— Наши дела не так уж плохи.

— Все равно, ничего не надо.

— Ты моя умница.

— Ты любишь меня?

— Больше жизни... Особенно вечером и ночью.

В город я приехал в 12 часов. После нашей патриархальной тишины здесь казалось шумно.

Джонсон ждал меня у входа в «Глобус». Мне показалось это немного странным, но я ничего не сказал. Когда мы ехали в такси, мне показалось, что он боится, что его увидят рядом со мной.

— Ты, меня удивляешь, — произнес я.

Он нервно поправил галстук.

— Да, возможно, мне придется пожалеть о нашей встрече.

— Хорошо. Давай сперва выпьем, а потом ты мне все расскажешь. Идет?

— Да.

— Как самочувствие?

— Ничего.

— Как жена?

— Прекрасно, — вяло ответил он.

Дальше мы ехали молча. Я начинал кое-что понимать. Мы зашли в небольшой ресторан на тихой улочке.

Выпили.

— Ну, так в чем дело?

— Мне чертовски жаль, Мейсон, но мы больше не можем печатать твои материалы.

— Не можете или не хотите?

Он избегал моего взгляда.

— Я тут ни при чем, — расстерянно и торопливо проговорил он. — Я получил указание от старика.

Так, похоже, что Спенсер решил убрать меня с дороги. Я знал, что шел против сильных мира сего. Вероятно, придется уматывать в другой штат.

Я купил Марди пару шелковых чулок и быстро поехал обратно, предвкушая встречу с любимой. Приехав домой, я поставил машину на место и направился к дому. Марди почему-то не вышла мне навстречу. Я вошел в столовую. Там горел свет.

Когда я начал подниматься по лестнице, то заметил нечто такое, что заставило меня похолодеть от ужаса. Я попытался убедить себя, что я ошибся, но ошибки не было. Нагнувшись, я провел рукой по ступенькам. Да, это были два свежих пятна крови. Не соображая, что делаю, я принялся мыть руки. Я не знал, что предпринять, и просто стоял и держал в руках полотенце.

— Боже! — взмолился я. — Не дай им убить ее!

Я говорил себе, что необходимо подняться наверх, но никакая сила не могла сдвинуть меня с места. Но страх внутри меня постепенно проходил. И первое потрясение сменилось раздумьем.

Я вышел на кухню и стал осматривать пятна крови в гостиной: они были возле стены. Нагнувшись пониже, я заметил две вмятины в пятнах. Они напоминали следы от каблуков.

Я мысленно представил себе Марди, прижавшуюся к стене, и Кана напротив нее. Я ощутил такую слабость, что сел прямо на пол.

Потом я встал и выпил большой бокал виски. Выпив, я подошел к телефону и набрал номер.

— Приезжай ко мне побыстрей, — попросил я Экки.

Молодец парень, он всегда чувствует, когда ты в беде, и не задает глупых вопросов и не дает ненужных советов. Я понимал, что сейчас ничего не смогу объяснить по телефону.

— Не волнуйся, я уже выехал, — успокоил меня Экки.

Если он будет ехать быстро, то через короткое время он будет здесь. Я снова налил виски перед тем, как подняться наверх.

Стоя внизу, я понял, как много значила для меня Марди. Поднимался я очень медленно и на площадке мне вновь стало плохо.

Я долго собирался с духом, после чего медленно направился к нашей спальне. Открыв дверь, я включил свет, но не сразу вошел туда, а сперва осмотрелся. Затем я перевел взгляд на кровать и кровь застыла в моих жилах. На белом покрывале выделялось кровавое пятно. Она лежала там, покрытая простыней. Я видел очертания ее тела. Там, где должна была быть голова, простыня просто промокла от крови.

Я прислонился к косяку и смотрел, смотрел... Затем я начал проклинать Спенсера, его жену. Кана и всю их вонючую банду. Я хотел добраться до них и голыми руками задушить и разрезать на части. Мне было наплевать, что будут делать прихлебалы Спенсера после этого. Главное — убить эту гниду!

Хотя я и понимал, что Марди этим не вернешь. Если бы я остался с ней! Или взял ее с собой! Если бы я не уехал, мы умерли бы вместе. Я знал, что ей было бы легче рядом со мной. Я не стал входить в комнату, а выключил свет и снова спустился вниз. Я сел в гостиной и закурил. Так я и сидел, пока не явился Экки.

Он молнией влетел в дом.

— Что?!

Я открыл и закрыл рот, но не издал ни звука. Он сильно встряхнул меня.

— Марди? Что случилось с Марди?

Я с трудом собрал остатки сил и воли.

— Они убили, убили ее, Мо.

Экки не поверил моим словам.

— Они не могли этого сделать. Возьми себя в руки, Ник! Они не станут убивать ребенка вроде нее. Давай выпьем.

Я схватил его за руку и потащил наверх. Включив свет, я подошел к кровати.

— Боже мой! — прошептал в ужасе Экки.

Я сдернул простыню и замер. Пол заходил у меня под ногами. Я ухватился за Экки, чтобы не упасть. Мы молча переглянулись. Даже в смерти Блонди смотрела на нас подозрительно. В ее глазах застыл ужас. Маленькая дырочка под левым соском подсказала нам, что она мертва.

Если вас подловили в маленькой комнате да еще наста-вили на вас пистолет, вам лучше оставаться на месте и чи-тать про себя молитвы.

Я сделал еще лучше.

Будто катапульта бросила меня через комнату прямо на Кана. Его пушка отлетела куда-то в сторону. Я мельком по-думал, что Экки достаточно сообразителен, чтобы подобрать то, что упало.

Кан был силен, но недостаточно ловок. А сила — не главное в таких схватках.

Я связал Кана, а Экки стоял у изголовья и наблюдал.

— Ты безумец, Мейсон, — презрительно пробормотал Кан. — Неужели ты думаешь, что я тебе что-то скажу?

У меня не было настроения в дискуссии, и я врезал ему по рубильнику. Из носа Кана заструилась кровь. Я подсел к нему поближе.

— Мне все равно, что придется с тобой сделать, но гово-рить я тебя заставляю. Где моя жена? Где Марди?

Он не знал этого, и я ощутил разочарование, когда убе-дился, что он не лжет.

— Ладно. Пойдем другим путем. Что скрывается за вы-веской «Маккензи»?

— Пошел к черту! — он еще не понял, что я не шучу.

Экки подошел поближе. Я попросил его сесть на ноги этому недоделанному, и он исполнил мою скромную просьбу. Я с удовольствием стал обрабатывать Кана, пока мне это не надоело. Я закурил сигарету и поднес ее к ноге гангстера. Я точно знал, что такие парни все одинаковы.

— О'кэй... о'кэй, — прохрипел он. — Я буду говорить.

— Я растопил его сердце любовью, — сказал я Экки и бросил сигарету в камин.

— Так что же скрывается за вывеской «Маккензи»?

Он так спешил все выложить, что я не успевал следить за смыслом его речи, но я внимательно слушал его и, након-ец, мне все стало ясно.

Эта фирма занималась торговлей краденного. Происхо-дило это так. В больших партиях одежды, импортируемой из Китая или из Англии, скрывались тюки с ворованными ве-щами. В свою очередь, вещи, украденные в Америке, вывози-лись с импортными вещами за границу и там сбывались че-рез заграничные агентства «Маккензи».

Спенсер был большой шишкой. Главная его работа — продавать то, что попадало в лапы гангстеров. Благодаря большим дивидендам, а также участию в деле важных лиц, организация казалась непотопляемой.

Я понимал, что как только Кан обретет свободу, нам с Экки долго не жить — организация Спенсера прикончит нас. Единственный путь как-то обезопасить себя — надолго изолировать его, чтобы я успел разоблачить эту преступную шайку.

Мне не было по душе хладнокровное убийство, но другого выхода я не видел. Экки, наверняка, понимал, о чем я думаю.

— Предоставь это мне, — решил я, наконец. — Думаю, что нам с тобой хватит суток, чтобы вскрыть этот гангстерский нарыв.

Экки пожал плечами.

— Все зависит от того, сколько мы сможем продержаться Кана, — заметил он. — И попрыгать нам придется. Впрочем, у меня есть идея.

Я позволил ему поделиться со мной этой идеей.

— Мы отвезем эту пташку в полицию и обвиним его в разбойном нападении на нас. Я намекну сержанту, чтобы он продержал его у себя как можно дольше. Он мой приятель и будет рад поиграть с этой крысой.

Я встал:

— О'кэй. Недурная идея.

Глава 15

— Да, Ник, пошло дело, — сказал Экки. — Надо двигаться вперед.

Я сел в машину.

— Слушай, Мо. Мы должны докопаться до истоков как можно быстрее, пока они не добрались до Кана. Ты пойдешь в ФБР и все там расскажешь. Попроси сержанта сегодня ночью переправить туда Кана. Они немедленно вцепятся в него. Экки почесал затылок.

— А ты что будешь делать?

— Поищу Марди, — мрачно произнес я.

— Да? Но где? Ты не сможешь быть сразу везде.

— У меня нет времени бегать вокруг Сары Спенсер, а ведь это она упрятала Марди.

Я рассказал Экки то, что знал сам, что Марди рассказала

мне, как мы впутали Сару в это дело и почему я считаю, что Марди похищена Сарой Спенсер.

У нее безнадежное положение, — заключил я. — Держу пари, что сначала она ставила на меня, но я посмел отказаться от этого дела, а раз Марди исчезла, то я должен что-то предпринять.

Экки слушал меня с отвисшей челюстью. Когда я закончил, он лишь покачал головой.

— Нет, это не годится. Сара Спенсер не стала бы этим заниматься. Я видел ее. Это потрясающая блондинка, но мозгов у нее не больше, чем у кровососущей пиявки, а мораль, как у последней проститутки. Нет, не верю я в эту сказку.

Я пожал плечами.

— Ты не все знаешь, Мо. Во всяком случае, я нанесу визит этой даме. Может, я что-то там узнаю.

Я легко нашел дом Спенсеров. Остановив машину на противоположной стороне улицы, я вышел. Пересекая площадь, я заметил большие черные ворота, но решил не звонить. Мне захотелось устроить сюрприз этой высокопоставленной проститутке.

В этот момент случилось нечто неожиданное. Сигнал моей машины издал приглушенный звук. Я быстро развернулся и сунул руку в карман, где находился пистолет. В машине я увидел чей-то неясный силуэт.

Я вытащил пистолет и стал осторожно продвигаться обратно.

— Ник! Все в порядке! Это я, Ник! — послышался тихий голос.

Это для меня было уже слишком. Да, это была Марди. Она сидела, забившись в угол, и смотрела на меня своими большими испуганными глазами.

— Я так боюсь, Ник! Ничего не спрашивай, только увези меня отсюда побыстрее...

Машина рванулась вперед.

В таком состоянии, как у нее, расспрашивать что-либо было бессмысленно. Марди вся дрожала. Когда мы выехали из города, она ухватила меня за руку и крепко в нее вцепилась. Я понял, что между нами все в порядке.

— Детка, может остановимся и поговорим обо всем?

— Нет, не надо! Мы должны уехать как можно дальше от этого проклятого города.

И мы поехали. Вскоре Марди потянуло в сон. Я быстро гнал машину по дороге к океану. Вскоре я заметил огни

Плиттсвилла. Я снизил скорость и въехал в город. Машина остановилась у тротуара. Марди испуганно вздрогнула.

— Все в порядке, детка, — быстро произнес я. Мы приехали в город Плиттсвилл. Я полагаю, нам надо поговорить, прежде чем ехать дальше.

Я взял ее за голову и повернул к себе.

— Прости, детка, но это слишком серьезно. Я вернулся домой и обнаружил, что ты исчезла. Зато я нашел убитую Блонди.

Я ощутил ее дрожь.

— Убитая? Ты хочешь сказать, что ее кто-то убил?

— Да... ЕЕ КТО-ТО УБИЛ.

Марди заплакала.

— О Ник! Она пришла предупредить меня. Блонди сказала, что они собираются приехать за мной. Я так испугалась, что сразу убежала, а она осталась там. Она сказала, что Кан по приказу Спенсера собирается перерезать нам глотки, так как мы слишком много знаем. Кан был уже в пути.

— Но Спенсер не знал, что мы живем в доме Кеннеди.

Она опустила голову:

— Он знает все. Я тебя уже как-то говорила, что он знает все.

Я прижал ее к себе.

Марди достала платок. Я включил мотор. Машина медленно набирала скорость, когда промелькнувшая мысль потрясла меня.

— Как ты узнала, что я собираюсь к Саре Спенсер?

— Я решила попробовать... Я не знала... Я просто не знала, где тебя еще можно найти. Я подумала, что если ты придешь и не застанешь меня дома, то решишь искать меня у нее.

— Ты просто умница! — восхитился я.

Дальше мы ехали молча и быстро миновали город. Минут через тридцать мы доехали до небольшого деревянного отеля.

Парень за стойкой казался на три четверти мертвецки пьяным, но оставшейся четверти ему хватило, чтобы доставить нас в спальню и принести выпивку. Когда мы остались одни, я приложился прямо к бутылке, а Марди прилегла на кровать. Я внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Ты ложись поспи, а я позвоню Экки.

Она устало подняла голову:

— Хорошо, Ник.

Я спустился вниз, чтобы позвонить по телефону.

После разговора я как на крыльях влетел в комнату. Марди сидела на постели, поджидая меня. Я заметил какое-то отчаяние в ее глазах. Я ничего не сказал ей сразу и лишь немного погодя сообщил:

— Я разговаривал с Экки. Он сильно возбужден. Все в порядке. Спенсер в тюрьме и остальные тоже... И нам нечего бояться.

— А Ли Куртис тоже в тюрьме?

Я изумленно уставился на нее.

— Ли Куртис? А почему ты вспомнила именно про него? Экки сообщил, что они все в тюрьме.

— Но он прямо сказал или не сказал, что Ли Куртис в тюрьме? — голос ее звучал твердо.

Я присел на кровати.

— Что тебя заставляет интересоваться им больше... чем остальными?

Она странно посмотрела на меня и покачала головой.

— Мне просто хотелось узнать.

Она посмотрела на меня испуганными глазами.

— Ник, ты любишь меня? Ты в самом деле любишь меня? Не только вчера и сегодня, но и завтра будешь любить меня?

Я страстно обнял ее:

— Ты навсегда моя, Марди!

— И ты готов для меня сделать кое-что такое, чтобы доказать свою любовь?

— Конечно, — кивнул я, — Но что именно ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы мы уехали и никогда не возвращались в этот штат. Давай уедем далеко-далеко и начнем все сначала. Ты сможешь сделать это для меня?

— Ты имеешь в виду никогда не возвращаться сюда?

— Да.

— Но, Марди, мы же должны на что-то жить! У меня там все связи, и я долго жил там. Я увезу тебя до суда, но потом мне придется вернуться, чтобы зарабатывать на жизнь.

— Деньги не имеют значения, — заявила она. — У меня есть все, что может нам понадобиться. — Она достала длинный конверт и протянула его мне. — Посмотри, это тебе.

Я открыл его и удивился. В нем находились облигации. Двенадцать тысячедолларовых облигаций! Я отложил конверт в сторону и уставился на нее с немym вопросом.

— Это мои облигации, — прошептала она. — Их должно хватить, чтобы уехать и начать все сначала.

— Но, Марди, это слишком большая сумма для такой девушки, как ты! Где ты их взяла!

— В «Маккензи». Я брала то, что давал мне за молчание Спенсер.

— Понимаю...

Она вновь расплакалась.

— О Ник, скажи, что ты возьмешь эти деньги и уедешь со мной. Ну, пожалуйста!

Я засунул конверт под подушку.

— Давай-ка все обсудим завтра на свежую голову, — предложил я.

Глава 16

Мы нашли приют в нескольких милях от Санта-Моники. Это было небольшое уютное местечко. Сад выходил к морю, и если вы надумали искупаться, вам достаточно открыть калитку и спуститься на мелкий желтый песок: море находилось рядом.

Мы великолепно провели время в этом домике. Неделю мы потратили на то, чтобы привести дом в порядок. Море и солнце оказали благотворное влияние на Марди: она перестала кого-то бояться, нерешительность ее исчезла. Мы были счастливы. Через две недели она заметила.

— Ник, ты должен начать работать.

Я только что вышел из воды, а она лежала на песке.

— Что касается меня, — бодро ответил я, — то я всегда готов. Но надо осмотреться и узнать, что я смогу тут найти.

Марди встала на колени и склонилась надо мной.

— Ник, я уже подумала об этом. Почему бы тебе не написать книгу?

Я изумленно уставился на нее.

— Книгу? Но, черт возьми, я не так умен, чтобы писать книги.

Она покачала головой.

— Ты никогда не пробовал. Ты видел, как расходятся некоторые романы? Почему бы тебе не попробовать?

— Да, но мне надо знать, о чем писать.

— Почему бы тебе не написать о репортерах? Ты ведь отлично знаешь их жизнь.

В ее идее что-то было. Я ненадолго задумался. У Экки такое прошлое, что хватит на несколько романов. Да и у меня есть что вспомнить. Марди поняла, о чем я думаю, и радостно захлопала в ладошки.

— Ой, Ник, это было бы прекрасно! Тебе не пришлось бы уезжать от меня. И ты все время был бы рядом со мной.

Я невольно улынулся:

— Цевеселенькая жизнь для тебя...

Она вскочила на ноги.

— Не говори так. Ты посиди и подумай, а я пойду готовить завтрак.

Ну, и стал я раздумывать, и чем больше я думал, тем больше по душе приходилась мне эта затея. К тому времени, как она позвала меня завтракать, мне уже не терпелось усесться за работу. После завтрака я обдумал план и сделал некоторые наброски. Потом я направился на кухню и показал Марди эти наброски.

— О'кэй, милый, — ласково произнесла она. — Теперь мне надо достать машинку, и я стану печатать тебе.

Через два месяца книга была готова. Когда я закончил и прочел ее, то понял, что у меня что-то получилось.

— Это только начало, — ободрила меня Марди. — Ты будешь писать и писать, и скоро зазнаешься, потому что станешь знаменитостью.

— Ты рано радуешься, Марди, — улыбнулся я ей. — Ее еще могут вернуть обратно.

Марди оказалась права, рукопись назад не вернулась. И вскоре из Нью-Йорка пришло письмо от того редактора, которому я послал рукопись. Он писал, что книга ему понравилась, и он будет печатать ее. Меня просили приехать для переговоров.

Итак, я уселся на поезд и поехал на Запад. Марди осталась одна в доме... В издательстве меня приняли прекрасно: выдали аванс и заключили со мной договор еще на две книги.

Я решил не задерживаться в Нью-Йорке и сразу же из редакции поехал на вокзал.

Дома меня ждали.

Сначала я не узнал его. Это был высокий парень с вьющейся прической и глупыми голубыми глазами. Да, это был Куртис! Я остановился у двери и поглядел на Марди. Кровь бросилась мне в голову. Она равнодушно сидела в кресле. У нее были широко раскрытые глаза и бледное лицо, но на меня она даже не взглянула.

— Я жду тебя, — произнес Куртис.

Я ничего не мог сказать.

— Я тут четыре дня, и мы жили с ней.

Я чувствовал, что во мне что-то сломалось, но не мог ничего сделать.

Марди задумчиво посмотрела на меня.

— Не волнуйся, — бросил он, — это вредно для здоровья.

Я подошел к Марди.

— Я на твоей стороне, но я хочу все знать.

Она не шевельнулась, как будто меня и не было. Куртис повернулся в нашу сторону.

— Для этого я и пришел, — заявил он. — Наконец, я нашел вас обоих. Да, мне пришлось слишком долго вас разыскивать.

Я в упор взглянул на него. Должно быть, он что-то прочел в моих глазах, потому что мгновенно выхватил пистолет.

— Не волнуйся, — промолвил он. — Я не хочу стрелять, но не хочу и рисковать.

— Говори быстрее и убирайся вон! — сквозь зубы процедил я.

Он встал и присел на край стола.

— Разговор будет долгим, — предупредил он, не отводя от меня пистолета. — Так что ты присядь.

Я не пошевелился.

— Пару лет назад, — начал он, — я получил работу в «Маккензи» в качестве секретаря. Она работала у Спенсера, ты это знаешь. Она жила со Спенсером, этого ты, возможно, не знаешь.

Он замолчал и стал закуривать, не сводя с меня взгляда. — Вскоре я стал подозревать, что за кулисами этой фирмы творится что-то не то. Наконец, Спенсер стал мне доверять. Я понял, что это грязное дело, очень грязное дело, и не хотел быть замешанным в нем. Она тоже. Так мы стали действовать вместе. Мы подумали, что если нам удастся свалить вину за убийство Ричмонда на Спенсера, а Спенсера посадят, то мы выкрутимся из этого дела и даже получим кое-какую пользу. Так мы подцепили тебя. Нам нужен был парень, который бы свалил всю вину на Спенсера, и мы решили, что ты нам подойдешь. Она звонила тебе, изменив голос. В то время она уже не жила со Спенсером, а жила со мной.

— Хватит! — буркнул я. — Можешь больше не рассказывать. Ты мне надоел. Убирайся!

Он лишь усмехнулся.

— Ты еще не слышал и половины, мой мальчик. Я только начал. Она романтическая баба, и я понял, что она втрескалась в тебя. Затем она попыталась обмануть Спенсера, и он выгнал ее, а меня — нет. Я был осторожнее. Я все время следил за ней, потому что опасался, что она обманет и меня. А затем подвернулась Блонди. Блонди все знала о ней. Она знала, что Марди жила сначала со Спенсером, потом со мной. Блонди понадобились деньги, и она стала шантажировать Марди. Ты уехал в город и оставил ее одну. Блонди тут же заявила к ней. Блонди не понимала, на что идет, и Марди пристрелила ее. Ты слышишь, слабак! Твоя шлюха пристрелила ее! Ты слышишь? Теперь ты знаешь, почему она испугалась и не захотела оставаться в нашем городе? Ей не хотелось быть обвиненной в убийстве. Когда она поняла, что Блонди мертва, она бросилась ко мне домой и взяла из шкафа облигации на двенадцать тысяч долларов. Я же сказал тебе, что она жила со мной, и она знала, где что лежало. Она взяла их и удрала с тобой. ФБР моталось возле меня, но что-то у них не выгорело и меня не взяли. Я несколько месяцев пытался найти ее. И вот... я считаю, что она обязана расплатиться со мной...

— Не волнуйся, Марди, я с тобой, — твердо заявил я. Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Куртис прошелся по комнате.

— Ты еще с ней! — заорал он. — Ты думаешь, что будешь жить с этой сукой, которая запросто убивает людей? Ты не можешь забыть ее прелестей!

— Убирайся отсюда!

— Это смешно. Послушай, щенок, мне нужны деньги. Я немало потратился на нее. Сейчас я больше не работаю и буду жить за ваш счет. Ты дашь мне деньги, а когда они кончатся, я приду и попрошу еще. Тебе придется много работать!

Я спокойно уселся. Я понимал, что этот тип сломал всю мою жизнь. Больше не будет счастливых дней! Не будет местных купаний! Этот парень будет между нами до самой смерти. Я замер.

ДО САМОЙ СМЕРТИ!

Я задумчиво посмотрел на него. Один против двух. Один делает несчастными двоих. Я убью его.

— Сколько ты хочешь? — спокойно спросил я.

— Сколько ты можешь заплатить? — он посмотрел на меня, потом на Марди. Я понимал, что он играет с нами.

— 50 долларов в неделю, — ответил я, чтобы что-нибудь сказать. Я знал, что он задумается, и хотел побыстрее разделиться с ним.

Он расхохотался.

— Мне нужно пятнадцать тысяч сейчас и по сотне в неделю, пока мне не надоест попрошайничать у вас.

— Так много? — я медленно поднялся. — Ты с ума сошел. У меня нет и пяти тысяч.

— Вы взяли у меня двенадцать тысяч. Половину вы истратили. Можете продать этот дом.

— Так ты хочешь полностью ограбить нас?

— Конечно, — кивнул он. — А разве она этого не стоит.

Я подошел к окну и выглянул из него.

— Феды не откажутся и от тебя, — заметил я. — Допустим, я выдам тебя, а?

— В твоём возрасте надо быть умнее. Я ведь могу потащить ее за собой.

Я выжидал удобного момента. Надо выбить у него пистолет и прикончить. Я удивился своему хладнокровию при таких мыслях. Я не ощущал ничего такого, как будто собирался пришить муху. Только подобрать удобный момент!

— Что ж, ты взял нас за глотку, но я не могу выплатить все сразу.

— Выпиши мне чек на десять тысяч, а за остальными я приду через месяц.

Я состряпал унылую рожу. Отошел от окна и подошел к столу. Он все так же сидел на столе и внимательно следил за мной. Я остановился у другого края стола.

— Послушай, — обратился я к нему. — Может, ты удовлетворишься десятью тысячами и оставишь нас в покое?

Он засмеялся и на мгновение упустил меня из вида. Этого мне было достаточно. Я рывком поднял свой край стола и опрокинул его вместе с Куртисом. Это было легко, тем более, что он сидел на краю. Стол упал на него и от неожиданности он выпустил из рук пистолет. Я тигром бросился на него.

— Марди, возьми пистолет! — крикнул я.

Она быстро подняла его.

— Дай-ка мне его! — приказал я.

Она молча смотрела на меня. По моим глазам она поняла, что я собираюсь сделать. И вместо того, чтобы отдать мне оружие, она сделала шаг назад.

— Нет, ты не должен его убивать, — твердо заявила она. — Я не хочу, чтобы ты убивал.

— Дай мне его, Марди! — с отчаянием произнес я.

— Боже мой! Неужели ты не видишь, что это единственный выход? Мы должны от него избавиться. Если эта тварь будет жить, нам с тобой будет плохо.

Все это время Куртис пролежал накрытый столом. Глаза его были закрыты, а лицо позеленело, очевидно, от страха.

— Ник, — прошептала Марди. — Я бы не стала убивать эту шлюху Блонди. Но она хотела разрушить единственное, что у меня было. Я чуть с ума не сошла и сделала это... Я очень люблю тебя и пыталась забыть это, но...

— Все это ерунда. Дай мне пистолет!

— Я пыталась спасти нашу любовь убийством, но это не выход. Ты хочешь повторить мою ошибку. И мы не сможем глядеть друг другу в глаза. Отпусти его, Ник.

Она была права. Я отпустил Куртиса, и он медленно поднялся.

— Подожди здесь, — сказала ему Марди. — Я выпишу чек.

Я стоял спиной к Куртису и смотрел на Марди. Она погладила меня по руке и, остановившись у двери, печально проговорила:

— Если б ты мог еще любить меня, Ник!

И она направилась в спальню, где хранилась наша чековая книжка.

— Черт бы тебя побрал вместе с твоими фокусами, — пробормотал Куртис.

В спальне грянул выстрел. Мы вздрогнули и переглянулись.

— Она снова обманула меня... — сквозь зубы процедил Куртис.

Он нерешительно посмотрел на меня и направился в спальню. Я не двинулся с места. Внезапно Куртис вздрогнул и повернул назад. Он чуть постоял и медленно вышел на улицу. Я слышал, как скрипит гравий под его ногами, но не смотрел, как он уходит.

Наконец, он скрылся из глаз, и я вышел в сад. Теперь мне не хотелось смотреть на Марди. Я хотел запомнить ее такой, какой я встретил ее впервые: жизнерадостной и красивой. Я не мог плакать. Внутри у меня все умерло.

Большая чайка описала несколько кругов надо мной и улетела, махая крыльями, как бы прощаясь со мной. Улетела в сторону моря. Я подумал, что это улетела душа Марди, которая в своей глубине всегда оставалась чистой...

Тувинская литература и искусство понесли невосполнимую утрату. Умер в самую пору творческого расцвета заслуженный писатель Республики Тыва, поэт, прозаик, драматург и известный, популярный в народе артист Владимир Седипович Серен-оол.

В. С. Серен-оол родился 14 марта 1942 года в семье аратоз-скотоводов в селе Торгалыг Овюрского кожууна ТНР. Учился в Торгалыгской восьмилетней и Хандагайтинской средней школах, а затем — в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кино, на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А. М. Горького.

В. С. Серен-оол начал свою трудовую деятельность литературным сотрудником редакции газеты «Тываның аныяктары», был заведующим отдела этой газеты, стал признанным журналистом. Тяга к знаниям, любовь к искусству послужили причиной к выбору профессии артиста. После окончания института В. С. Серен-оол работал артистом и заведующим литературной части музыкально-драматического театра. Долгие годы он был корреспондентом редакции газеты «Шын».

В. С. Серен-оол сыграл на сцене Тувинского ордена Знак Почета музыкально-драматического театра им. В. Ш. Кок-оола множество разноплановых ролей из драматических произведений мировой классики, русских и тувинских писателей и прославлялся как актер высокого профессионального уровня и редкого сценического обаяния.

Со школьных лет его сердцем завладела любовь к литературе. Первые стихи шестнадцатилетнего поэта были напечатаны в газетах

«Тываның аныяктары» и «Сыдысчыгаш». Он прекрасно освоил разные виды жанра поэзии, обогатил тувинскую литературу новыми формами стихосложения, явив себя новатором.

Член творческих союзов писателей, журналистов, театральных деятелей Российской Федерации В. С. Серен-оол оставил большое творческое наследие. Им выпущены на тувинском и русском языках 7 книг поэзии и книга прозы. На сценах театров республики были поставлены и тепло приняты зрителями его пьесы: «Дороги, дороги», «В пору цветения таволги», «Суд матерей», «Пир», «Энесай-Мерсон», «Охотник Кудер», «Шаман Карыш». Свою первую трудовую профессию — труд журналиста он рассматривал как долг писателя перед народом. Очерки, статьи, репортажи, информации В. Серен-оола публиковались на страницах республиканской прессы до последних дней его жизни и находили сочувственный отклик в сердцах людей.

В. С. Серен-оол был настоящим патриотом-интернационалистом и проделал большую творческую работу по ознакомлению своего народа с лучшими образцами мировой литературы. Он перевел на тувинский язык А. С. Пушкина, В. Шекспира, Ж.-Б. Мольера, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, У. Гаджибекова, Ч. Айтматова, С. Маршака и других писателей с мировым именем.

В свою очередь произведения В. С. Серен-оола переводились на русский, украинский, алтайский, бурятский, якутский, хакасский, монгольский и татарский языки и печатались в журналах России и

других республик СНГ.

В. С. Серен-оол был автором текстов многих любимых в народе песен, написанных в содружестве с лучшими композиторами нашей республики.

Подлинный творческий талант, верность долгу художника, целеустремленный труд позволили ему создать замечательные литератур-

ные произведения и сценические образы.

В наших сердцах всегда остается облик настоящего писателя и артиста, отзывчивого и верного друга, подвижника литературы и искусства, редкой душевности и честности человека — Владимира Седиповича Серен-оола.

Н. Ш. Куулар, Ч. Ч.-Д. Ондар, М. М. Сүге-Маадыр,
Ч. Ч. Куулар, С. С. Сюрюн-оол, М. Б. Кенин-Лопсан, О. Ө.
Сувакпит, Ю. Ш. Кюнзегеш, К. К. Кудажи, Е. Д. Танова,
Д. Д. Сарыкай, М. К. Олчей-оол, А. А. Даржай, В. С. Козлова,
Е. В. Антуфьев, М. А. Хадаханэ, А. К. Уержа, А. Х.-О.
Ховалыг, В. Б. Монгуш, Э. Л. Донгак, М. Б. Көжелдей.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕНЕФИС

Интервью с Александром Даржаем	3
Урана Донгак. Бесчисленные звезды вселенной	6
Александр Даржай. Страдания в пору желтой листвы. Я моря не видел ни разу. Бумажные цветы. Перевод Е. Антуфьева. Отрывок из поэмы «Людская совесть». Переводы № 1—3, 5, 9, 11, 12, 15, 16, 18, 19, 29, 81. И. Принцевой. № 4, 10, 13, 17—28, 30—48. Е. Антуфьева.	12

ПРОЗА

Эдуард Мижит. Мальчик и ручеек. Колодец. Печаль. Паук. Пауза. Колесо. Следы. Белая Мистерия.	23
Иван Шустов. Под осенней луной. Настоящий император.	35
Кызыл-Эник Кудажы. Культурный медведь.	52

СТИХИ

Николай Куулар. Дорога. Языческая богиня. Мугур-Саргол. Переводы Е. Антуфьева. Два стиха о снеге. Перевод А. Макарова.	56
Монгуш Доржу. Из лирики. Переводы К. Емельянова. Кольцо. Памятник. Переводы Е. Антуфьева.	58
Куулар Черлиг-оол. Суета. Сонет. Переводы Т. Веселовой.	60
Монгуш Кенни-Лопсан. Алгыш тувинскому чаю.	62
Монгуш Олчэй-оол. Предел. Жизнь. Переводы Г. Принцевой. Арбуз. Прошлое. Слава. Переводы Э. Цаллаговой.	62
Болат Маады. Священное в земном. «Кузница трудаги». Г. Принцевой.	66

Чургуи-оол Доржу. Знак весны. «На вершине туманы...» Переводы Г. Принцевой.	68
Виктор Сагаан-оол. Встречаем весну. Месяц апрель. Переводы Г. Принцевой.	70
Сайлык Хомушку. «Мама — ты наша звезда». Переводы Г. Принцевой.	71
Зоя Амыр-Донгак. «Как дерево, убитое грозой». Перевод Г. Принцевой.	72
Анатолий Быков. Ожидание. Взгляд.	72
Инна Принцева. Цикл «Осенняя ночь». Лилит.	73
Сергей Тюлюш. «Любовь исчезла вся...», «И глаза твои...», «Ле- карства столько выпил...».	76
Юлия Любина. «В его дыханы...», «Я пьяная...», «Свободное оди- ночество».	77
Евгений Антуфьев. Дорога. Гадание. Мрак. Звезда. Осень. Мелодия. Третий. Цепочка. Мой час. Башня. Палач. Баллада о бездорожье. Глава. Одиннадцать. Сон. Последний патрон. Река.	78

ВОСПОМИНАНИЯ

Виктор Тока. Мой отец.	86
Мария Черноусова. Автографы из библиотеки Степана Сарыг- оола.	89
Мария Хадаханэ. В начале жизни.	97
Кончук Мерген. Туриада.	119

ОТ ТРЕХ ДО ШЕСТИ.

Говорят дети.	126
-----------------------	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Д. Х. Чейз. Это ваш венок, леди.	128
--	-----

УЛУГ-ХЕМ, № 3 (12/90)

1994

Май — июнь

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал Союза писателей Тувы.

Редактор выпуска Е. В. Антуфьев. Обложка
художника М. Ч. Чооду. Технический редактор
А. А. Чернова. Корректор Е. В. Антуфьев.

Сдано в набор 12.05.94. Подписано к печати 12.07.94. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага газетная. Гарнитура школьная. Печать высокая. Физ. печ. л. 11.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,82. С—36. Тираж 5000 экз. Заказ № 536.

Редакция журнала «Улуг-Хем», 667000, Кызыл, ул. Щетинкина и Крав-
ченко, 57.

Типография Госкомитета по печати и информации Республики Тыва.
667000, Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 1.

2000

МОЯ МАМА ЛЮБИТ ГАЗЕТУ «ЦЕНТР АЗИИ» ТАК ЖЕ, КАК Я ШОКОЛАД!

Хотя газета совсем не сладкая.

ВСЕ ОБО ВСЕМ БЕЗ ГЛЯНЦА — В НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ «ЦЕНТР АЗИИ».

Розничная продажа и подписка во всех киосках «Тувапечати», отделениях связи, в редакции.

Размещение любой рекламы, объявлений. Тел. 3-23-09, 3-50-56, 3-37-49.

Адрес: 667000 Республика Тыва, г. Кызыл, Красноармейская, 100, Дом печати, 4 этаж.